

84(2=411.2)6

Р98

Андрей Рябов

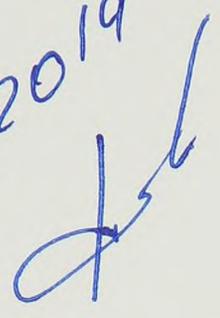

СИБИРСКАЯ
КОСТОЧКА

Кристина - с удовольствием
от автобуса.

4.12.2014

Андрей Рябов

СИБИРСКАЯ КОСТОЧКА

Моей любимой жене Анжелле посвящается

Тюмень
2014

УДК 821.161.1-43(571.122) (081)

ББК 84(2=411.2)6-46 Я44

Р 98

Р98 Андрей Рябов. Сибирская косточка. - Тюмень: ОАО «Тюменский издательский дом», 2014, 144 с.

Художник - Тимофей Беспалов

*Выражаю огромную признательность
депутату Тюменской областной Думы Сергею Сергеевичу Козлову
за неоценимую помощь в издании этой книги.*

Книга издана при финансовой поддержке
Правительства Тюменской области

62465 ф-20

ISBN 978-5-9288-0249-3

Муниципальное казенное учреждение
Ханты-Мансийского района
«Централизованная
библиотечная система»

© Андрей Рябов, 2014
© ОАО «Тюменский издательский дом», 2014

Память как преодоление скоротечности жизни...

Книга Андрея Рябова открывается сетованием на скоротечность судьбы газетной публикации, когда то, о чем сегодня «может говорить весь округ», завтра замещается новыми делами и заботами. Поэтому автор и предпринял попытку «дать старой газете новую жизнь». А уже при чтении его зарисовок и историй не можешь отделаться от навязчивой аналогии: скоротечна судьба наших встреч, жизненных историй, ситуаций, скоротечна и вся наша жизнь. И как хорошо, благодаря зарисовке о том, какой «ты была, Советская армия...», вспомнить и свою Советскую армию, хотя была она за тысячи километров от Грузии, но нагрузки и радости, а также те, кого сегодня помнишь как однополчан, – те же самые, даже по фамилиям сходятся.

Вот и получается, что зарисовки и истории Андрея Рябова – это не только его память – это и оживающая память читателя. Другое дело, что у автора книги память не выступает в качестве только чего-то исключительно индивидуального, она будит прапамять читателя, который начинает вспоминать не только то, что было с ним, но и то, чему участником и даже свидетелем он не был, как, например, в истории с бабой Варей, которая значительную часть жизни провела с клеймом детей врагов народа. И это уже – наша народная память, память о том, как жили мы, через что прошли мы как народ, как страна. Память о том, как «почти век крестьянство в России «душили-душили, душили-душили», как «рубили буденновскими шашками, обирали продразверстками, ссылали на вечное поселение, сгоняли в колхозы, укрупняли, урбанизировали, приватизировали...» И читали мы об этом, и горевали, и удивлялись тому, как все-таки многие выжили, а вот же не оставляет равнодушным история семьи Ляминых из поселка Выкатной, что в Ханты-Мансийском районе, не просто не оставляет, а добавляет нашей общей памяти представлений о том, какова история нашего Отечества.

Как много хранит память деда Коли, который не хочет (ну ее к лешему) рассказывать про войну...

С памяти начинается и взгляд в современную жизнь: в «параллельный мир», в котором оказались некоторые наши соотечественники без определенного места жительства – бомжи. И в самом деле, как тут ни вспомнить о том, как «когда-то весь Советский Союз с душевным трепетом и здоровым обывательским любопытством следил за перипетиями жизни таежных обитателей Лыковых.

Сердце холодело от волнения: как они там без телевизора? Без холодильника? Без аспирина, колбасы, соседских сплетен?» А сколько «сегодня таких же лыковых обитает рядом с нами», а нам дела особого нет до того, какую память о своей и не только жизни хранит Валерий Петрович Левдин...

Истории Андрея Рябова заставляют работать память читателя, хранить впечатления от текущей современности. Думается, что не каждому из нас интересно знать о том, как они там живут, чем занимаются, на что обижаются люди, попавшие в зону. Однако несколько эпизодов из жизни заключенных «пятнашки» и ее Хозяина заставляют задуматься над тем, что какими бы они не были, эти самые ЗК, но это тоже наши люди, наши соотечественники, и нам с ними все равно жить, пусть и в будущем.

Вроде бы незамысловатые житейские истории в жанре невыдуманных рассказов, с которыми знаком читатель, но за каждой историей не просто интересная судьба (любого из героев!), но и своя манера разговора, своя манера видеть этот мир, умение сказителя (как-то по-другому не хочется в данном случае называть Андрея Рябова) передать саму атмосферу встреч и событий, историй и приключений. А главное – истории и зарисовки книги выступают в качестве реального преодоления скоротечности нашей жизни, доступного каждому. Надо только уметь видеть и слышать тех, кто рядом с нами, на кого мы, может быть, не всегда обращаем внимание: подумаешь, какие-то старики копошатся каждый день возле сена да коров, а тут еще и бомж (тоже мне невидаль!).

Автору «Косточек» удастся не только увидеть и услышать, но и выразительно, без ложной пафосности и нравоучительства, без доуки-опеки запечатлеть и приметить нашей истории, и совсем неприметных, на первый взгляд, ее участников. Ему удастся не только продлить жизнь газетных публикаций, но и преодолеть для себя и для нас скоротечность жизни...

А.Н. Семенов, доктор педагогических наук,
профессор, член Союза писателей России

БАБА ВАРЯ

Судьбы человеческие – что может быть их интересней! Некоторые читаются как увлекательный детектив, над мелодраматичностью других впору лить слезы, третьи... Третьи потрясают своей способностью вмещать в одну-единственную жизнь судьбы целого поколения и всей страны. Практически в любой российской деревне можно услышать такие истории – куда там импортным сценаристам с их «санта-барбарами»...

Живет, например, в поселке Урманном Ханты-Мансийского района крепкая, как боровичок, бабушка с большими печальными глазами. Едва я переступил порог ее домика, как моментально были выдворены в другую комнату домочадцы, закипел самовар, оказались выложены горкой румяные блины, печь которые Варвара Николаевна Чукреева большая мастерица. За чайком постепенно, год за годом, рассказывает баба Варя о главных событиях своей жизни, вместившей в семьдесят два года голод, потерю близких, детдом и многое-многое другое...

...За что, за какие грехи наказывает Бог самых верных своих приверженцев, из века в век, из поколения в поколение заставляя отдавать свои жизни за веру православную? В 1942 году маму Вари арестовали за то, что была она очень верующей, не скрывала своих убеждений и открыто проповедовала любовь к Богу. «Органы» не посмотрели даже на заслуги старшего сына и дочери, воевавших на фронте. Узнав о происшедшем, внезапно скончался отец, эвакуированный вместе с заводом на восток. Четырнадцатилетняя Варя осталась с младшими – сестрой и двумя братьями – в родной липецкой деревне...

– А я в Бога уверовала, когда он меня от неминуемой гибели спас. Тяжко нам было, зимой ходили по миру, жили тем, что нам добрые люди подавали. Однажды мы с младшим Ваней шли по лесу в одно село. Там небольшие горки были, глядим – с одной из них к нам здоровущие собаки спускаются. Подошли ближе, обнюхали наши с Ваней руки и побежали

дальше. Мы на другую горку поднялись, а наверху дядька в санях сидит и, разинув рот, на нас смотрит. Почему, спрашивает, волки вас не разорвали?! Первый раз о таком чуде слышу! Тут у меня коленки-то и подогнулись...

Весной на двор к сиротам явились два председателя – сельсовета и колхоза. Местная власть с порога заявила: мы решили вас в детдом отправить, пусть государство что хочет с вами, то и делает. Собирайтесь... Баба Варя вспоминает, что родная тетка напекла им в дорогу хлеба, но «добрые» дяденьки-коммунары его конфисковали и тут же демонстративно скормили своим лошадям...

Детей увезли за много тысяч километров, на берег Оби, в поселок Урманый. В местном детском доме находилось тогда около двухсот ребятишек, большинство было эвакуировано из Ленинграда. Жили дружно и весело, несмотря на то, что приходилось много работать. Детдом содержал свое небольшое хозяйство – четыре коровы, две лошади. Кроме того, воспитанники постоянно помогали колхозу, за что тот снабжал детдом мясом, молоком, овощами. Например, ребятишки убирали хлеб: пока не свяжут по двести снопов пшеницы, с поля не выпускали. Имелся даже свой 70-метровый неводишко, благодаря чему на сиротском столе постоянно была свежая рыба.

Худенькую, небольшого роста Варю определили на кухню, где она попросту терялась рядом с 12-ведерным котлом. Но девочка не жаловалась, работала, не покладая рук:

– Нас в детдоме не обижали, воспитателям было все равно, чьи мы сыновья и дочери – репрессированных или погибших на войне. А вот в детском доме соседнего Кедрового, говорят, ребятишек даже избивали.

Казалось, жизнь только-только начала налаживаться, как случилась новая трагедия – умер младший братишка. С горки раскатились сани и ударили мальчика в голову. Второй Варин брат погибнет через несколько лет, уже после окончания Тобольского рыбтехникума...

Выйдя во взрослую жизнь, Варя не покинула ставшие родными стены детдома, устроилась работать в столовой, сначала помощником повара, затем поваром. В это время вернулись с фронта старшие брат и сестра, долго искали своих.

– Однажды брат повстречал того председателя сельсовета, который нас притеснял. Схватил его за грудки: говори, куда моих сестричек и братиков подевал! Тот уже хрипеть начал: прости, Петро, уеду, не покажусь больше. Брат начал его под тарантас толкать, да тут бабы набежали, на руках повисли, кричат – брось, посадят ведь! Ели оторвали. Второй, колхозный начальник, вскорости болеть страшно начал. Рассказывали, рыдал перед своей матерью, мол, об одном мечтаю – чтобы простили меня люди за все, что я натворил. Поздно хватился...

Баба Варя тихонько плачет, утирая глаза кончиком платка:

– Только вспомню, что пережито, как советская власть людей уничтожала – больно становится. Не дай Бог ворошить прошлое!

Горькая судьба выпала на долю их матери. Отсидев ни за что десятилетний срок в лагерях, она не перестала и за колючкой молиться и проповедовать. За это «самый справедливый суд в мире» отмерил ей еще восемь лет. Отмаяла она и эти страшные годочки. Должна была выходить на свободу 9-го числа, а 5-го не выдержало материнское сердце...

Клеймо «детей врагов народа» долго висело и на Варе. Косо смотрели власти, каждый месяц приходилось отмечаться в комендатуре. Лучик света вошел в ее жизнь вместе с Колей Чукуревым, молодым парнем, недавно вернувшимся с войны. В 1948-м

сыграли свадьбу, взялись строить свой дом. Николай долгие годы проработал главным механиком колхоза, мотался сразу по трем поселкам, был мастером на все руки. Варвара трудилась поваром сначала в детдоме, потом в больнице, семь лет отработала на лесоповале.

45 лет прожили Чукреевы душа в душу, воспитали троих детей. Потом Варвара Николаевна овдовела, теперь смысл своей жизни видит в детях и внуках.

– Когда детдом расформировали, мне потом еще долго бывшие воспитанники письма слали, некоторые в гости приезжали, в Ленинград жить звали. Я им всем родня. За что Бог продлил мой век? Может быть, за доброту. Сейчас все вокруг порушено, ласки не видно. А меня люди уважают, даже сметану вон за так приносят. Нужды какие? Телефон бы надо, а то в прошлом году у меня было предынфарктное состояние, а врача вызвать неоткуда. Спасибо, глава администрации свой «уазик» дал, а то бы не доползла до больницы...

...Уходя от пенсионеров, обычно уносишь в себе тягостное ощущение вины за все несчастья, лишения, что довелось им пережить. А этот гостеприимный дом я покидал со светлым чувством. Может быть, потому, что не жаловалась моя героиня, не проклинала своих обидчиков, не призывала на их головы кары небесные. Обычная русская женщина, не мученица и не святая, просто та, на которой земля держится – баба Варя...

2000

Послесловие

Давно нет на свете бабы Вари. Вместе с такими вот бабушками уходят в небытие русские печки и домотканые половички, ни с чем не сравнимый сибирский говор и духмяные рыбные пироги, плюшевые кацавейки и темные лики Богородицы в красном углу. Бабушки – добрые, заботливые, все умеющие и все знающие вечные труженицы, спасибо вам за все! До слез обидно, что никогда уже больше не удастся поцеловать ваши такие грубые и такие нежные руки с навечно изломанными ревматизмом суставами.

Царствие вам Небесное, наши бабушки!

ТАКОЙ ТЫ БЫЛА, СОВЕТСКАЯ АРМИЯ...

– ...Взво-о-од, в колонну по два – становись! Бего-о-ом – марш!

Лихорадочные удары сердца сотрясают все тело, потоки пота заливают глаза, тяжеленные кирзачи немилосердно сбивают ноги, привыкшие к домашним тапочкам, легкие мечутся по грудной клетке в поисках лишнего глотка кислорода. Мы бежим семикилометровый кросс вокруг периметра нашей вэче 55503...

Первые два месяца армейской службы каждый из нас помнит смутно. Бесконечные «Сорок пять секунд – отбой!», «Отделение – газы!», «Упор леж – принять!» вводили в состояние ступора. Плюс – немилосердная июльская жара. Плюс – солнечная Грузия. Плюс – восемьсот метров над уровнем моря. И здесь оказались мы, пятеро молодых, влившихся в состав роты охраны ПРТБ, то бишь «подвижной ракетно-технической базы».

– Что, салабон, умираешь? – издевательский голос сержанта Лихонина доносится словно из-под подушки. – Это тебе не пирожки мамкины трескать! А ну, боец, шевели колготками, всего-то версту пробежал!

Но конечности полудохлого «бойца» уже заплетаются, глаза закатываются, и он мягко валится в выгоревшую жесткую траву, покрывающую холмы вокруг Вазияни... Трудно поверить, но всего через полгода мы с полной боевой выкладкой, навьюченные «калашами», РПК, РПГ, патронами, противогазами, ОЗК легко и с удовольствием носились по горам Грузии, похохатывая от удовольствия и грохоча сапогами на каменных осыпях...

Молодые здоровые организмы легко адаптировались к нагрузкам, привыкали к стрессам, учились противостоять любым стихиям, будь то ледяной январский ветер, накатывающийся с вершин Кавказа, или очередная дурь нашего комроты, ма-а-асквича капитана Артемьева. Мы интуитивно чувствовали то пренебрежение, с которым он смотрел на всех нас своими водянистыми навывкате глазами, шевеля при этом тараканьими усищами...

Страшновато было поначалу заступать в караул. Мы понимали, что в руках у нас оружие с боевыми патронами, за забором и пятью рядами «колючки» – рукотворные «холмы» с ядерной начинкой, а вокруг – Закавказье. В КЗакВО повсюду уже начались нападения на караулы воинских частей – из-за оружия, и до уже стреляющего Карабаха рукой подать.

Правда, в подавляющем своем большинстве местное население относилось к нам с любовью и трепетом. Попросту невозможно было вернуться из увольнительной голодным и трезвым – гостеприимные грузины так и норовили угостить солдатиков душистым лавашом, ароматным харчо, бархатными персиками или стаканом густого домашнего вина...

А мы – служили, честно и истово. Ходили в караулы, «через день – на ремень», рубили строевым по плацу, косили сено для своего подсобного хозяйства, подстригали джунглеобразные кусты сирени, собирали шелковицу и абрикосы, во множестве произраставшие прямо возле казармы. Дружили, ссорились, порой – дрались, чаще – делились последней присланной в посылке конфетой. Пацаны...

Завидовали четверым друзьям-псковичам, которые вместе призвались, попали в одну часть и держались заодно перед любым противником – НАТО или «дедами». Володя Незнайкин, Серега Тарасов, Игорь Новиков и Валерка Васильев – веселые, шепутные, злые до работы и поиска чего бы выпить.

После дембеля разошлись наши пути-дорожки – на целых четверть века. И вдруг на этой неделе получаю письмо через «Одноклассников»:

«Андрюха, привет из Пскова! Большой привет от всех нас, может, помнишь? Очень рад! Я – Игорь Новиков! Немного о себе: женат, дочь. С Валеркой все нормально, ездим

на рыбалку, научусь фотки отправлять – пришло. Да, живем, где и жили. Дурак был, надо было валить куда-нибудь на Север, но бабы, водка, которую было не достать, долбаный Горбач... Володька – инвалид 2-й группы, жена умерла, сын живет отдельно. Серега платит алименты, дурак, работает в ЖКХ. Валерка так и не женился, работал ментом на вокзале, сейчас – по халтурам. Ездили в 1993-1994 годах в Осетию – было весело... Я после Кавказа чуть от водки не сдох, теперь отвернуло, 6-й год работаю на церкви. Рассказать тебе про Осетию? Как журналисту или как другу? Давай про Осетию как-нибудь отдельно, смеяться долго будешь... Удачи!»

ДМБ-88-май, КЗакВО. Вазиани, ты мне до сих пор снишься...

Послесловие

Эти письма я получил от своего старого сослуживца. В них он рассказывает о том, как служил по контракту в Осетии в начале 90-х годов. В тексте я убрал ненормативную лексику и орфографические ошибки. Остальное читайте сами...

...Я не писатель, но попробую. Все началось, наверное, в 1991-м. С работы сократили, делать нечего. Тут была Пасха, после кладбища сидели, бухали, и разговор зашел о Приднестровье, там как раз канитель началась. И кто-то языком ляпнул: поехали русским помогать.

Сказано – сделано. С кладбища с бухлом – в поезд и на войну. Нас с парнем милиция сняла в Великих Луках. Третий вернулся через три дня без Сереги Тэрика и рассказал, что доехали до Витебска, и кончилась водка, а какая без неё война? В магазине Серегу задержали, оказалось, что они стырили 4 бутылки, и будет суд. Но пока он шатался по белорусским СИЗО, СССР развалился и его, как иностранца, послали подальше. Сказали, своих некуда сажать.

Так закончилась наша первая поездка. Дальше продолжать?

...Ну, продолжаю. Дальше вроде всё нормально пошло, работа. А тут начался первый набор по контракту в военкомате. Наобещали золотые горы – жильё, деньги и всё такое. Предложили Осетию. Кавказ, как-никак, своё, родное. Там как раз канитель шла. Родные отправляли, как на войну, подруга просила привет ей с БТРа прислать.

И мы поехали на войну, как нам казалась. В вагоне холодно, конец декабря. Познакомились с парнем, оказалось, такой же, как мы. И начался банкет. Помню, проезжали Ростов, так весь вагон не спал – нас боялись. А нам было по барабану. Переругались с осетинами, хотели меня завалить, думали, что я ингуш – из-за моего носа. Но потом объяснились, кто мы и зачем едем. И пьянка продолжилась уже вместе с ними.

Приехали. Нам говорили, что нас встретят, но это была шутка. Куда идти, чего делать – никто не знает. Увидели двоих пацанов с баулами, как у нас, разговорились. Они из Мурманска, тоже приехали воевать. Что делать? Эдик сказал умную мысль – надо похмелиться.

Потом возле пивного, где мы были, остановился «Урал» с российским флагом – ребята тоже болели. Разговорились, но они тоже ничего не знали. Короче, нас целый день возили по частям и везде спрашивали – вы чо, дураки? Все бегут отсюда, а вы – сюда.

Под вечер в пехотном училище нашли, куда нам надо, отвезли на КПП, отобрали водку, сказали, что здесь сухой закон. Водку мы потом забрали. И мы пошли в казарму. Когда мы зашли туда, я офигел, такой пьянки я ещё не видел. Дым – топор можно вешать, гора бутылок, человек сорок народу и первый вопрос – есть чем закусить? Это было 1 января. Дальше продолжать или тебе неинтересно? Сейчас пойду церковь открывать, вечером служба...

...Ну, слушай дальше. Оказалось, что они здесь уже неделю воюют. Пропили все гражданские шмотки срочникам. Мы ехали туда жить, мы меняли их, пили. До Рождества офицеров не видели, не вру. Нас переодели в форму. Ну, за эту неделю нас уже знали во всех местных кабаках, дискотеках, даже к казакам в гости попали.

Прикинь такую картину: мы с Серегой подходим к ларьку за пивом, там стоят трое казаков выше двух метров, для них АКМ, что для нас пистолет. И Тэрик говорит одному: «Снимай берцы», его на форму клинило. Но парни – молодцы, шутку оценили, ответили: «А мы как до казармы дойдём?» Так мы попали к ним. Они тоже приехали, как и мы, правда, у них было начальство, а у нас нет.

В казарму мы вернулись через сутки. После Рождества появилось начальство и сказало, что будет из нас делать настоящих воинов-профессионалов, и выгнало нас в поле на тактические занятия с оружием. Вспоминаю и смеюсь – выдали холостые патроны, а у нас их было на сутки боя, от срочников наследство. И стали гонять по полю, окапываться и всё такое. Прикинь, все с бодуна, всем плохо, а тут такое. Один мужик, ему было лет 35, рухнул в снег и просил, чтобы его пристрелили там же. Андрюха, это надо было видеть!

...Короче, из нас сформировали четыре мотострелковых роты, нас уже было человек триста. Мне повезло, стал пулемётчиком на БТР – штука офигенная. Когда это всё происходило, в основном всё уже закончилось, и в нашу задачу входило стоять на блок-постах и не допускать, чтобы ингуши и осетины перестреляли друг друга. Но об этом потом.

Ничего не понимаю в этой фигне, какие-то эротические знакомства предлагают. Что такое, объясни?

Блин, с тобой писателем станешь. Всё, не могу больше писать, устал.

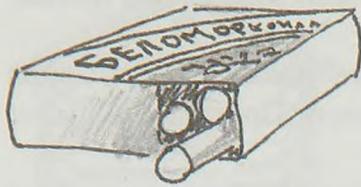
...Хочу рассказать о нашем быте и народе. Контрактная служба только начиналась, и никто не знал, как к нам местные относятся, ведь возраст у нас был от 23 до 38. Первую получку получили в конце января, и то пока начфину бутылкой по голове не дали.

После собрались офицеры и нас человек триста. Был задан вопрос – зачем нас здесь собрали, обещали подъёмные по 100 тысяч, жильё, некоторые уже семьи ждали. Ну, они толком ничего не знали, всё было в первый раз, но было ясно: срочников надо увольнять, а вместо них надо было кого-то ставить. А какой дурак сюда пойдёт? В общем, была такая ситуация. Ну, а народ – большинство такие же разгильдяи, как мы. Были уголовники, алиментщики, чмошники, крысы, которые у своих воровали, и всё такое, со всей России. Некоторые уходили сразу после первой ночёвки в этом дурдоме, некоторые потом. Только куда без денег? После я понял, откуда на Кавказе столько рабов. К нам обращались насчёт работы, ну, чмошник он и в Африке чмо.

Насчёт крыс... Ночью пошел в туалет, он был в казарме без стёкол, только решётки. Холодно, бр-р-р. Вижу в дырке, копошатся внизу два тела в одних кальсонах. Я потом заглянул к пацанам в кубрик, там шла пьянка. Выяснилось, что эти два черта воровали у своих бушлаты и продавали, да по пьянке проговорились. Утром их уже не было, куда они делись голые, без денег и документов? Вот такой народ был.

Андрюха, ну, а теперь о самой службе. Неделю в районе, неделю в казарме жрали водку. Один раз она меня спасла. По пьянке заблудились, попали к ингушам на БТРе. Я ехал на броне и спустился вниз похмеляться, а вместо меня вылез другой и ингуш: не спалось козлу – пацана ранил. Ну, у нас планка – на ноль. Постреляли немного и еле сдёрнули оттуда. У меня потом два дня лапы колотились. Но всё обошлось тихо, местное население относилось хорошо. Пойду покурю. Чего-то разволновался...

СТОЛИЧНЫЙ ЖИТЕЛЬ

Когда-то весь Советский Союз с душевным трепетом и здоровым обывательским любопытством следил за перипетиями жизни таежных обитателей Лыковых. Сердце холодело от волнения: как они там без телевизора? Без холодильника? Без аспирина, колбасы, соседских сплетен?

Сегодня тысячи таких же лыковых обитают рядом с нами. Вернее, живут в некоем параллельном мире. Мы знаем об их существовании, иногда видим согбенные фигуры в невообразимом тряпье, роющиеся в мусорных баках. Видим – и старательно отворачиваемся, стараясь не замечать их потухший взгляд с застывшим в нем немым упреком. Чего он ждет, этот человек: подачки с барского стола, восхождения новой Вифлеемской звезды или просто какого-нибудь конца? О чем думает бомж – человек без определенного места жительства?

Почти напротив «hotel «Сокол», в двухстах метрах от строящегося аэропорта в лесочек уходит утоптанная тропинка. Чуть дальше, за деревьями, виднеется и какое-то сооружение, назвать которое жилищем мог бы только человек, обладающий буйной фантазией.

При ближайшем рассмотрении ЭТО оказалось чем-то средним между парником и собачьей конурой. На обугленных столбиках были натянуты обрывки пленки, бумага, тряпки, над импровизированной палаткой торчала железная труба. Вокруг расчищена от снега площадка, в несколько стопок сложены картонные коробки, валяются пустые пластиковые бутылки, висит драная ветошь, несомненно, бывшая когда-то полотенцем.

Наконец, из своего логова показался и сам хозяин – неопределенного возраста прокопченный мужчина. Под исшорканной до основания шубой просматривались пиджаки, свитера, рубашки такого же возраста и качества, на ногах – не раз заштопанные валенки.

Поначалу человек держался настороженно. Изредка бросая косые взгляды из-под треуха, представился: Валерий Петрович Левдин. Родился в 1937 году в селе Троица Ханты-Мансийского района. Отец погиб на фронте, мать с детьми переехала в окружной центр. Поначалу его судьба ничем не отличалась от миллионов других: школа, армия, работа на рыбокомбинате и «в геологах у Сутормина».

В 1963 году Валерий Петрович первый раз сел. За что именно и сколько вообще у него судимостей – не говорит, упорно переводя разговор на другое:

– Сколько? Да хватает. Здесь первый раз пятерик дали, да там крутанулся – вот и пошло. Я государство никогда не понимал, законы больно сложные. Не дают спокойно жить, только начнешь было – снова забирают.

Судя по некоторым данным, судимостей у этого гражданина не менее трех, да все тяжкие...

Последний раз мой собеседник освободился в 1992 году, вернулся в Ханты-Мансийск. Мать давно умерла, дома нет. На работу с таким «послужным списком», без прописки (с 1982 года!), да и без особого желанья, не устроиться. Жил, где придется – в теплотрассах, кочегарках, потом наиболее спокойным местом показался этот лесочек возле аэропорта. Здесь Левдин соорудил себе жилье, сначала какой-то «чум», потом землянку.

– Эту-то я на лето делал, от дождя прятаться. А в той и от ветра можно было укрыться. Только однажды милиция пришла, меня забрала – и в «воронку». Когда вернулся, землянка уже догорела...

Милиционеры, кстати, знают о его существовании. Поначалу его неоднократно проверяли, но потом махнули рукой – живет человек, никого не трогает, в противоправных действиях не замечен... С тех пор и существует наш земляк в четвертом измерении. Летом еще ничего, жить можно. Сдаст бутылки, собирает грибы, продает орехи. Тяжело приходится с наступлением холодов. А нынешняя зима выдалась особенно суровой.

– Где-то до минус двадцати я еще терплю, а если больше, то уйду куда-нибудь греться. Куда? Ну, вон в аэропортовский туалет.

Собранные на свалке коробки идут в печь. Тепла от них хватает, чтобы вскипятить воды для чая. Ест он, как утверждает, каждый день, но что именно – не говорит. Признался лишь, что активно обследует содержимое мусорных баков...

Никаких шагов для изменения своей судьбы Левдин не предпринимал. Не трогают сегодня, и ладно.

– Хотел я как-то зайти туда, где власть живет, так мне говорят – пропуск нужен. А я ведь пробиваться не способен. Пенсии нет, трудовая сгорела в землянке.

Удивительно, что на фоне собственной нищеты, абсолютной, какой-то космической ненужности, Валерий Петрович еще строит планы на будущее. Хоты бы на словах:

– Летом уйду отсюда, здесь больше невозможно оставаться. Мне бы друга найти, да и жить вместе – вот это дело. А так... Не получилось у меня, ни семьи не завел, ни дома. Порой сам удивляюсь – для чего живу на свете?

Низкий рев авиационных турбин особенно неприятно режет слух здесь, рядом с шалашом каменного века. Вспомнилась картинка из учебника истории: так вот же он, доисторический человек, ведущий полуголодную жизнь собирателя! Только его охотничьей территорией является не саванна, а мусорный бак...

Левдин соскучился по человеческому общению, и все говорит, говорит, говорит, обо всем – о погоде, детстве, чеченской войне. Газеты он иногда читает – летом, когда светло и не мерзнут руки.

– Надо, пожалуй, к врачам сходить. У меня, знаете, сна нет. Ну, в мороз и нельзя спать – замерзнешь, так я и сейчас не сплю. И снов никогда не вижу.

За полтора часа разговора на морозе у меня окоченели ноги, продрогла спина, поневоле приходилось притоптывать и сдерживать зубовную дрожь. А Левдин стоял на одном месте, подставив пронизывающему ветру худую жилистую шею. Бог пока его милует, да и продубленный организм позволяет переносить нечеловеческие условия. Рядовой обыватель на его месте успел бы простудиться и умереть примерно тысячу раз.

Сегодня никто не возьмется подсчитать, сколько по всему округу насчитывается таких вот левдиных, живущих в бараках, банях, старых химарских избушках, на свалках, чердаках. Да, у многих за плечами брошенные семьи, тунеядство, алкоголизм, воровство, иногда даже убийства. Разумеется, каждый сам выбирает свою судьбу. Только вот не каждый может встать после ее ударов. Не у всех хватает сил сделать шаг, переломить себя, вспомнить о человеческой сущности.

Неприятно смотреть на бомжа, а уж тем более разговаривать с ним. Нехорошо, неэстетично это, противно. «Я не виноват в его бедах». Только ведь все мы – люди. Хорошие или не очень, умные или дураки, красивые или уроды, но в каждом из нас теплится Божья искра. И завтра на месте левдиных могут оказаться самые благополучные сегодня люди. Не нужно забывать, в какой стране мы живем. В России, господа, от сумы да от тюрьмы не зарекаются...

2001

Послесловие

Вскоре после выхода в свет этой статьи Левдин пропал. Хочется верить, что он все-таки нашел, как мечтал, себе друга и они вместе перебрались в более цивилизованные условия. Или ему дали место в пансионате для престарелых. Или проснулась совесть у живших здесь, в городе, родственников, и они взяли к себе непутевого.

Впрочем, не нужно гнать самим себе. Не бывает счастливого конца у таких вот историй и таких людей. Скорее всего, давным-давно лежит Божий человек Валерий под номерным крестом на городском кладбище. Лишний для Родины человек...

ЖИВУЩИЕ ВОПРЕКИ

Почти век крестьянство в России «душили-душили, душили-душили»... Рубили буденовскими шашками, обирали продрозверстками, ссылали на вечное поселение, сгоняли в колхозы, укрупняли, урбанизировали, приватизировали. Удивительно, что кое-где оно все-таки выжило...

Домик Ляминых в поселке Выкатной Ханты-Мансийского района ничем особо не выделяется. Разве что тем, как интенсивно используется каждый квадратный метр семи соток, застроенный или засаженный сарайками, теплицами, грядками, цветниками. А еще по округе постоянно витает густой душистый аромат: вкусно пахнет сеном, парным молоком и навозом. Это у рафинированного и патентованного интеллигента запах навоза приводит к массовому отмиранию обонятельных рецепторов, а у обычного человека лишь вызывает ностальгию и будит генетическую память.

Любовь Константиновна и Николай Иванович – из породы вечных тружеников. С утра до поздней ночи колготятся они на своем подворье, ведь их хозяйство требует круглосуточного и круглогодичного присмотра. На вопрос о том, где они проводили последний отпуск, хозяйка непонимающе воззрилась на меня. И только тут до меня дошел издевательский смысл собственного вопроса...

– Неужели никогда не ездили на море?..

– Нет. А зачем? – глаза Николая Ивановича разгораются. – Вон рядом Архиерейский сор. Не бывали? Когда Конда разливается – красотища, словами не опишешь! Куда там морю!

Мне кажется, немного лукавят Лямины. Им, может быть, и хотелось бы полежать на пляже под пальмами, да на кого хозяйство оставить? У них ведь одновременно водится по двенадцать голов крупного рогатого скота, периодически то свиней держат, то гусей-курей. Плюс огородишко, на котором единственно что ананасы не растут, а вот тыквы по 50 кгэ – запросто.

С одними коровами сколько хлопот... Подъем у хозяев всегда в одно время – в половине пятого. Надо подоить буренок, накормить-напоить, летом – выпроводить на пастбище. Вычистить стайку, подвезти сена, переработать надоенное молочко – на сметану, творог, масло. За этими продуктами односельчане в очередь стоят, из города приезжают. Кстати, покупают по смешной цене – всего 100 рублей за 3 литра. Пока суть да дело – уже вечер. А вон и они, рогатые красавицы, уже идут вереницей домой – Варвара, Роза, Даша, Рябина, Маруся...

Разучились крестьяне хозяйствовать, во всем Выкатном можно по пальцам пересчитать дворы, где скот держат. Раньше селянин без коровы тунеядцем считался, над ним в голос смеялись и пальцем показывали. А сейчас все ждут, когда в сельмаг завезут белую водичку в «тетрапаках». И не зазорно соседям покупать у Ляминых морковь, свеклу, картошку...

Впрочем, осуждать их в том трудно. Крестьянский труд неблагодарен, тяжел и грязен. Гораздо проще устроиться куда-нибудь в бюджетную организацию, по вечерам смотреть «Пусть говорят», летом греть пузико на турецчине, а полочку регулярно относить в магазин. В обмен на французские огурцы, польские корнишоны и китайскую тушенку.

Смотрю на тяжелые мосластые руки Николая Ивановича с вьевшейся в кожу землей и машинным маслом, и вспоминаю холеные руки чиновников и ученых «аграриев». С каким пылом и апломбом доказывают они вот уже четверть века, что Югра – зона

рискованного земледелия, что здесь заведомо обречены на провал все попытки получить весомый урожай или хороший урожай от КРС. Местные травы, мол, низкокалорийны и бедны микроэлементами. Дескать, качайте себе нефть и завозите турнепс из Зимбабве.

Только опыт простых тружеников опровергает слова аграриев. Лямины вдвоем (два взрослых сына привлекаются лишь для самых тяжелых работ) обеспечивают половину поселка самыми необходимыми продуктами. Они не стоят на учете в Центре занятости. Вся помощь государства заключается в 10 тысячах рублей дотации на дойную корову – в год.

Им бы оформиться в крестьянско-фермерское хозяйство, глядишь, какую-никакую копеечку смогли бы получить от бюджета. Тысячи пройдох по всей стране «организуют» КФХ, берут «подъемные», ссуды – а потом благополучно банкротятся. Сотни других, законопослушных, с помощью привлеченных средств расширяют производство. Только Ляминам некогда заниматься бумажной волокитой, у них предостаточно более реальных забот. Им работать надо...

Они по самой своей сути – соль земли югорской. Здесь, в Ханты-Мансийском районе, родились, выросли, поженились. Николай Иванович много лет бороздил воды Оби да Иртыша на катере – в качестве рулевого-моториста. Любовь Константиновна – профессиональный повар, много лет кормила земляков вкуснейшими яствами. И до сих пор кормит. Как только в поселке намечается очередное мероприятие, бегут к «тётъ Любе» – выручай! И она никому не отказывает. За ночь в одиночку может напечь-настряпать три десятка наименований разнообразной выпечки, а потом угощать ею своих земляков на каком-нибудь Дне поселка или выборах...

И все бы ничего, да есть у Ляминых серьезная проблема – земля. Вернее, ее нехватка. Оно ведь как получается – у тех, кто на своем участке лишь шашлычок жарит и в бадминтон играет, «соток» предостаточно. А у тех, кто на земле хозяйствует – раз-два и обчелся. Так и у наших героев, которые не могут ни сено ладом завезти, ни расширить хозяйство: с одной стороны – обрывистый берег Конды, с другой – соседи.

С одним из них у Ляминых разгорелась самая настоящая война. По ошибке землеустроителя сосед «оттяпал» у крестьян существенный кусочек земли и теперь требует снести уже со «своего» участка ляминские постройки, стоящие вот уже двадцать лет... Впрочем, уважаемая администрация района заверила, что о данной проблеме знает, осознает ее важность и приложит все силы для мирного разрешения конфликта. А мы будем следить за развитием ситуации.

Удивительные все-таки люди, эти Лямины. Ну, зачем они выбрали тяжелый труд крестьянина, а не пошли по куда более легкой стезе «бюджетного проедателя»? Почему не просят помощи у государства или каких-то «инвесторов»? Хватит ли у них сил, чтобы одним справляться с бесчисленными постоянными трудностями? И придет ли им на смену молодое поколение российских крестьян? Или мы будем давать работу лишь китайскому и немецкому фермеру?

Кто ответит?

«НАГРАДИЛИ НАС ПОТОМ: КТО ЖИВЫЕ – ТЕХ МЕДАЛЯМИ, А КТО МЕРТВЫЕ – КРЕСТОМ...»

Неисповедимые пути-дороги первопроходцев привели на сибирскую землю семью Камаловых (изменены имена и фамилии героев) из солнечного Дербента. На Севере отец работал вышкомонтажником, мать поддерживала домашний очаг. Рос здесь и Амир, учился в школе, занимался спортом.

Весь в грязи и сзади ветка – это движется разведка

В армию его призвали почти по недоразумению – забыл вовремя предоставить справку об учебе в институте. Майор из военкомата выслушал его и заявил: «Если забыл, значит, у тебя есть большое желание послужить Родине».

Его армейская судьба была бы обычной: сержантские лычки через полгода, гарнизон, шагистика и хозработы. Да только вышло совсем иначе – его выбрал «покупатель» из разведки.

Армейская разведка – это становой хребет войны. Элита, которая всегда в загоне, поту и стертых сапогах. Сюда не берут хлюпиков и гипертрофированных «качков». Каждый разведчик чем-то неуловимо похож на другого: жилистый, верткий, стремительный.

Это было в 1999 году. Политическая ситуация в стране накалялась, все понимали, что двойственное отношение к ичкерийскому режиму долго не сможет сохраняться. Рано или поздно должны заговорить пушки. Разведчики тоже готовились, совершенствовались в стрельбе, рукопашном бое, изучали «смежные» специальности – механиков-водителей, снайперов, наводчиков.

Их полк входил в Чечню со стороны Ингушетии 6 октября, в числе первых. Впереди всех шел взвод разведки первого батальона, в составе которого командовал отделением младший сержант Камалов. На всю жизнь он запомнил карту Чечни – по местам боев и гибели друзей: Горагорск, Грозный, Аргун...

Нашим пацанам-«срочникам» приходилось нелегко. И дело заключалось не только в хорошей подготовке и боевом опыте противника, но и в бюрократизме, косности российской военной машины. За все ошибки командования армия расплачивалась кровью солдат. Достаточно сказать, что из двадцати четырех бойцов разведвзвода, входивших в Чечню, лишь семеро вернулись живыми и здоровыми...

«Мне этот бой не забыть ни о чем...»

Война и сегодня не отошла для Амира в разряд воспоминаний. Слишком многое довелось пережить...

...Тринадцать солдат попали в засаду на окраине Старопромысловского района Грозного. Что здесь могут оказаться боевики, никто не предполагал, поэтому и патронов взяли по минимуму, и даже автоматы оказались не у всех. Что делать? Самим не отбиться, а до своих – около трех километров.

За помощью побежал Камалов. Но просто бежать под перекрестным огнем теоретически невозможно. Когда Амир почувствовал, что фонтанчики очередей ложатся все ближе к нему, то упал и притворился мертвым. Лежал и думал: еще пара минут, и уже не хватит решимости подняться... Но как только «чехи» перенесли огонь в сторону, вскочил и помчался дальше...

В расположении выяснилось, что комвзвода где-то отсутствует, поэтому Камалов сам приказал «седлать» две БМП и выдвигаться на выручку. Даже при помощи боевых машин шансов вытащить товарищей было мало. Спасти ребят могла какая-нибудь хитрость, которая отвлекла бы внимание – и огонь – бандитов. И тогда одна из машин приняла его на себя. Маневрируя, отстреливаясь, провоцируя противника, бойцы дали возможность второму экипажу эвакуировать своих. Из этой мясорубки вывезли всех. Живыми...

А вот бой севернее печально известной площади «Минутка» унес жизни нескольких ребят. Тогда отделение Камалова оказалось зажатым за выщербленной осколками стеной. Отказала связь, заклинило пушку, в БМП попало два снаряда. Единственным выходом было отступление.

В это время откуда-то выскочил комбат – и за грудки: «Разведка, мать вашу, бежите?!» Но его тут же опрокинула пуля в грудь... Офицера спас бронезилет. Очухавшись, он тут же заорал во все горло: «Отходим, отходим!»

Пока Камалов щедрыми очередями из пулемета прикрывал отход своих, другой боец, насмотревшийся в свое время голливудских фильмов, возомнил себя Рембо. С гранатометом наперевес он вышел на открытое пространство и сразу получил три пули, а командира отделения Камалову пришлось его вытаскивать из-под обстрела. Разведка чтит завет предков: своих врагу не оставлять, хоть живых, хоть мертвых. Но несостоявшийся герой пришел в себя и с мольбой стал спрашивать: «Дага (прозвище Амира), я умру?»

– Я ему промедольчик вколол и успокаиваю: выживешь, ничего серьезного, – улыбается Амир. – Но тогда было совсем не смешно. Видел, словно при замедленной съемке, как в меня летит граната из подствольника, падает рядом – и не взрывается...

«Кто верит в Магомета, кто – в Аллаха, кто – в Иисуса...»

Камалов – глубоко верующий человек. Для него Аллах – не просто теологическое понятие, а реальность, определяющая существование человека. Спрашиваю у него: так ведь и ваххабиты начали экспансию на Кавказ под зелеными знаменами ислама...

– Нет, боевики лишь пользуются Кораном для маскировки. Я в этом убедился после того, как они стали прикрываться женщинами и детьми в Кизляре, позже сам это видел. Для настоящего правоверного подобные действия немыслимы. А это хамелеоны – двуличные.

По его словам, вторая чеченская кампания сильно отличалась от первой. В войсках стало больше дисциплины, жестче требования. По крайней мере, сейчас не осталось на полях ям с горами костей, которые он видел собственными глазами...

Все семь месяцев службы в действующей армии он не писал домой. Была высока вероятность того, что «непримиримые» перехватят весточку и пришлют родителям совсем другое сообщение: «Ваш сын героически погиб при выполнении боевого задания». Такие случаи были нередки, пока не усилили охрану почтовых отправок.

Друг по имени Чеченец

С войны Амир привез боевого друга. После штурма сопки солдаты нашли в норе выводок щенят. Одного из них Камалов взял себе. Пес быстро вырос. После курса дрессировки Чеченец – такое имя он получил – изучил саперное дело, находил растяжки, охранял спящих солдат.

– Здорово нас выручал, я им гордился. Во взводе было несколько служебных собак, только у всех черные, а у меня – белая.

При посадке в поезд, когда разведчики уже ехали на «дембель», проводник имел неосторожность пренебрежительно высказаться: фу, мол, с псиной в вагон лезут... Тут не выдержал и взорвался оказавшийся рядом комбат:

– Ты должен говорить не «фу, собака», а «ах, какая собака»! Да она, может быть, в десять раз больше тебя пользы принесла, людям жизнь спасала!

БМП под командованием Камалова имела собственное имя – «Дага-2». И знали его не только свои, но и противник. Местные говорили, что за уничтожение «Даги» боевики готовы были заплатить 5 тысяч долларов. Что ж, признание врага ценнее любой награды. Амир вспоминает, что в соседнем батальоне была машина, которую называли «Коза». Так «цена» на нее поднялась до пятнадцати тысяч...

Честно воевал Амир. Но нашлась и на его долю чеченская пуля, слава Аллаху, засевшая неглубоко. Ее медбрат под обстрелом вилкой вытащил. А от госпитализации Амир отказался.

В мае 2000 года, после 202 суток войны, разведчиков отпустили домой. В Екатеринбурге на вокзале сержанта встретили однополчане, которые по ранению уволились раньше. Один из них сказал стоявшей рядом женщине: «Познакомься, мама. Если бы не этот человек, то меня бы сегодня здесь не было». Что-то перевернулось в душе Амира, когда совершенно чужая женщина плакала у него на груди: «Спасибо! Ты мне теперь как сын...»

Мама

Камалов считает, что выжить на войне ему помогли лишь Аллах и родная мать, Саида Рашидовна.

– Она спасла меня. Чужой человек, ставший невольным свидетелем ее молитвы в то время, позже рассказывал: «Я не раз наблюдал, как что-то просят у Всевышнего. Но никогда не видел, чтобы женщина требовала оставить ее сына в живых...»

Он несколько раз чудом оставался цел. Например, когда рядом с сидевшими у костра солдатами разорвался снаряд. И осколок, явно предназначавшийся Амиру, впился в тело оказавшейся рядом собаки. Или взять вещий сон, приснившийся разведчику накануне тяжелого боя...

После возвращения домой Амир отказался от полагавшегося ему курса реабилитации:

– Я стал слушать родителей. Меня за это время женили, но я об этом не жалею. Даст Аллах, к лету появится первенец.

Уже дома он узнал, что Указом Президента России старший сержант Камалов награжден медалью Суворова, которая вручается только за личное мужество и отвагу, проявленные при защите Отечества. Хороший подарок Амиру преподнесли и муниципальные власти, выделив ему квартиру.

К Новому году Амир собирается перевезти сюда из Дагестана молодую жену, справить новоселье, продолжить обучение в вузе. Так хочется верить, что у этого симпатичного крепкого парня впереди все будет хорошо – дом, дети, здоровье и благополучие.

2001

Послесловие

В оригинале у героев этой зарисовки были совсем другие имена и фамилия. Почему? Через некоторое время после ее публикации Амир попал в скверную историю – принял участие в вооруженном разбое. Был изобличен, осужден и отправлен в ИТУ. Видимо, все-таки не во всем он решил «слушать родителей»...

Я не знаю, как в дальнейшем сложилась судьба этого парня с действительно ярким характером. И очень надеюсь, что у него все-таки «впереди все будет хорошо»...

«КТО МЕЧОМ УБИВАЕТ, ТОМУ САМОМУ НАДЛЕЖИТ БЫТЬ УБИТУ МЕЧОМ...»

*«Кто поклоняется зверю и образу его и принимает начертание на чело свое или на руку свою, тот будет пить вино ярости Божией, вино цельное, приготовленное в чаше гнева Его, и будет мучим в огне и сере...
И дым мучения их будет восходить во веки веков»*

Откровение Иоанна Богослова

С Алешей мы прожили в одной комнате студенческого общежития три недели. Сосед мне поглянулся сразу – худощавый, подтянутый, скрывающий лукавые огоньки в глазах за круглыми блюдцами очков. В свои девятнадцать он был на редкость аккуратен, внимательно следил за своим внешним видом. Подкупала его усидчивость и терпение – можно было проснуться среди ночи и в свете ночника увидеть за столом его согбенную фигуру.

Учился он на ветеринарном факультете, а посему стол и подоконник нашей комнаты были уставлены черепами животных, на холодильнике громоздились чьи-то кости, а с больших цветных плакатов тарасились какие-то паразиты, шокируя гостей. Зато прочие вкусы соседа приятно отличались от нравов современной молодежи: по утрам он вздымал самодельную штангу, не курил и слушал вполне пристойную музыку.

...В честь двойного праздника – Дня защитника Отечества и долгожданной сдачи сессии – я купил пива. Алешу долго уламывать не пришлось, и вскоре под пенный тягучий портер полились неторопливые разговоры. Глядя на приколотую к старым обоям фотографию улыбающегося соседа верхом на сверкающей ненашенской отделкой «Ямахе», поинтересовался:

– И кто это в вашем N-ске на такой красотище разезжает?

Алеша тихонько улыбнулся и с законной гордостью произнес:

– Моя машина.

Пообсуждав достоинства японской чудо-техники, наугад спросил:

– Наверное, родители подарили? Сколько стоит?

Действительно, Алешин папа, профессор и светило, пожалуй, смог бы позволить себе сделать такой презент. Вежливый паренек надолго приложился к кружке, старательно сдувая пену. Потом поинтересовался:

– А ты когда уезжаешь, завтра?

Давным-давно известен феномен русской души – ничто не сближает так быстро и не располагает к откровенности, как неспешные ночные разговоры под стопочку...

– На байк я сам заработал. Двенадцать тысяч долларов. Как? А ты чего, забыл, что мы с тобой в Университете дружбы народов учимся? Здесь же каждый второй – иностранец. А мой родной N-ск, куда я каждую субботу езжу, – закрытый город. Так вот, подошли однажды ко мне знакомые ребята и попросили привезти из Москвы немного «герыча», за услугу пообещали хорошо заплатить. Подумал – а почему бы и нет? Тех, кто здесь толкает порошок, знают все, от уборщиц до милиционеров. У ментов почти на глазах торгуют – значит, можно?

Купил я требуемое количество в ближайшую пятницу. Завернул в грязное белье, бросил на дно сумки, и на автовокзал – ну, кто будет останавливать интеллигентного

студента-очкарика? Ребята заплатили мне хорошо, поблагодарили. И стал я ездить с небольшими дозами...

– А потом?

– Потом... Присматривали за мной все это время, справки наводили. И поручили доставить партию побольше.

– Это сколько – побольше?

Студент мгновенно ошетинился:

– А тебе зачем? Меньше знаешь – крепче спишь!

Алеша помолчал, видимо, собираясь с мыслями. Нехотя продолжил рассказ:

– Да не знаю я. Думаю, около килограмма. И потом, меня ведь только в качестве перевозчика использовали – передавали груз и «вели». Ехал на метро, потом на автобусе, а неподалеку – «группа товарищей». До самого КПП.

– Не страшно было?

– Страшно. Потому я через два года и завязал с этим делом. Специально подставился местным ментам – поддатый устроил скандал в магазине, потом в дежурке нахамил капитану, плюс регистрация была просрочена. В отделении врезали пару раз дубинкой, промурыжили в камере сутки, пообещали присматривать. Видимо, об инциденте донесли кому следует, и вот уже полгода ко мне никто не подходит.

– Сам-то наркоту не пробовал?

Возмущению Алеша не было предела:

– Ты чо, я же не сумасшедший! У меня другой наркотик – упасть на «Ямаху» и по ночной трассе километров двести выжать. Вот это – кайф!

– Ну, а знакомые наркоманы у тебя есть?

– Были, – нехотя произнес сосед, – только они быстро сторают. Я считаю, это вообще не люди. Чем они от скотины отличаются? Как только раз уколется – все, он уже больше не человек, так, растение. Недавно вон, на юридическом, откинулся от передоза один из твоих земляков-северян. Его, я слышал, спецом на иглу посадили, папа-нефтяник у него богатый.

После этого долго молчали. Хотел было узнать у аккуратного мальчика Алеша его мнение о совести, морали, Боге, наконец, и вдруг понял – ему это не нужно, не интересуют его столь далекие, отвлеченные от его мира понятия. И все же попытался достучаться до живого:

– У тебя младшая сестра есть – а если она начнет «баловаться»?

– Ленка-то? Да никогда в жизни, она не такая!

Алеша усмехнулся:

– Я понял, к чему клонишь. Пойми, наконец, если бы я «герыч» не возил, то эти бабки получил бы кто-нибудь другой, и все дела. Свято место пусто не бывает – зачем же мне от хороших денег отказываться?

– А родители не задавали вопросов по поводу внезапно появившегося мотоцикла?

– Я им наплел про выигрыш в моментальную лотерею.

– Поверили?

– Не знаю. Но больше с расспросами не пристают. Между прочим, в моей «Ямахе» новая система установлена... – и Алеша с увлечением принялся расписывать достоинства байка.

...Мальчик. Современный, умный, грамотный, умеющий жить и зарабатывать деньги. Любыми путями. «Если не я, то кто-то другой», «деньги не пахнут»...

Все смешалось в этом мире – хорошее и дурное, подвиг и подлость, прекрасное и безобразное.

Откуда они появились, эти мальчишки, имя которым – легион? Ведь они вполне обеспечены, живут отнюдь не в подвалах и питаются совсем не сухой корочкой. В детстве их учили хорошему, доброму, вечному, воспитывали уступать место в трамвае. У них правильные цели в жизни – учеба, карьера, домик с бассейном, детишки на лужайке. Я думаю, они даже способны на самопожертвование – во имя спасения своих близких. И в то же время они могут преспокойно перешагнуть через любого постороннего человека.

В скором времени из таких вот алеш вырастут профессоры, дипломаты, прокуроры, депутаты, указующие нам путь в светлое будущее. Только вот внутри у них – пустота, а вместо души – пар. Эти – страшнее подворотной шпаны с заточками или бритоголовых «братков» на иномарках. Такие никогда не вгонят себе иглу в вену, для этого у них чрезвычайно развит инстинкт самосохранения. Откуда они пришли, как их узнать и как с ними бороться?..

...На следующий день Алеша отсыпался. Я смотрел на мирно спящего мальчика, безмятежно улыбающегося во сне, и вспоминал недавно виденную жуткую картину – реанимацию и впавшего в кому молодого наркомана. На мертвенно-белой простыне лежало тело, увитое, словно виноградной лозой, капельницами и трубкой искусственной вентиляции легких.

Кто мог бы сказать, где находилась в тот момент душа наркомана? Может быть, уже на пути к последнему, высшему судье, а может, металась еще где-то здесь, по сосудам холодеющего тела, по капле истекающего жизнью.

В изголовье сына молча горбилась придавленная неизбывным горем женщина, уже давно выплакав до капли облегчающую душу слезы. Ее губы молча шевелились в гулкой тишине реанимации. Что говорила она в тот момент, кому молилась и кого проклинала?

«Последнее время! И теперь появилось много антихристов...

Они вышли от нас, но не были наши...»

Первое соборное послание Иоанна Богослова

1999

КУМ

...Сдружились мы с Михой быстро и крепко, хотя был он мне полной противоположностью – резкий, обаятельно-развязный, всегда и обо всем имеющий свою особую точку зрения. С девушками он был нахален и грубоват, с друзьями – честен и бескорыстен, со всеми остальными – насторожен и хитер.

Одним из четырех самых больших увлечений в его жизни был рукопашный бой. Уж не знаю, что всему было виной – наличие в его деревне чудо-сенсея, «поставившего» ему неплохую технику, или природный талант парня, но в драке он был молниеносен, пластичен и смертоносен. Каждый вечер в «красном уголке» общаги он проводил своеобразные тренировки – собирал всех желающих и часами показывал блоки, удары, ката, проводил спарринги.

В обычной, повседневной жизни Миха был прост, как... как питекантроп, что ли, или как древний монгол. Когда он хотел есть, мы шли в магазин за майонезом, хлебом и зеленым горошком. Когда он хотел любви, он по-хозяйски брал за попу ближайшую девушку (свое второе большое увлечение) и вел ее целоваться в дальнюю комнату. Когда его широкая душа требовала развлечений, мы покупали пару бутылок красного, а потом Миха начинал искать себе противников, желательно побольше и помногочисленней. Уставится, бывало, на оппонентов наглыми, широко открытыми, немигающими глазами, заведет привычную «волынку» в лучших традициях советской гопоты, а через секунду его кулак со стремительностью кобры уже летит в челюсть...

Кстати, Михины кулаки – это отдельная песня. Они сразу выдавали в нем опытного бойца, так как на них полностью отсутствовали костяшки. И-за постоянных жестких тренировок суставы на руках заросли какой-то роговой тканью, вроде той, из которой формируются копыта у быка. Один удар этим «копытом» валил с ног так же уверенно, как лобовое столкновение с бульдозером...

Но, в сущности, Миха был очень добрым парнем, а свои шатуны-кулаки пускал в ход исключительно против превосходящего противника. Другу он легко мог отдать последнюю рубашку и даже не вспомнить потом об этом. Правда, с той же бесцеремонностью он мог и снять ее с «чужого». Помню, однажды вечером он завалился в кожаных штанах, которые были ему явно велики. На наши расспросы – откуда? – сначала скромно отнекивался, а потом признался, что «одолжил» штаны у здоровенного амбала из соседней группы...

Я называл Миху архаичным словом «кум». «Кум, у меня рубль есть! Айда в салон!» – и Миха бросал все дела, чтобы отдаться своей третьей страсти – просмотру «видика». Будь его воля, он бы сутки напролет проводил в вечно переполненном «видеосалоне», пожирая глазами все подряд: боевики, ужастики, комедии. А потом рассказывал окружающим:

– Прикинь, там у одного чувака козлы дочку украли, а он их всех из пулемета: тра-та-та-та! А когда с негритосом в гостинице махался, такой красивый маваша-гери провел по корпусу!

В качестве иллюстрации обычно следовал молниеносный пируэт, с грохотом лопалась дверца ни в чем не повинного платяного шкафа, а мы с Кумом опрометью удирали от бдительного ока коменданта...

Чтобы завершить жизнеописание моего друга, упомяну еще одно страстное увлечение Михи – спиртное. Алкоголь он уважал крепко, во хмелю бывал говорлив, весел и предприимчив. Для него не составляло труда под влиянием минутного порыва

связать вместе несколько простыней и по ним с обезьяньей ловкостью перекарабкаться в окно девушек-соседок. А окна, между прочим, находились на пятом этаже...

После учебы разошлись наши пути-дорожки. Он вернулся к себе в деревню, меня же захватили сумбурные постперестроечные годы и власть потаскали по жизни. О Куме я вспоминал редко, стороной узнавал, что он по-прежнему живет в деревне – одинокий, безработный, пьющий. А через двадцать лет прихотливые журналистские стежки-дорожки привели меня в родной Михин околоток...

Там как раз с привычной югорской помпой встречали участников очередного международного конгресса-форума-съезда-фестиваля. В качестве «сибиряка экзотик» гостей у нас всегда вывозят «на пленэр» с непременно задабриванием водкой местных духов, ухой, клюквой и песнями народов Севера.

Импортная публика одобрительно взирала на концерт, сидя у импровизированной сцены, а поодаль толпились местные, которым начальство строго-настроено запретило вступать в любого рода сношения с иностранцами. Я несколько раз подходил к аборигенам с вопросом о Михе. Те крутили головами и заверяли, что тот только что здесь стоял, а куда делся – неведомо. А потом один из автохтонов вдруг заорал хриплым прокуренным голосом:

– Мишка, б..., иди сюда, на...! Тут тебя, с..., человек спрашивает! Кому сказал, д...!

Я оторопело уставился на существо, к которому он обращался. Несомненно, это был Кум... Внешне он изменился мало, разве что совершенно поседел, похудел и сгорбился. А вот внутренне... Он стоял в двух шагах, смотрел в упор – но меня не видел. В его по-прежнему круглых совиных глазах цвета молодой бражки напрочь отсутствовало хоть что-то прошлое, человеческое.

– Чо вылутился, п...? Иди к Петровне, нацеди банку. Быстро, я сказал! – и Миха безропотно затрусил вдоль пыльной улицы...

Признаюсь, я сбежал из деревни. Праздник еще продолжался, но я напросился на какой-то случайный катер, направлявшийся в город. Я готов был ехать куда и как угодно, лишь бы больше не встречаться с этим пустым чужим взглядом.

Я сидел на палубе «Ярославца», смотрел на проплывающие мимо обские красоты и не видел их. Обжигающий стыд терзал мою душу. Стыд за себя, за гнилое время, за неблагодарную суку-Родину, которой всегда было плевать на своих непутевых детей...

СИБИРСКАЯ КОСТОЧКА

Я перебираю тяжелые награды: орден Отечественной войны, медали «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией», «За доблестный труд», сразу две – «Ветеран труда». Они, стопочка пожелтевших документов, несколько фотографий – вот и все, что осталось на память от моего деда, Николая Борисовича Ковалева, всю жизнь прожившего в старенькой избушке над Иртышом. Но еще остались мои детские воспоминания об одном из самых светлых людей, которых я встречал...

У печки

– Деда, расскажи про войну! – я поудобнее умещаюсь на старом диване и прижимаюсь спиной к обжигающе горячей русской печке. Деда Коля с легкой улыбкой смотрит на меня, чуть склонив набок лобастую голову с большой залысиной.

– Да ну ее к лешему, войну эту... Страшно там было, Андрюша... Ни к чему ее поминать. Да я и позабыл уже все.

– А тебя как ранило? Тяжело? Пальцы вон до сих пор не разгибаются! А чем – осколком или пулей?

Дед поднимает свою правую руку, чуть-чуть шевелит скрюченными мизинцем и безымянным, усмехается:

– Да это фашист, гад, меня укусил...

Видя мои выпученные от удивления глаза, переводит разговор на другое:

– Ты вон лучше пойдешь, корове вынеси. Баба Ганя ей уже поило направила. А о войне как-нибудь потом расскажу...

Молчал он больше, Николай Борисович Ковалев. Днем потихоньку колготился во дворе – то сена натеребит, то навоз отбросит, то дрова переложит. Вечерами любил сидеть в темноте, смотреть в окно на реку и слушать радио. В еде был неприхотлив. Черпанет мятым алюминиевым ковшиком студеной воды, возьмет ломоть черного хлеба с солью – вот и весь его ужин. И это при том, что жена, баба Ганя, была настоящей кудесницей во всем, что касалось выпечки...

Ну, и выпить, знамо дело, тоже любил. Особенно «с устатку». «Робить – так робить, а пить – так пить!» – частенько говаривал. Мы, потомки, не в его корень пошли. И не пьем толком, и трудиться как-то того... не очень...

На новом месте

У наших стариков закваска была настоящая, крестьянская. Не смогли ее превозмочь «комиссары в пыльных шлемах», раскулачившие в 30-х годах крепкую работающую семью Ковалевых и выславшие ее из Викуловского района в далекое село Самарово. Именно сюда, в дремучую тайгу, некогда уперся указующий перст партии и велел ссыльным рубить столицу новенького Остяко-Вогульского национального округа.

И они рубили – от зари и до зари, отпугивая пламенем костров многочисленных медведей, ежедневно выходя на переключку перед комендантом, питаясь, чем пошлет Бог и землерой-Иртыш. Местные, самаровские, к «колонистам» относились настороженно. Кто их, пришлых, знает – может, все они каты да разбойники?!

Высокий стройный красавец Николай начал свою трудовую биографию на рыбконсервном комбинате простым разнорабочим. А в 1940-м перевелся в промартель «Пламя» техноруком. В сумерках спешил домой, к родителям – надо было избу рубить, лес корчевать, огород разбивать. А молодая кровь иногда требовала общения, веселья, чего-то большого и светлого...

Вместе с друзьями-соседями организовали в поселке Рыбном (там, где сейчас начинается Восточная объездная дорога в Ханты-Мансийске) драмкружок, ставили любительские спектакли, выступали перед неискушенной ссыльной публикой... Где-то здесь он и заметил невысокую полненькую хохотушку Агафью, Аганю, Ганю... Вскоре молодые сыграли свадьбу, с помощью многочисленной и дружной родни заложили свой дом. В 39-м родилась дочка Ниночка...

Как родная меня мать провожала...

А потом на Россию тяжело опустилась война. Замолчали гармони, утих перестук девчачьих каблучков на «вечерках», упали на землю кудри призывников – льняные, смоляные, рыжие... Шмящий бабий вой повис над тайгой.

Поначалу раскулаченных на фронт не брали, боялись доверять оружие «врагам народа». А в 42-м дошла очередь и до них. Когда призывников провожали на пристань, многие из них не могли сдержать слез, уж больно тяжело было оставлять своих детушек-женок-матушек. И все знали, какое количество «похоронок» шло с фронта домой.

Николай Борисович всегда слыл «натрыжным» и «поперешным», а потому наперекор всем на проводах был изрядно весел. Вместе с другом они «приняли на грудь» по стакашку самогона, подбоченились и принялись горланить разудалую песню. Уже много позже люди подметят, что практически никто из тех, кто во время отправки ронял слезы, домой не вернулся. «Чуяли они свою смерть», – шептали бабы, утирая платочками выцветшие глаза...

Где и как воевал деда Коля, я могу судить лишь по записям в документах. В составе 225-го стрелкового полка пережил весь ад Сталинграда. Был замечен командованием и в январе 43-го направлен на учебу в 10-ю запасную бригаду. После окончания курсов зачислен в 148-й стрелковый полк в качестве помкомвзвода. А 25 сентября 1943 года получил тяжелое ранение и полгода провел в госпитале №2975. Врачи говорили, что рука до конца жизни останется мертвой, однако Николай Борисович смог, заставил ее ожить. Почти всю – за исключением двух пальцев...

Мужики и бабы

Вернулся храбрый сержант домой, на радость бабе Гане и дочке Ниночке. Ну и что из того, что покалеченный, главное – живой! Вновь устроился на работу в свое «Пламя». Кстати, он всю жизнь – почти 45(!) лет – трудился на одном предприятии, которое прошло путь от промартели до горпромкомбината, а Николай Борисович – от технорука до главного инженера.

Вместе с другом-фронтовиком, дядей Толей Надеиным, выстроили новый дом – один на два хозяина. Детей растили, потом и внуков, хозяйство держали, жен своих воспитывали и сами ими воспитывались... Однажды на покосе бабы шибко умаялись,

сгребая сено. А мужики тем временем бегали по озерам за утками. В обед собрались все вместе – разругались. Женский пол с претензиями: мол, работать надо, а вы прохлаждаетесь. Пуше всех разошлась на своего баба Ганя. Дед возьми и скажи:

– Ты сама попробуй дичь добыть, а потом уж разорься! Знала бы, как тяжело она достается!

Баба Ганя, недолго думая, схватила ружье и рванула на ближайшее озерко. Опамятовалась – мать честная, а патроны-то не взяла! Один-единственный и был в стволе заряжен. Но возвращаться – гордость не позволяет. Прокралась баба на цыпочках сквозь густой пырей, глядь – а на воде утки плавают. Дождалась она, когда птицы сплылись вместе, глаза зажмурила и бабахнула.

Через пару минут вернулась к становищу. Мужики рты разинули, когда она с напускным спокойствием бросила им в ноги пару тяжелых осенних уток.

– Чаво вы там говорили про «тяжесть»? Вам бы только бражку халкать! Два шага шагнула, один раз пульнула – вот и добыча...

Но ее строгость по отношению к деду была напускной, в глубине души она гордилась мужем. Однажды поехали всей родней в дальний бор на гребях. Грибов в том году уродилось – видимо-невидимо. Бабы принялись их собирать, а мужики отправились сети ставить. Пока крутились по урману, баба Ганя примостила под кедром полную корзину грибов – и потеряла ее.

Остальные говорят: поехали домой, Бог с ней, с корзиной. Но Агафья Ефимовна заупрямилась: сейчас Коля вернется – принесет. Где ж он ее в тайге найдет, недоумевают бабы? Тут самим бы не потеряться. Пришел Николай Борисович, выслушал жену, молча огляделся и канул в зарослях. Не успели в лодки погрузиться, глядь – а он уже с корзиной возвращается...

Не стало деда 8 мая 1986 года. На похоронах дядя Толя Надеин вытер рукой глаза и с упреком высказал:

– Что ж ты, Николай... Сутки не дождался до Дня Победы... Я бы уж всяко до праздника утерпел...

Его сосед, бывший десантник, кавалер ордена Красной Звезды Анатолий Николаевич Надеин ушел из жизни ровно спустя пятнадцать лет. 8 мая 2001 года...

Послесловие

Уже после выхода в свет этой зарисовки были открыты для доступа новые документы в военных архивах. В одном из них сообщалось: представить к награждению медалью «За отвагу» «...Помкомвзвода 7-й стр. роты сержанта Ковалева Николая Борисовича за то, что он в бою за жел. дор. ст. (неразборчиво) 14.9.43 г. под сильным огнем противника в числе первых со своим отделением ворвался на жел. дор. станцию, забрасывая гранатами дома, в которых находились фашистские солдаты. В этом бою тов. Ковалев из своего автомата уничтожил 3-х немецких солдат».

Я горжусь тем, что Николай Борисович – мой родной дед.

РОССИЯ, КОТОРОЙ УЖЕ НЕ БУДЕТ

Тринадцать лет назад Россия стала независимым государством – неизвестно, правда, от чего или кого независимым. Давайте вспомним о том времени и том государстве, которое мы потеряли в 1990-м...

Что это была за удивительная, сумасшедшая страна! Мы ложились спать и не знали, какие известия принесут нам утренние выпуски теленовостей: новую «горячую точку» в прежнем хлопково-мандариновом раю, очередное сенсационное разоблачение деятельности КПСС или внезапное появление у людей большого количества туалетной бумаги, еще вчера гордо именовавшейся «деньгами».

Как мы смотрели трансляции заседаний Верховного Совета! Сердце сладко замирало от немыслимой прежде смелости народных избранников. В курилках, столовых и парикмахерских на все лады повторяли неслыханные прежде термины: консенсус, консолидация, реструктуризация, ваучер... В бурлящем и пересоленном политическом супе страны то и дело всплывали неизвестные доселе личности, в одночасье становившиеся кумирами или объектами ненависти миллионов: Артем Тарасов, Валерий Неверов, Чеслав Млынник, Звиад Гамсахурдиа, генерал Стерлигов... Кто помнит о них сегодня?

Бешеными темпами менялось телевидение. Как магнитом манили к экранам «Взгляд», «До и после полуночи», «Прожектор перестройки», на смену тяжеловесным дикторам эпохи соцреализма приходили молодые и остроумные парфеновы, листьевы, эрнсты. А вот уже произошла на ТВ тихая революция – появились первые, забавные и пока ненавязчивые рекламные ролики «Московского вентиляторного завода» и некой компании «Экорамбурс».

Лихие времена наступили в торговле. Помните – такое ощущение, что по прилавкам прошла метлой Баба-Яга, смахнувшая в какую-то «черную дыру» мануфактуру и бакалею, одежду и посуду. В хозмаге перед покупателями представляли полки, на которых красовались лишь уцененные чугунные утятницы по одному рублю и пластмассовые крышки по пять копеек.

В пору тотального дефицита выяснилось, что снабженцы советского образца всех жителей одного населенного пункта лет на сто вперед обеспечили резиновыми сапогами и тапачками, другого – постельным бельем и пряниками, в третьем нет ничего, кроме кипяtilьников и тапочек... В те годы приходилось «доставать» довольно уродливую детскую коляску в соседнем городе и обменивать полученные по бартеру вещи на детское питание.

Бартер – это вообще отдельная песня. Некоторым счастливым, которым довелось трудиться на предприятиях-экспортерах, страшно повезло. Зарплату им частично выдавали не обесценивающимися рублями, а «товарами народного потребления». Например, к нам в цех регулярно доставляли коробки с одеждой и обувью, и бригада пускала по кругу шапку с номерками, определяя очередность на юбки, носки или зонтики.

Только вот получали люди свои вещи отнюдь не требуемого им размера, а того, что достался. Потому в ближайший выходной у городского универмага длинными шеренгами выстраивались счастливые обладатели импорта, обменивая женские туфли 41-го размера на миксер, мужской банный халат – на детские кроссовки, а водку – на шоколад.

О продаже спиртного надо вообще писать поэмы. О громадных очередях, в которых давились мужики для «отоваривания» вождеденных талонов, о таинственном ночном «синдикате», торговавшем самогоном в такси, о старательно переписываемых рецептах получения спирта из клея, сапожного крема, средства для мытья окон и зубного эликсира. Кто тогда мог предположить, что спустя несколько лет наши прилавки будут ломиться от виски, текилы, бургундского и абсента?

Водка была единственной твердой валютой в стране. Надо ли вспахать шесть соток, заменить смеситель или написать курсовую, такса существовала одна – «пузырь». Впрочем, «конвертируемость» приобрели и некоторые другие товары. Помню, как был счастлив таксист, получив за провоз пассажиров из Югорска в Советский не радужную бумажку, а пять мятых пачек «Родопи»...

Деньги же обесценивались с каждым днем. Зарплата, за которую мы расписывались в ведомости, росла в арифметической прогрессии: тысяча рублей, десять тысяч, сто тысяч, миллион. Но выплата даже этих «керенок» задерживалась по полгода. Вместо них мы с ночи занимали очередь в сберкассе, где получали расчетные книжки с купонами.

Стихийно образовывались первые грязные «толкучки», на которых по субботам рабочие, чиновники, учителя и бывшие военные торговали «излишками» своего нехитрого скарба. Однажды дремотную ночную тишину прорезали автоматные очереди, а утром по городу пополз жаркий шепоток: «Уралмашевская мафия на наших рэкетиров напала, рынок отобрать хотела, так наши еле отбились...» Кстати, «рэкетирами» становились вчерашние водители, бульдозеристы и физруки. Больше половины из них лежит сегодня на кладбище, остальные стали депутатами и крупными бизнесменами...

Накалялись от непрерывной работы «Шарпы» и «Шиваки» в бесчисленных видеосалонах. Где они тогда только не располагались: в вагонах и подвалах, частных квартирах и актовых залах. С утра до ночи сидели в спертom воздухе зрители и, наплевав на гнусавых переводчиков и затертые пленки, смотрели все подряд: шанхайские зубодробилки и «Однажды в Америке», жесткую немецкую «эротику» и «Полет над гнездом кукушки».

А еще мы смеялись над своей страной. Горько смеялись, ощущая ее унижение, бессилие, бедность. Плача в душе, мы хохотали над своими убогими правителями. Издевались над собой во время «обороны» «Белого дома», травли рижских омонцов, вытеснения русских из Закавказья и Средней Азии. Сгнивший имперский дворец разваливался по частям, а на его руинах пьяные шабашники лепили лачугу для Нуф-Нуфа.

Умер Союз, сдох, почил в бозе, а нам оставалось пить, петь и плакать. Нам почему-то не было страшно жить, несмотря на то, что с привычного и безопасного лужка нас выпустили в кишачие хищниками джунгли. Нам было просто стыдно – за Прибалтику и Приднестровье, Чечню и Грузию, пустобрешество Горбачева и пьянки Ельцина.

Лишь десятилетие спустя, в какой-то неуловимый момент, мы вдруг начали ощущать, казалось бы, прочно забытые чувства патриотизма и гордости за свою Родину. Внезапно поняли, что на смену стыду и презрению приходит что-то весьма близко к симпатии.

Перерастет ли это чувство в любовь? Трудно сказать однозначно. «Великая смута» в нашей стране порой длится очень долго. Видимо, России нужно регулярно переживать позор и унижение, для того чтобы вновь становиться РОССИЕЙ...

2003

УХОДЯЩИЙ ПОСЕЛОК РЫБНЫЙ

Не всем даже коренным хантымансийцам известны некоторые укромные уголки нашего древнего города. Знаете ли вы, например, что до 70-х годов прошлого века в черте этого населенного пункта существовал еще один, с почтовым адресом «Самаровский район, поселок Рыбный»? Найти его сегодня не так просто. В южной части Ханты-Мансийска есть улица Набережная, берущая свое начало от рыбокомбината. Неторопливо бежит она вдоль сказочной красоты холмов, а через пару километров приводит в небольшой поселок, состоящий из трех десятков заметно покосившихся домиков. Это и есть Рыбный.

Здесь всегда очень тихо, лишь летом тарахтят на реке моторки, а в ветреную погоду шумят над головой могучие кедры. Как-то не верится, что за холмами, всего в нескольких километрах, бурлит современный город, сверкает огнями реклама, шмыгают иномарки. Здесь всего этого не увидишь. Рыбный – умирающий поселок, обращенный лицом в минувшее.

В первой половине прошлого века Рыбный стоял на берегу протоки Горной. Последняя представляла собой не чахлый исчезающий аппендикс, как сейчас, а полноводную протоку, впадавшую в Иртыш едва ли не в километре от своего сегодняшнего устья. Иртыш всегда был первым врагом и одновременно первым другом Рыбного. Когда-то он явился причиной создания поселка, он же является и его убийцей...

Десятилетиями он кормил, одевал, обувал людей, у многих он же отнимал жизни. Полноводная могучая река, изгибающаяся здесь плавной петлей, за многие годы «сожрала» узкую косу междуречья, а потом принялась и за «Самаровскую гору». В результате кропотливой «подрывной работы» холмы оплывают, многочисленные новые овраги рвут землю, дома накрываются и сползают в воду. А ведь когда-то было совсем по-другому...

Первыми и практически единственными поселенцами на этом месте были репрессированные, сосланные на Север. Долгий и кровавый исход лучшей части населения России часто заканчивался на таком вот берегу, посреди векового бора – без инструментов, без продуктов, без надежд. И тем не менее наши деды и прадеды выжили, в нечеловеческих условиях начиная строить шалаши, землянки, бараки...

Сегодня из тех первых поселенцев на Рыбном осталась одна только Агафья Ефимовна Ковалева. Ее много потрудившиеся на своем веку руки ломит к непогоде, ноги почти не слушаются, плохо видят глаза, однако баба Ганя сохранила ясный разум и великолепную память:

– Нам самаровские рассказывали, что прежде на этом месте медведи их коров драли. Тайга – в небо дыра... А потом здесь нас, ссыльных, высадили. Местных перед этим стращали: прячьте топоры – колонистов везут. Да только они быстро поняли, что не воры мы, а труженики несусветные...

Отовсюду свезли на иртышский берег поселенцев, были и немцы, и татары, и калмыки. До сих пор в обиходе стариков можно услышать «Наталья-нацменочка». «Нацмен» – национальное меньшинство...

Строились помаленьку, обвыкались на новом месте. Ковалевы, Рашевы, Корняковы, Поваровы, Сосновские, Таран, Стряпановы, Долгушины, Новиковы, Еремины, Струженковы, Кочкины, Луговых – все жили дружно. Одним из основных работодателей являлся рыбокомбинат, благодаря ему здесь меньше страдали от голода.

– Наберешь осетровых голов, а осетры тогда полтора-два килограммов не в диковинку были, уже сыт будешь. Свинины не надо, как сварить такую дурную голову...

Возникла в поселке промартель «Пламя», появились конный двор, лесопилка, за рекой, на берегу Мануйловской протоки, выстроили ферму. Трудно поверить, что на вершине холмов, где сегодня стоят ретрансляционные вышки, сеяли хлеб. Это место называлось «карча», от слова «корчевать».

Небольшая коптильня без устали производила деликатесную продукцию, которую затем продавали на рынке. В логу, чуть выше сегодняшнего устья Горной, выращивали в открытом грунте огурцы, картофель, капусту. Родились овощи хорошо, благо холмы защищали от холодных северных ветров, а удобрения исправно поставляло общественное стадо. А ведь местные когда-то говорили: ничего здесь не растет, кроме картошки...

В 30-40-е годы на отдых времени не оставалось. Церковные праздники новая власть запретила, а новодельные «красные даты» ссыльные потихоньку игнорировали. Имелся, правда, свой клуб, поскольку в Самарово без дела появляться ссыльным запрещалось, за этим бдительно следила комендатура. Ссыльным полагалось думать лишь о перевоспитании и производстве.

Только ведь «молодо-зелено, погулять велено». В сумерках рассаживались по лавочкам парочки, пелись над рекой песни. О медпункте и врачебной помощи здесь и слухом не слыхивали. «Не хворали как-то», – вспоминает баба Ганя. «Робятишки» учились в местной школе, помогали по мере сил родителям, исследовали близлежащую тайгу и пойму.

Отношение к переселенцам со стороны властей к лучшему стало меняться после начала войны. Когда стране понадобились солдаты, вспомнили и о «лишенцах». К 1942 году почти все годные по состоянию здоровья мужики ушли на фронт. А вот вернулись единицы...

После 1953 года начал ломаться устоявшийся быт людей. В свете новых решений партии многие политические дела были пересмотрены, многим разрешили вернуться в родные края. Легче стало людям, появилась возможность думать о себе, а не только о нуждах Родины.

Планкины, Надеины, Уряшевы, Сапегины, Колотвиновы, Злыгостевы, Степановы, Ершовы, Суховы, Сургутсковы, Мамыкаевы, Мыриковы – вот далеко не полный перечень фамилий людей, долгие годы живших на Рыбном. Со временем перевели отсюда промартель, на ее месте заработал техучасток, с другой стороны поселок граничил с гидропортом, три десятка лет связывавшим Ханты-Мансийск с остальным миром.

Полностью оправдывая название поселка, круглый год добывали мужики рыбу. Стерлядь ловилась прямо в Горной, за муксуном ездили на недалекую Обь, регулярно лакомились осетринкой и пекли пироги с нельмой. О прочей рыбе и говорить не приходилось, вспоминает баба Ганя:

– Помню, однажды осенью мой Николай со Степановым за раз десять кулей щурогай привезли. Мы его в бочках подсолили маненько, потом всю зиму скотине варили – комбикорму ведь тогда не было. Слава Богу, на земле все хорошо родилось, одной картошки мы по пятьсот бадей накапывали. А ягоды сколь было! В том годе, как Сталин помер, мы с Нюрой Стряпановой клюквы по двенадцать комбинатских баночек за день набирали («комбинатские баночки» – 8-литровые жестяные емкости, в которых на рыбокомбинат привозили томатную пасту). Я ведь на работу дурна была. Пока мы ягоды берем, мужики протоку протянут, щук наловят. То же и на покосе. За день этак наломаешься, а мужики вечером еще побегут уток настрелять. Мы с Нюрой-покоенкой, Царство ей Небесное, говорим: дай, Господи, чтобы ничего не добыли, нам же еще их теребить...

Коров на Рыбном держали много, обычно по две на двор. Ставили сено в сорах, благо заливные луга тянулись на сотни километров. Часто косили по берегам Старого Иртыша, Речной протоки. За шишками, ягодами, ездили на Обь, в Согом, к горе Полуденке. А вот грибы собирали редко, раньше это занятие считали едва ли не баловством. У каждого настоящего хозяина и без того забот полно было:

– Взять Константина Ковалева – вот уж хозяин был! И скотину колол, и плотничал, из рук у него ничто не выпадало.

В 70-х большая часть населения поселка плавно перешла в разряд пенсионеров. Продолжала работать начальная школа №14, любимым местом встреч женской половины Рыбного оставался магазин, где продавцами работали А. Малюгина и Н. Рыбина. Знающие люди со всего города приезжали сюда за спиртным, всегда имевшимся в ассортименте. Кстати, в поселке почти не гнали самогон, излюбленным напитком испокон веков оставалась бражка. Надо признать, что у некоторых хозяек получалась она замечательной, далеко превосходящей по своим качествам «магазинское» вино.

Летом в пять-шесть часов утра со всех сторон слышалось утробное мычание и топот копыт – это после дойки хозяйки выгоняли скотину из стаек. Умницы-коровы самостоятельно сбивались в стадо, плотным косяком выходили на берег и переплывали Горную. Целый день коровы вольно паслись на лугах, а вечером вновь плыли через протоку и торопились с выменем домой.

Мы, ребяташки, любили гарцевать по холмам, собирали на припеке обильную сладкую землянику, играли в «войнушку» на заросшей густым можжевельником «карче». Стреляли из рогаток и варили ронж, с малолетства удили рыбу. Поначалу нашими снастями были лишь пруты с петельками из медной проволоки да закидушки. С возрастом пересаживались из фанерных «калданок» в дюралевые «Казанки» да «Тюменки», а там уже нам доверяли допотопную «Москву» или надежный «Ветерок». Зимой любимым занятием становилось строительство в полутораметровом снегу различного рода «штабов» и «крепостей».

Многое здесь напоминало о старине. В кладовках и на чердаках нам часто попадались фигурные флакончики с царским орлом на доньшке, крышки бабушкиных сундуков был оклеены дореволюционными этикетками от папирос и чая. Однажды на соседском

огороде мы с приятелем откопали чуть тронутую ржавчиной тяжелую всамделишную шашку. С разумом у пацанов всегда было небогато, поэтому мы «махнули» это оружие на пластмассовый уродливый кораблик ядовито-зеленого цвета...

Больно смотреть сегодня на Рыбный, он весь напоминает шапку, надетую набекрень. Некоторые дома уже брошены и находятся в падении, затянувшись на два-три года. Некоторую надежду вселяет сообщение, что вскоре здесь пройдет объездная дорога, которая окольцует весь город. С отсыпкой и укреплением берега, возможно, Иртыш на время смирит свой нрав, и поселок поживет еще какое-то время.

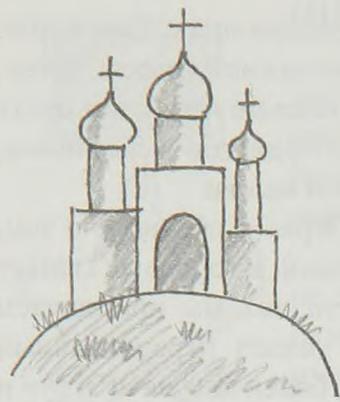
Впрочем, тогда сюда явятся предприимчивые люди, скупят ветхие домишки с благодатной землей, понастроят коттеджей, а вместо старых развесистых черёмух посадят что-нибудь более эстетичное. Как хочется надеяться, что и тогда в своей уютной избушке будет здравствовать баба Ганя, живая память уходящего в небытие поселка Рыбный...

2001

Послесловие

За минувшие тринадцать лет сбылось большинство моих предсказаний. Восточная объездная дорога действительно укрепила и облагородила холмы. Иртыш больше не подмывает берег, исчезла угроза оползней – и практически исчез старый Рыбный, во всяком случае, в своем прежнем облике. Новые хозяева безжалостно ломают избушки и возводят на их месте комфортабельные коттеджи. Нет здесь больше и тишины – по трассе то и дело с ревом проносятся автомашины.

На девяносто третьем году жизни ушла в лучший мир дорогая моя баба Ганя, унеся с собой последний кусочек детства... Стоит еще над Иртышом ее домик, смотрит куда-то вдаль, в прошлое – проклятое, тяжелое, мучительное, голодное, горькое, – но такое счастливое...

ЛЮБОВЬ МОЯ – ХАНТЫ-МАНСИЙСК

Город, как и женщину, любят прежде всего не за красоту, не за стройность линий, а за его характер и душу. У Ханты-Мансийска характер есть, именно потому к нему невозможно остаться равнодушным. В него или влюбляются – навсегда, по уши, или испытывают стойкую неприязнь. Третьего не дано...

Я люблю этот город за наше с ним общее прошлое. За снежно-белую кипень черемух, однажды зацветших именно в тот день, когда я появился на свет. За кривые скрипучие деревянные тротуары, по которым делал первые в этой жизни шаги. За тонкий аромат георгинов и астр, с букетом которых пошел первого сентября в школу номер четырнадцать – кто из сегодняшних жителей может сказать, где находилась такая?

Забавная штука – память. Ни с того ни с сего она вдруг услужливо подсовывает картинку из далекого, вроде бы прочно забытого прошлого...

...Неторопливый морозный рассвет. По улице куда-то деловито трусит рыжий, чрезвычайно лохматый пес, из породы тех, что некогда у нас водились во множестве – пока их не извели на шапки оборотистые заготовители. Пес обнюхивает дымящиеся паром конские катышки, которыми густо усеяла дорогу столь же лохматая лошадка, запряженная в сани.

Над островерхими снежными шапками крыш тут и там тонкими струйками поднимаются печные дымы – значит, в избах уже проснулись хлопотливые ханты-мансийские бабушки. Каждая из них затеплила свечку перед иконами, накинула на себя «кацавейку» или «куфайку», вынесла наведенное пойло тяжело вздыхающей в стайке Марте или Ночке. Еще с вечера бабушка завела квашню и вот-вот посадит в русскую печь противень с брусничными шаньгами, муксуновым пирогом или «поцелуйчиками»...

Увы, тот, прежний Ханты-Мансийск, безвозвратно ушел в прошлое – независимо от нашего с вами желая. Исчезли печки, «кацавейки», сани, Марты. Да и тех наших бабушек в ситцевых платочках почти не осталось. Остался город с неповторимым шармом, обаянием, аурой, еще чем-то особым, чего нельзя потрогать рукой.

Я люблю этот город за его, как это сейчас принято говорить, «понты». Вспомните, например, хрестоматийного задорновского персонажа, который покупал своим «корешам из Ханты-Мансийска» галстуки «от Версаче». Наш город часто становится предметом шуток героев российских кинофильмов или участников развлекательных программ типа КВН. Порой это бывает обидно, порой – забавно. Но скажите мне, часто ли деятели шоу-бизнеса упоминают названия, скажем, Моршанска, Кинешмы или Чкаловска?

Я люблю Ханты-Мансийск за умение мечтать. Да, в нашем городе немало объектов, целесообразность появления которых можно ставить под сомнение. На своих кухнях обыватели нередко шушукуются: зачем было вкладывать бюджетные деньги в то или иное бесперспективное начинание? Уж лучше бы их раздали бюджетникам или вообще перечислили в бездонные закрома нашей Родины, что находятся внутри МКАД.

Но многие ли помнят о том, что недостроенную коробку сегодняшнего ЮНИИИТа когда-то бросил, не к ночи будь помянутым, «чековый инвестиционный фонд «Титул»? А здание столь ругаемой «Алмазной фабрики» – не что иное, как консервный цех ордена «Знак Почета» Ханты-Мансийского рыбокомбината? Если бы его не перепрофилировали (согласен, весьма неудачно), то оно давно бы превратилось в груду развалин.

Впрочем, у нас принято ругать любое начинание власть предержащих. Сам такой. Помню, какое недоумение вызвало поначалу строительство горнолыжной трассы. Зачем, дескать, она нам, или деньги девать некуда? Есть же во дворах снежные горки, вот пусть детишки на них и катаются. Сегодня, когда я вижу сотни сноубордистов и лыжников, летящих по трассе с кручи вниз, мне становится стыдно за те свои мысли.

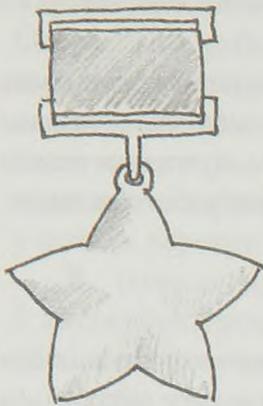
Когда правительство округа «купило» игроков команды «Югра» и объявило о том, что собирается культивировать хоккей, мы, злопыхатели, негодовали. В городе не хватает стоматологов, участковых, учителей русского языка – а вместо них мы приглашаем нападающих и вратарей! Я негодовал до тех пор, пока не увидел переполненный зрителями зал Ледового дворца и горящие глаза наших пацанов, болеющих за «Югру» и с увлечением занимающихся в детской хоккейной школе...

Я немножечко жалею о том, что остались нереализованными сумасшедшие архитектурные идеи Эгераата и Фостера. Да, пожалуй, они действительно были чересчур дорогими, амбициозными, претенциозными... Но и потрясающе красивыми. Неужели объекты, которыми будет восхищаться весь мир, могут появляться только в Москве, а периферия должна довольствоваться малобюджетными экономически обоснованными проектами?

Я люблю Ханты-Мансийск за свободолобие и отсутствие почтения к заезжим VIP-персонам. Кого только не видели мы здесь за последние два десятилетия – президентов, премьеров, актеров, музыкантов, спортсменов, бизнесменов. С мировой знаменитостью у нас запросто можно столкнуться в парке, кафе, на набережной. Обычное дело. И никто из аборигенов не будет тыкать пальцем вслед «звезде», фотографирующей коров на центральной улице – подумаешь!

Я люблю Ханты-Мансийск за абсурдное сочетание покосившихся избышек и сверкающих стеклом шикарных офисных зданий. Люблю за таинственный шум древних кедров, над которыми не властны мировые кризисы и политические пертурбации. Люблю даже за нахальство и некомпетентность местных торговцев, за убогость сервиса, за баснословной длины очереди в детский сад, за обилие комаров и нехватку солнца...

Я люблю тебя, Ханты-Мансийск!

ШЕСТАЯ ПУЛЯ КАПИТАНА БЕЗНОСКОВА

Говорят, что русская душа не терпит формализма. Врут. Мы любое самое благое дело, начинание, идею рано или поздно опошлим, забюрократизируем, залижем шершавыми канцелярскими параграфами. И тогда искренность превратится в цинизм, а священный трепет – в ханжество.

Слишком часто мы повторяем как заклинания лозунги: «Никто не забыт, ничто не забыто», «Подвиг ваш бессмертен», «Вечная память героям». А что на самом деле мы с вами помним о них, известных и неизвестных героях Второй мировой? Давайте признаем, что, к стыду нашему, – почти ничего...

Поздравляю вас, сограждане!

Мне очень жаль Ивана Захаровича Безноскова. Он прожил короткую и яркую жизнь, семь лет из отмерянных ему судьбой двадцати семи служил и воевал, погиб в боях за Родину. А что он получил взамен? Короткие биографические справки на нескольких сайтах, маленькие записочки в сборниках о войне, перевёрнутые вехи собственной жизни и смерти. И – все...

Когда-то на маленьком домике, стоявшем на улице Мира окружного центра, как раз напротив центрального входа в городской парк, висела мемориальная табличка: «В этом доме жил Герой Советского Союза И.З. Безносков». Потом дом сломали, а на его месте построили автомобильную стоянку. Автостоянка – это, конечно, хорошо. Автостоянок в городе шибко не хватает, они нам куда нужнее, чем какие-то там мемориальные таблички.

Есть в Ханты-Мансийске улица его имени (бывшая Логовая). Застроена она частными домами и заселена большей частью молодыми и успешными людьми. На вопрос, кто такой Безносков, они недоуменно пожимают плечами и высказывают разные предположения – нефтяник, генерал, строитель...

В краеведческой литературе и на сайтах Рунета Ивану Захаровичу приписывают сразу два места рождения – Тюмень и село Жолобок Курской области. Примерно пятьдесят на пятьдесят. Причем все источники с завидной упертостью утверждают, что именно их вариант является правильным.

То же самое происходит с местом упокоения Героя. Половина источников пишет: «Похоронен в селе Жолобок Курской области». А вот сообщение, размещенное на официальном сайте Белгородской области. В списке памятников, расположенных на территории Шебекинского района под №373 значится: «Братская могила 11 советских воинов, погибших в боях с фашистскими захватчиками, здесь похоронен Герой Советского Союза И.З. Безносков». Обелиск стоит у Дома культуры села Мешково...

Когда-то один дурак перепутал. Другой – не стал проверять. И последующие не утруждали себя лишними заботами. Зачем, если можно взять и добросовестно переписать. Иван Захарович-то во лжи горе-писак обвинить не сможет...

Если собрать воедино все данные о Безноскове, то можно проследить все основные этапы его жизни. Впрочем, и было-то этих этапов...

Иван Захарович родился в Тюмени 20 января 1918 года, в семье рабочего. Незадолго до рождения сына с империалистической вернулся его отец. Бате довелось хлебнуть лиха, когда он попал под газовую атаку. С тех пор маленький Ваня открыл свой личный

счет к немцам. Позже он напишет с фронта матери: «Буду мстить за своего отца, которого они еще в прошлую войну отравили ипритом».

Мать всегда была путеводной звездой для своих детей. После ранней смерти мужа Елена Яковлевна Безноскова осталась одна с шестью ребятишками мал-мала меньше на руках. Поэтому Ване удалось окончить всего четыре класса школы, нужда заставила искать посильную работу. Например, в столярном цехе деревообрабатывающего комбината «Красный Октябрь»...

Вспомним мы пехоту и родную роту...

А в 1936 году семья Безносковых переехала на Север, в молодой, только что появившийся на карте Союза поселок Остяко-Вогульск. Ивану Захаровичу повезло, он смог устроиться мотористом на катер окружного отдела НКВД. Два года бороздил он просторы Иртыша и Оби, два года мужал его характер и крепло тело под ударами сибирских ветров и морозов. А в 1938 году Ивану пришла повестка – Родина призывала его в ряды Красной армии.

Служил Иван на Дальнем Востоке. Хорошо служил, усердно. Уже через год за отличные показатели в боевой и политической подготовке его наградили грамотой. В начале 1941 года Елена Яковлевна ждала сына домой, в отпуск. Да не дождалась...

С июля 1941 года Безносков – в действующей армии. Пришлось познать горечь отступления и сладость первых побед, защищал Москву, сражался под Смоленском, освобождал Харьков, форсировал Днепр.

Пехота-матушка, пехота – царица полей... В грязи, вшах, крови, под пулями, бомбами и пристальным взглядом особиста, впроголодь, в рваных «кирзачах» по осенним лужам... Именно в пехоте жизнь младшего командира была короче всех. Одна атака, один клич «За Родину, за Сталина!» – и на половину взводных уже пишут похоронки. В пехоте легко сделать карьеру, и легко потерять жизнь...

Новый, 1945 год Безносков встретил уже командиром батальона 333-го гвардейского стрелкового полка 117-1 гвардейской Бердичевской стрелковой дивизии 13-й армии 1-го Украинского фронта. На груди капитана сверкали ордена Александра Невского (И.З. Безносков – единственный житель округа, удостоенный этой награды), два – Красной Звезды, медали.

И на теле сибиряка – пять отметин. Пять раз он был ранен, пять раз лежал в госпиталях и санбатах. После очередного тяжелого ранения молодая украинка Жанна Вильнова отдала ему 400 граммов своей крови. «Я никогда ее не забуду, – писал он матери. – И ты не забывай, ответь ей на письмо, она спасла меня...»

Начало наступления советских войск в Польше намечалось на 20 января. Но 6 января в связи с крупной неудачей англо-американских войск в Арденнах премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль обратился к И.В. Сталину с просьбой об оказании им срочной помощи путем перехода Красной армии в наступление «на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте». Ставке ВГК пришлось ограничить фронтам и армиям время подготовки к Висло-Одерской операции, начало которой было перенесено на 12 января. Выполняя обязательства, Красная армия платила за неудачи союзников жизнями своих солдат...

Ломая «Восточный вал»

В Интернете удалось найти интересный документ – доклад замначштаба 13-й армии полковника Солнцева штабу 1-го Украинского фронта:

«Начав свое наступление, войска 13-й армии с боями к 25 января подошли к берегам Одера. Этот рубеж немцы называли «Восточным валом». Еще с 1929 по 1937 год по западному берегу были сооружены доты из бетона и стали. На каждый километр фронта создано по 2-3 капонира, по 2-3 полукапонира и одному убежищу. Расположены они были так, что вся поверхность воды и восточные берега должны были обстреливаться из пулеметных дотов. На главных направлениях мог быть обеспечен 2-3-слойный и на всех участках перекрестный и фланкирующий огонь.

В полосе наступления 13-й армии было обнаружено 158 дотов, из них 8 двухамбразурных. В качестве их гарнизонов должно было находиться 1644 человека пехоты и в том числе 188 командиров.

Чтобы захватить противника врасплох и внезапно для него зацепиться за противоположный берег, 25.1.45 командиры 121, 117, 6-й гвардейских и 112-й стрелковой дивизий выбросили вперед сильные подвижные передовые отряды. Отряды достигли реки и после полуночи на 26.1.45 под покровом темноты начали форсирование реки. На северном участке переправа происходила на лодках и паромках, а на южном – по торосам льда с усилением дощатой выстилкой. К 10 часам переправились: у Хохбаушвиц – передовой отряд 117-й гвардейской стрелковой дивизии, который вел бой именно за этот пункт...»

Именно этим батальоном командовал капитан Безносков... Под кинжальным пулеметным огнем противника бойцы перебирались через реку – где на лодках, где на наспех сколоченных плотках, где перепрыгивая по разбитым взрывами снарядов льдинам. Меньше половины смогли живыми выбраться на противоположный берег...

Начался трудный бой. Солдаты забрасывали укрепления фашистов гранатами, заливали бетонные амбразуры струями свинца из автоматов – и постепенно продвигались вперед. Немцы пытались контратаковать, но не смогли сбросить смельчаков обратно в воду. А с нашего, восточного берега, тем временем переправлялись все новые и новые подразделения.

Вот только дорогую цену заплатили советские воины за эту победу, десятки тысяч солдат остались лежать на вспаханной взрывами земле или плавать в свинцовых водах Одера. 25 января настигла фашистская пуля и капитана Безноскова. Это было уже шестое его ранение. Врачи долго боролись за жизнь офицера, но спасти его не смогли. 28 февраля 1945 года Иван Захарович скончался в госпитале от ран.

Он уже не узнал, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство гвардии капитану Безноскову Ивану Захаровичу посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза...

Послесловие

В 2013 году история капитана Безноскова вновь всколыхнула Югру. О том, как это случилось, я рассказал в материале «Вывих совести»:

«Что-то неладное творится с нашей журналистской совестью. Нам теперь не стыдно за то, что мы говорим и пишем. Мы избавились от чувства ответственности за наши сюжеты и тексты. Мы лихо отплясываем джигу на таких понятиях, как вера, долг, Родина, нравственность. А теперь еще и на костях наших героев...»

21 января в эфире ТРК «Югра» вышел сюжет о Герое Советского Союза Иване Захаровиче Безноскове. Вот его краткое изложение. «...Прошёл боевой путь от

Москвы до Германии. Был 5 раз ранен и снова возвращался на фронт. В официальных биографиях написано, что герой умер в госпитале от ран после попадания разрывной пули. Но, как выяснилось, это не так. Корреспондент Игорь Лапик внимательно изучил архивные документы и обнаружил в биографии героя белое пятно. Сведения о Безноскове отражены в госпитальном журнале и военных отчётах, и везде чёрным по белому написано, что капитан Безносков умер в госпитале от отравления метиловым спиртом... В любом случае то, что Безносков умер от употребления спирта, никак не уменьшает его заслуг перед родиной».

На этот сюжет тут же откликнулся в газете «Новости Югры» Михаил Царев. Вот, в частности, что он писал: «...Что тут можно сказать? Геббельс, наверное, сейчас в аду радуется. То, чего не смогла сделать его пропаганда, подчас успешно свершают некоторые «историки», интернет-порталы, журналисты. Как можно победить страну? Нужно воспитать у граждан отвращение к ней. Нужно чернить настоящее, когда в выпуске новостей главные новости – жареные. Нужно сфальсифицировать историю».

Господин Лапик тут же отреагировал на это мнение и прислал свой комментарий. Сохранена орфография оригинала: «Профессиональный журналист должен быть беспристрастен и писать без «моралитэ», основываясь на фактах, а вы отнеслись к делу предвзято. В вашей статье указано, что акцент в сюжете с боевых подвигов Безноскова сместился на «отравление спиртом». Озвучен только факт и ни единого слова, унижающего героя. Никакого алкоголизма и никакого аморального поведения. ...У Безноскова был сильнейший стресс который на войне снимали в том числе и фронтовыми ста граммами. Это не для кого не секрет... Немцы специально оставляли бочки с метанолом чтобы русские солдаты травились. Смысл в том, что спирт это тоже оружие от которого и пал Безносков. Лично для меня он, как был героем, так и остаётся. У меня оба деда воевали. Один до сих пор числится пропавшим безвести. И если я узнаю что он, выйдя из боя, умер от спирта – хоть метилового хоть этилового, я не на секунду не усомнюсь в его героизме. Это война! А мы, как журналисты сработали профессионально – предоставили телезрителю возможность самому размышлять над перипетиями той войны. Вы голословно обвиняете нас во лжи. В чём мы соврали? Одни факты, основанные на подлинных документах. ...Ваш материал – это попытка оправдать собственный непрофессионализм. Насколько я знаю, в газете «Новости Югры» ранее выходила статья под названием «6-я пуля капитана Безноскова». В ней авторы ввели всех югорчан в заблуждение относительно реальной причины гибели героя. Вы говорите: «это воспитывает отвращение к стране». Алё, вы на каком астероиде летаете? Школьники даже не знают кто такие Жуков и Кутузов, а вы про Безноскова... То что хоть кто-то просто узнал о герое уже хорошо. Зачем в принципе нужно было оглашать, что герой от спирта умер? Это наш герой. Герой земли югорской. И мы югорчане имеем право знать всю правду о нём. Как жил, как воевал и как умер ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА».

Видимо, я не подхожу под критерии господина Лапика, так как в данном случае не могу быть беспристрастным и не могу писать «без моралитэ». Нельзя оставлять без внимания попытку ошельмовать нашу историю и очернить память предков.

...В детстве мы с другом Серегой часто играли в «войнушку», представляя себя то лихими ковпаковцами, то мужественными панфиловцами, то отчаянными куниковцами. До тех пор играли, пока однажды сосед дядя Толя (бывший десантник, награжденный

орденом Красной Звезды) в порыве откровенности не рассказал о своем однополчанине, которого расстреляли перед строем за мародерство. Когда я в очередной раз предложил «повоевать за наших», Серега отмахнулся: «Ну их нафиг. Тоже мне – герои...»

Наверное, этот пример – не показатель, во всяком случае, для некоторых моих коллег. Для них важнее всего «беспристрастность и непредвзятость». Они чихать хотели на последствия. Им важнее всего показать «факт», даже если он является всего лишь чьими-то грязными подиштанниками. Вот, полюбозытствуйте, мы нашли разложившийся труп. Вот – навалена кучка экскрементов. Вот – целуются гомосексуалисты (имеют конституционное право!). Вот пьяный лежит в собственной луже. А мы тут ни при чем, мы лишь показываем действительность, и нас не колышет, что будет после.

Интересно, что рассказывает своим детям г-н Лапик, проходя по аллее Героев? Что один умер от спирта, другой после войны был осужден за растрату, третий часто дебоширил и попадал в КПЗ? Что Рокоссовский имел любовницу, Жукова обвиняли в присвоении ценностей, Малиновский якобы санкционировал новочеркасский расстрел, а Баграмян виновен в гибели сотен тысяч солдат в ходе харьковской катастрофы? На этих «фактах» он предполагает воспитывать в детях патриотизм, любовь к Родине, гордость за дедов?

Да, напрямую Лапик не обвиняет Ивана Захаровича Безноскова в «алкоголизме и аморалке», более того, высказывает предположение, что немцы специально подбросили ему бочку с метанолом, дорвавшись до которой, он отравился и умер. В этом, видимо, и заключается весь его подвиг...

В сюжете о Безноскове нет ни слова о том, за что же ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Зачем поднимать наградные листы, просматривать воспоминания солдат, анализировать, если на поверхность всплыл столь жареный факт, как неумеренное употребление спирта? Этого вполне достаточно, чтобы заявить: я «...обнаружил в биографии героя белое пятно». И тут же замазал его грязью...

Всякое бывало на войне – мародерство, предательство, подлость, трусость. Об этом надо говорить – но ни в коем случае не выпячивать, не смаковать, не упиваться «чернухой», как это сделали сотрудники ТРК. Судя по их сюжету, летом «делегация из Югры» собирается встречаться с родственниками Безноскова. Наверное, сам г-н Лапик намерен раскрыть им глаза на правду о Герое: «А вы знаете, что ваш прадедушка на самом деле умер от спирта?» Как мерзко-то, Господи...

ЭПОХА ВИДЕО: «СОВКОВАЯ» РОМАНТИКА С КАПЕЛЬКОЙ ЭРОТИКИ

Вопрос на засыпку: назовите главное культурное событие второй половины XX века в Советском Союзе, потрясшее всех без исключения его жителей и оказавшее огромное влияние на развитие общества! Рождение

«Таганки»? Увы, для жителей Саранпауля это не слишком актуально. Появление на сцене Бори Моисеева? Да, это действительно потрясло всех, но влияния на общество не оказало.

Зато потрясло и перевернуло весь Союз такое явление, как видеосалоны. Помните? За короткое время они расплодились повсеместно – в грязных вонючих подвалах, в закутках залов ожидания, в дощатых сараях, во всевозможных подсобках. И тем самым распахнули перед нами окна в фантастический мир грез, мечтаний, страхов, одновременно манящий и отталкивающий.

Через эти окна в стерильное сознание дремучего советского человека ворвались Рэмбо и Эммануэль, Фредди Крюгер и Дональд Дак, Джеймс Бонд и Люк Скайуокер. Мы вдруг осознали, что невообразимо отстали от остального мира, а потому вздохнули и пили видео, обжирались видео, наслаждались видео. Тем более что наряду с низкопробными поделками к нам попадали и весьма добротные образчики мирового кинематографа – фильмы Куросавы, Спилберга, Скорсезе, Стоуна.

Не остался в стороне от процесса видеопросвещения и наш медвежий угол. В конце 80-х в Ханты-Мансийске было два частных «видАка» – в бывшем кинотеатре «Художественном» и в зале ожидания речного вокзала. Народ валил туда толпами, желая насладиться игрой Аль Пачино, бицепсами Слая или обнаженными персями Кристель.

А потом и местное градоначальство решило идти в ногу со временем и позволило открыть третий – государственный – видеосалон в кинотеатре «Лангал» (когда он еще стоял на улице Пионерской). Нам, двум Андреям, выделили чудо отечественной промышленности – видеомагнитофон ВМ-12 в количестве двух штук, ламповый телевизор «Таурус», дали ключи от буфета и велели «гнать культуру в массы». И мы погнали...

На областной кинобазе получили целое богатство: несколько десятков видеокассет с документальными либо художественными, но произведенными на киностудиях братских союзных республик фильмами. Еще бы – в «комках» (комиссионных магазинах) цена одной видеокассеты с двумя картинками превышала 100 рублей – колоссальные по тем временам деньги. Мы «халявные» фильмы безжалостно уничтожали, записывая на кассетах «шедевры» типа «Зубастиков», «Истории О», «Американского ниндзи», «Меня зовут Троица» и т.д., и т.п.

Самым сложным был именно поиск новых фильмов. В своем городе мы знали поименно всех владельцев видеомагнитофонов и ежедневно получали самые достоверные сведения о новых поступлениях в частные видеотеки. Доброхоты сообщали, что Виктор, который живет на Телецентре, только что получил боевик «Леди Колът» и новую кассету с музыкальными клипами «нон стоп». И мы тут же мчались к Виктору – уговаривать, просить и слегка шантажировать...

У нас внезапно появилась масса друзей-приятелей. Одни из них мечтали на халяву посмотреть новинку, другие выпрашивали на ночь телевизор и видик – чтобы насладиться зрелищем в узкой компании. Чаще всего это были представители вневедомственной охраны или дежурной части милиции. Мы, конечно, не отказывали, а взамен в любое время дня и ночи использовали патрульные «уазики» в качестве персональных лимузинов...

Отдельного рассказа заслуживает «эротизация» невинного ханты-мансийского зрителя. Вся «обнаженка», которую он прежде видел на экране, это грудь Светланы Тома в «Табор уходит в небо» и филейная часть Евгения Леонова в «Полосатом рейсе». И вдруг на нас обрушились тонны и кубометры «клубнички», сначала достаточно невинной, вроде «Греческой смоковницы» и «Эммануэль», а потом и бесчисленные «киношедевры» немецких «фабрик грез».

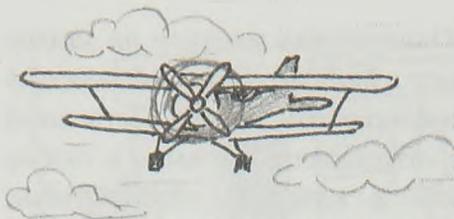
В 89-м как-то довелось по просьбе руководства поднимать образовательный уровень делегатов окружной конференции работников культуры. После демонстрации очередного учебного видеofilmа ко мне подошел один «ответственный товарищ» и стыдливо потупив глазки, попросил: «А нельзя ли нам вечером посмотреть что-нибудь этакое, знаете ли... Хочется иметь представление... Чтобы потом бороться с безнравственностью и отличать эротику от порнографии...»

И вечером, даваясь от хохота, мы с другом включили делегатам немецкую «Сельскую жизнь». И наслаждались, глядя на отвисшие челюсти уважаемых директоров деревенских Домов культуры и выпученные глаза заведующих библиотек... Это было действительно очень забавно! Почтенные культработники и не подозревали о ТАКИХ достижениях немецких аграриев и ТАКИХ удоях баварских фройляйн...«Дас ист фантастиш!»

Похожая ситуация повторилась на очередной сессии окружного Совета народных депутатов. Нас тогда обязали поставить в фойе Дома Советов телевизор и крутить что-нибудь легкое, дабы во время перерывов депутаты могли отвлечься от важных забот. Готов поклясться, что уже на второй день в зале заседаний народу было куда меньше, чем у нас в фойе. Большинство народных избранников предпочитали переживать за Чака Норриса, чем за судьбы России...

Послесловие

...Давно нет на свете моего друга и напарника Андрея, Царство ему Небесное. Нет и того, прежнего «Лангала». Нет больше видеосалонов, окутанных ореолом романтики и флером былой запретности. Не нужны они в наше прагматичное время самодостаточных потребителей. А мне их немножко жаль...

ПЕРВАЯ «ЛАСТОЧКА» В НЕБЕ ЮГРЫ

Интернет называют по-разному, кто – кладезем информации, кто – ее свалкой. Несомненно одно – во Всемирной паутине можно найти следы практически любого человека на планете.

Первым делом, первым делом...

Короткое сообщение в одном из январских номеров окружной газеты «Сталинская трибуна» 1935 года: «В Остяко-Вогульском аэропорту впервые приземлился самолет АИР-6, управляемый полярным летчиком Николаем Целибеевым. Его полет от Тобольска до Самарово продолжался 2 часа 17 минут».

Вы только представьте себе: первый самолет в небе Югры, первая рукотворная «птица», прилетевшая на Север. Еще нет нефтепроводов, ЛЭП, супермаркетов, биатлонистов, гаишников и менеджеров. Под крылом – лишь редкие стойбища, небольшие прибрежные села и безбрежный океан тайги...

Меня заинтересовала личность самого летчика, рискнувшего первым проложить воздушную трассу в наши забытые Богом урманы. Кто он такой, Николай Целибеев? К сожалению, в Интернете нашлось очень мало информации об этом человеке. Но все-таки кое-что удалось найти, в основном благодаря его достаточно редкой фамилии.

Счастье улыбнулось практически сразу, по ссылке вышел на один из специализированных форумов, где любители отечественной авиационной истории обменивались архивными фотографиями. Один из снимков оказался подписанным: «На обороте: летчик тов. Целибеев перед полетом. Август 1934 г.». Сомнений быть не может – перед нами тот самый Николай Александрович. И самолет, изображенный на снимке, тот же самый прилетевший в Югру АИР-6.

Ироничный прищур глаз, мужественный профиль, крепкая фигура – настоящий, замороженный метелями полярный волк. Скорее всего, именно таким Целибеев предстал перед обалдевшими самаровцами. Наверное, при его появлении на улице местные девки валились штабелями вдоль палисадников...

Продолжаем копать виртуальные архивы. Вот короткая биографическая справка: Целибеев Николай Александрович, родился 4 марта 1898 года. Уроженец и житель г. Санкт-Петербурга. Русский, имеет не законченное высшее образование, из служащих. Беспартийный.

Летчик в белых перчатках

Натыкаюсь на биографическую книгу инженера-полковника И.П. Бирюкова «Воспоминания об учебе и первых авиационно-технических учебных заведениях». На страницах, посвященных событиям 1924 года, нахожу следующую цитату:

«Летчик Целебеев, на самолете которого я работал, – выходец из офицеров старой армии, интеллигент, строго следил за чистотой и порядком, на аэродроме не снимал белых перчаток. Старые техники, ранее знавшие его, мне говорили: «Трудно с Целебеевым работать. Он большой педант и придира». Но эти предупреждения были преувеличенными. Работая вместе продолжительное время, я со стороны летчика не видел существенных и обоснованных претензий или придинок к работе».

Трудно сказать однозначно, являются ли летчики «Целибеев» и «Целебеев» одним и тем лицом. Но уж больно много совпадений, согласитесь – фамилия, профессия, возраст, происхождение. Предположим, что И.П. Бирюков говорит именно о нашем герое – тогда выстраивается очень интересная цепочка. Если именно Николай Александрович

(напомню – петербуржец!) является тем «интеллигентом и офицером старой армии», то логично предположить, что он принадлежит к старинному купеческому роду Целибеевых. В Питере до сих пор сохранились «особняк Целибеевых» и «Целибеевские бани».

Кроме того, в начале прошлого века одним из шести «старшин» Русского олимпийского комитета был выбран А.Ф. Целибеев – «...весьма разносторонний спортсмен, велосипедист, гребец, казначей общества ОФСРУМ, принимавший активное участие в обществе «Русский скаут». Уж не батюшка ли это нашего героя?! Тогда становится понятна и страсть сына к экстремальным видам деятельности.

Смертельно опасная любовь

Но вернемся к биографии Николая Александровича. Похоже, у него были весьма странные и неоднозначные отношения с органами безопасности. По данным Красноярского общества «Мемориал», в 1927 году летчик Енисейской авиагруппы Н. Целибеев был арестован ОГПУ по подозрению в шпионаже. А потом каким-то образом вновь оказался на свободе. Впрочем, в том году Андрей Вышинский работал еще ректором МГУ, а не генпрокурором...

В 1937 году Целибеев упоминается как «командир Дудинского авиаотряда». Через год – как летчик Красноярской авиагруппы. Не догадываетесь, в каком контексте упоминается? Да, как «член шпионско-вредительской контрреволюционной организации» (сборник статей «Враги народа» за Полярным кругом», Москва, 2008) Целибеев был арестован 1 июля 1938 года. Обвинение предъявлено по ст. 58-6, 58-7, 58-11 УК РСФСР.

Казалось бы, мы уже ничего не узнаем об отважном полярном летчике, безвестно сгинувшем в застенках ГУЛАГа. Но, вопреки утверждениям иных записных либералов, и в те годы карательные органы карали не всех. Нередко советская Фемида опускала уже занесенный топор и отпускала своих жертв на свободу – приносить пользу многострадальной Родине. Вот и дело Николая Александровича было прекращено 9 июня 1939 года УНКВД «по реабилитирующим обстоятельствам», и летчик был освобожден из-под стражи.

Быть дважды арестованным органами по обвинению в шпионаже – и быть дважды благополучно отпущенным?! Честно говоря, ранее я не слышал о таких прецедентах. Все-таки ВЧК-УГПУ-НКВД-МГБ никогда не отличались излишним человеколюбием, выскочить из их жерновов мало кому удавалось. Почему дважды удалось Целибееву? Быть может, дело в некоем высокопоставленном друге, быть может – в сотрудничестве с органами (а что, собственно, в этом плохого?), быть может – в особой любви госпожи Фортуны.

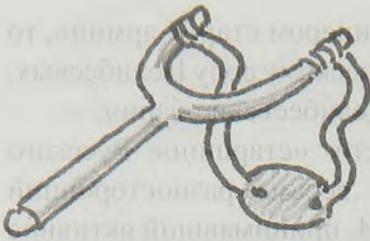
В следующий раз мы встречаем нашего героя уже в 1944 году. В «Списке летчиков-испытателей» перечислены фамилии тридцати шести лучших пилотов страны тех лет: Б.Н. Бирбуц, Ф.Е. Болотов, А.И. Жуков, В.Б. Иншаков, В.В. Карпов, В.К. Коккинаки, Б.Н. Кудрин, А.А. Курбан, В.А. Матвеев, Я.Н. Моисеев, Ф.Ф. Опатчий, Я.Г. Пауль, А.К. Туманский, Н.А. Целибеев...

Судя по отрывочным упоминаниям в Рунете, Николай Александрович был хорошим другом легендарного Валерия Чкалова, во время Великой Отечественной войны «защищал небо под Москвой», дожил до преклонных лет. Все...

2010

Послесловие

История Югры полна «белых пятен». Это касается и дел многовековой давности (например, местонахождения «Обского городка», «Золотой бабы» и т.д.), и совсем еще недавних событий – Гражданской войны, 30-40-х годов. Если мы не будем помнить о делах наших предков, то и наши с вами судьбы ждет забвение потомков...

ЗАБАВЫ МОЛОДЫХ

Личность начинается с игр. Именно в них и через них формируются мировоззрение и характер. Я уверен, что именно в игре родилось человечество...

Тридцать лет назад наши уличные забавы существенно отличались от забав сегодняшней детворы. Во-первых, мы гораздо в большей степени были предоставлены сами себе. Мы сутками напролет находились на улице, речке, в лесу. В нашем распоряжении были тысячи игр, а если их не хватало, мы тут же придумывали новые. Но, повзрослев, мы почему-то позабыли об этом и перестали лишней раз выпускать на улицу собственных детей.

Правда, и жизнь в те времена была совершенно другой. Нет, чикатилы встречались и тогда, но мы-то пребывали в счастливом неведении относительно их существования. Зато не было всеобщей озлобленности, жестокости, равнодушия, царящих сегодня в наших душах. А потому домой ребятишки забегали лишь для того, чтобы снова отпроситься у родителей и схватить со стола кусок хлеба, политый «постным» маслом.

По всему Союзу пацаны играли в «войнушку». Самозабвенно и увлеченно миллионы малолетних «вояк» с уродливыми деревянными автоматами, мало напоминающими свои прототипы, прятались за сараями, бегали по парку, ползали по крышам.

– Тра-та-та-та-та!

– Бах! Кузя, ты убит!

– Ни фига, ты промахнулся!

А какие мы строили зимой «штабы»! Куда там «линии Маннергейма» до этих хитроумных сооружений, дотов и блиндажей, разветвленных ходов сообщений, тянувшихся иногда на десятки метров. А мы, как сбрендившие кроты, все рыли, рыли и рыли...

Летом «войнушка» перемещалась на лоно природы. Обвязавшись веревками и запасшись самодельными «кошками», мальчишки шли в лес. Родители потом не удивлялись многочисленным синякам да шишкам, лишь молча качали головой, прижигая царапины зеленкой. Они понимали, что просто их сыновья днем покоряли Джомолунгму, сражались со стрелками из «Эдельвейса», помогали Чингачуку в борьбе с «бледнолицыми». Крайне редко вспоминали мы о существовании реального мира и настоятельных рекомендациях матерей «прийти к двенадцати на обед».

Свой голод мы обычно утоляли на ходу, подножным кормом: ягодами, «заячьей капустой», орехами, варили на костре ронж, ворон, куликов и белок – то, что достаточно легко попадало под прицел наших рогаток.

Недавно, кстати, я увидел в продаже фабричную рогатку – достаточно уродливое и примитивное изделие. Самодельная рогатка из нашего детства – это мощное, дальнобойное и красивое оружие, способное творить чудеса в умелых руках. Разумеется, можно спорить о нравственности стрельбы «малолетних хулиганов» по птичкам. Действительно, их жалко. Но взрослым следует помнить, что для мальчишки убийство синицы – не самоцель, а лишь утоление древней всепоглощающей охотничьей страсти.

Да, стреляли мы в лесных птичек. Но куда чаще объектом нашей охоты становились крысы. С этими грызунами мы вели беспощадную войну. Сколько их полегло от мальчишеской руки – не сосчитать. Для поиска наилучших «трофеев» мы даже ездили за несколько километров на городскую бойню – там встречались самые крупные экземпляры.

Впрочем, рогатки являлись не единственным нашим оружием. Пацаны активно мастерили самопалы: заточенный шпингалет, эластичный жгут, деревяшка и медная

трубка под «мелкашечный» патрон. Между прочим, страшное оружие – в первую очередь для самого стрелка. Только чудом разрывающиеся гильзы и трубки не калечили моих сверстников. А вот легких ранений хватало.

Достаточно много в наших руках перебивало и настоящих «стволов». От отцов и дедов переходили к пацанам разнокалиберные ружья. А мы из них достаточно поварварски мастерили обрезы, и палили почем зря по мишеням в ближайшем овраге. Нехватка пороха приводила порой к тому, что мы для его извлечения... распиливали ножовкой автоматные патроны. Хвала Господу – проносила дураков беда...

Разумеется, не все «пацанские» игры были столь милитаризованы. Играли мы и в прятки, и в «вышибалу», и в «ляпу», и в «штандер». По летнему времени любили, чего греха таить, «загонять козла». Как, вы не знаете, что это такое? Так называют забавное «развлечение», когда ночью ватага огольцов залезает в чужой огород и принимается за «уборку урожая» а-ля Мишка Квакин. Впрочем, мы никогда не безобразничали и не рвали больше, чем могли унести в руках. Две-три морковки, пяток огурцов – и давай Бог ноги. Казалось бы, у каждого мальчишки на собственном огороде росло все то же самое, иди и рви, но чужое всегда кажется слаще.

Но нередко нам все-таки перепало за подобного рода забавы. От наших же старших товарищей. Вот что удивительно: немаловажную роль в нашем воспитании играли именно пацаны старшего возраста. Благодаря им мы узнавали, что после извлечения свинцовых пластин из старых аккумуляторов надо обязательно вымыть руки, что не умея плавать, не надо лезть на глубину, что нельзя брать чужое. Они могли навешать подзатыльников, заметив у «салага» папиросу, за матерное слово, за неоправданный риск. Спасибо вам за это, братцы!

Счастлирое у нас было детство – вольное, чумазое, исцарапанное. Не потому ли спустя годы мы втихомолку посмеивались над одноклассником, признанным «не годным к строевой», а сами с охотой шли в армию?

Не играют сегодняшние пацаны в «войнушку». Им нет нужды мастерить автоматы из дерева – в магазинах навалом точных копий «беретт» и «М-16». Но редко когда встретишь теперь мальчишек, с оружием наперевес бегущих куда-то по крыше гаража. И армия для современных юношей превратилась из «несокрушимой и легендарной» в третируемую и презираемую структуру государства. Странная такая закономерность...

Чем играют сегодняшние мальчишки? «Лего» и «биониклами», «тамагочи» и «трансформерами». А еще у большинства из них есть компьютеры. Теперь пацану нет нужды бегать с пугачом по задворкам – он может включить «Call of duty» и начать «мочить» врагов на виртуальном пространстве. Возиться с машинкой – зачем, если есть «Need for Speed», где к его услугам самые «крутые тачки» и любые трассы? Строить замки из песка? Запустим старых добрых «Героев меча и магии» и примемся создавать собственную империю. Компьютер заменяет детям реальный мир. Который посредством «компа» сам превращается в игрушку...

Заходим с сыном в магазин игрушек, и у меня самого разбегаются глаза. Вот бы нам тридцать лет назад иметь такой конструктор, таких солдатиков, такую железную дорогу! К сожалению, в те времена в «Детском мире» лежали лишь кубики, монструозные куклы и просто чудовищные самосвалы. Зато каждая хорошая игрушка становилась отрадой для души и предметом зависти приятелей. Их мы берегли и лелеяли, не то что спустя четверть века наши собственные дети. Для них любой робот или автокран не имеет другой ценности, кроме стоимости в денежном выражении. Чудо получило свой ценник...

Растут и хорошеют наши города. Исчезают старые домишки, а с ними уходят в прошлое мальчишеские компании, гонявшие на пустыре мяч, лупившие палками пустую банку, разбиравшие в сарае старенький «Ветерок». Что-то безвозвратно уходит. Жаль...

2006

Послесловие

В качестве одного приведу другую свою публикацию 2012 года:

«К сожалению, в России воруют многие и многое: кошельки и стройматериалы, бюджетные деньги и велосипеды. Воруют даже такие нематериальные вещи, как... слова. То бишь журналистские тексты...»

Перебирая домашний архив, наткнулся на свою старую статью под заголовком «Забавы молодых. Во что играют настоящие мужчины?», опубликованную в окружной газете «Новости Югры» 2 марта 2006 года. Перечитал, улыбнулся, отложил в сторону. А потом стал тестировать программу-антиплагиат и совершенно случайно ввел в поисковое окно первую фразу этой своей статьи. И тут же наткнулся на нее в Интернете.

Правда, опубликована она была, оказывается, лишь 22 августа 2006 года в 141-м номере нарьян-марской окружной газеты «Нарьяна вындер» («Красный тундровик»). И написал ее, оказывается, не Андрей Рябов, а некий «Виталий Михайлов». Текст идентичен моему, практически слово в слово, только в последнем абзаце вместо слов «Растут и хорошеют наши города» «Виталий» написал «Растет и хорошеет наш Нарьян-Мар»...

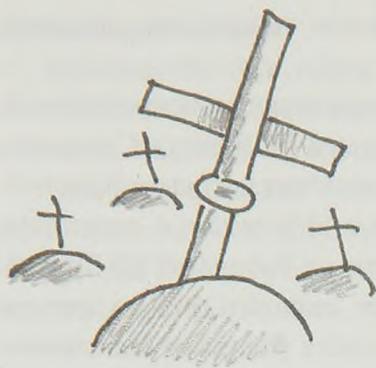
Пришлось взяться за телефон, звонить в славный город Нарьян-Мар, в редакцию «Тундровика». Тамошние коллеги с полуслова поняли суть моих претензий, тяжело повздыхали, и сообщили, что под псевдонимом «Виталий Михайлов» скрывается их прежний главред Андрей Михин.

Который, оказывается, был с позором уволен именно за плагиат... В качестве доказательства привожу цитату из публикации на ИА «RUSNORD» от 29.11.11:

«Действовал Михин незамысловато, с расчётом на то, что никто внимания не обратит на «невинные шалости» в далёкой окружной газете, до которой только самолётом добраться и можно. Просто тырил готовые материалы с интернет-сайтов Республики Коми, и размещал в своей «Колонке главного редактора». Притом делал это не впервые, ранее подобные штучки он проделывал с рубрикой «Во саду ли в огороде». Брал из Интернета чужие рекомендации огородникам, завёрстывал их на целую полосу и ставил под этим «творчеством» псевдоним собственной жены («Лариса Леонидова»). Однако был пойман за руку собственными товарищами по цеху, получил от них «последнее китайское предупреждение» и на время затихарился. А потом всё началось по-новой. Почему, зачем, причём так грубо, не изменив ни слова в оригинале? Деньги, господа, как это ни банально, ворованные вирши оплачивались из гонорарного фонда газеты по высшей ставке».

Не буду звать к несуществующей совести этого горе-коллеги. Бесплезно. Жаль только, что из-за таких михиных падает престиж нашей профессии в глазах читателей. Дридлива корова все стадо запакостила...».

ВРЕМЕНА НЕ ВЫБИРАЮТ, В НИХ ЖИВУТ И УМИРАЮТ

О степени зрелости того или иного общества можно судить по его отношению к мертвым. У каждой цивилизации, населявшей долготерпеливую землю, был к ним свой, особый подход. Как только не хоронили людей за всю историю человечества: в воде, огне, земле, камне. Все смешал сумасшедший XX век, разбросавший прах десятков миллионов человек без разбору: под насыпью железных

дорог, под плотиной Днепрогэса, в обвалившихся окопах Сталинграда, кремлевской стене и крематориях нацистских концлагерей.

Вы скажете, что все это очень далеко отсюда, а в Ханты-Мансийске все чинно-благородно, спят себе предки за кладбищенскими оградками. Если бы, уважаемые, если бы...

Времена не выбирают, в них живут и умирают

Если судить по замечательному труду Х. Лопарева «Самарово», то в старинном одноименном селе, давшем начало сегодняшней столице округа, было несколько кладбищ. Во-первых, были захоронения около Покровской церкви. Во-вторых, основной погост располагался в логу, на месте конторы рыбокомбината и жилых домов в переулке Рабочем. Старики помнят, как долго еще проливные дожди вымывали из земли чьи-то косточки. А многие жители окрестных домов клялись, что туманными ночами нередко слышали странные звуки и видели над этим местом призрачные фигуры.

Еще одно кладбище находилось за Барабой, на другом конце села. Во второй половине 50-х годов прошлого века хоронить там перестали, могилки быстро обветшали. А на заре нового века как раз по кладбищу прошла... горнолыжная трасса. Как водится, крайних в этом кощунственном деле уже не найти, компания ВНСС, выступавшая подрядчиком строительства, клянется, что знать не знала и слыхом не слыхивала о могилах. До тех пор не слыхивала, пока под ножом бульдозера не забелели человеческие кости... Перепуганные рабочие вызвали милицию, и лишь потом строители удосужились заглянуть в архивы. И выяснили, что спортивные соревнования в Ханты-Мансийске предполагается проводить на костях наших предков.

Не потому ли горнолыжная трасса, несмотря на вбуханные в ее строительство миллионы, который год «переформатируется»? «Плывет» гора, накреныются опоры, как по волшебству появляются новые овраги – словно сама земля сопротивляется кощунственному «культурному отдыху» на могилах предков...

Кстати, последняя могила в оградке – Зеленского Ф.А. (1885-1931) – еще стоит в нескольких метрах от подъемника. А жители и гости города сегодня с удовольствием летят на лыжах и сноубордах по человеческим косточкам...

Историческую память – на свалку?

В 2010 году Служба государственной охраны объектов культурного наследия Югры приостановила строительные работы на площади Свободы в Ханты-Мансийске. На этом месте администрация города вознамерилась установить памятник «Основателям города Ханты-Мансийска». Историки забили тревогу – для сооружения котлована под памятник экскаватор черпал уникальный культурный слой, который вывозили... на

благоустройство улиц. Работы вскоре возобновили – чиновники торопились открыть очередной объект к очередному юбилею.

Но ситуация с реконструкцией площади имеет еще один исторический и нравственный аспект. Судя по воспоминаниям очевидцев и историческим трудам, в 1919 году в Самарово произошла обычная для тех жутковатых времен трагедия. Отступая под натиском Красной Армии, колчаковцы загнали в трюмы двух барж арестованных коммунистов и советских активистов, содержащихся в Тобольской тюрьме, и на всем пути от Тобольска до Томска совершали над ними расправы. В Самарово они вывели на берег двадцать три (по другим данным – тридцать три) человека и расстреляли их для устрашения местного населения. Имена этих несчастных так и остались неизвестными.

Вот как вспоминал об этом один из очевидцев – Скосырев: «Скорее это были тени, истощенные до невозможности, с глубоко впавшими глазами, пожелтевшей на лице кожей. Босые, наполовину раздетые, они еле держались на ногах. Окружив несчастных плотным кольцом штыков, повели к месту расстрела. Заключенные запели «Интернационал». И чем ближе они подходили к вырытой яме, тем сильнее нарастал их голос. В бешеной злобе и ярости, обнаженными клинками и наганами офицеры приказывали замолчать, но большевики пели. Даже в момент, когда два офицера в упор расстреливали арестованных один за другим, пение продолжалось. Оно прекратилось тогда, когда пал в могилу последний мученик».

Местные жители тайком похоронили расстрелянных в одной братской могиле. После установления Советской власти на ней был воздвигнут небольшой деревянный обелиск со звездой, вокруг поставили оградку. Неподалеку от места захоронения построили ремонтно-механические мастерские Ханты-Мансийской сплавной конторы (где-то неподалеку от сегодняшнего торгового дома «Сатурн»).

По воспоминаниям Ю.Г. Созонова, опубликованным в краеведческом альманахе «Подорожник» (№ 4, 1994 г.), судьба захоронения тоже оказалась трагической. В 1941 году в Иртыше и Оби наблюдался самый высокий уровень половодья за всю историю, в окружной столице река затопила всю южную часть (вплоть до улицы Кирова). Иртыш смыл не только сараи и поленицы, но и место захоронения 1919 года.

А потом была Великая Отечественная война – людям стало не до старых могил, ведь каждый день в России появлялись тысячи новых. Лишь спустя десять лет о расстрелянных вспомнили и решили перенести их останки на центральную площадь Самарово. Стали искать могилу, но не нашли – то ли река вымыла кости, то ли местные жители забыли точное место.

И тогда власти решили осуществить хотя бы символическое перезахоронение – в несколько гробов собрали землю примерно с того места, где находилась братская могила. Вот как об этом событии рассказывала районная газета «Знамя коммунизма»: «6 октября 1957 года состоялась перенесение останков из братской могилы на месте расстрела на площадь Свободы, где был воздвигнут заканчивающийся пятиконечной звездой четырехгранный бетонный обелиск с надписью: «Борцам за свободу вечная слава и память».

В 1974 году вместо бетонного обелиска была установлена скульптурная композиция. Так как рядом находился ресторан «Иртыш», то местные жители прозвали ее «Трое вышли из бара». В 90-е годы обветшавшую скульптуру попросту убрали с глаз долой. Говорят, сейчас она стоит на территории местного рыбокомбината. Площадь заложили плиткой и стали устраивать на ней массовые гулянья. А потом и вовсе землю, на которую несколько поколений горожан возлагали венки, вывезли «на благоустройство». Вместе с гробами?!

Пропащие могилы

Шестьдесят лет гости города с удивлением рассматривали скромную оградку с памятником в центральном городском парке, за ДК «Октябрь». На нем было написано: «Куликов Василий Федорович, 1904-1944». Кем он являлся, знали единицы...

Куликов, уроженец Челябинской области, с 1931 года служил в органах госбезопасности по Омской области. С 22 августа 1942 года был назначен начальником окружного отдела НКВД-НКГБ. Говорят, считался перспективным руководителем, являлся членом бюро окружкома ВКП(б), был награжден pistolетом системы «Коровина» с надписью: «За беспощадную борьбу с бандитизмом от ПП ОГПУ Запсибкрая».

21 января 1944 года Василий Федорович скончался от сердечного приступа. В знак особого уважения его похоронили не на кладбище, а в центре города, рядом с могилой первого председателя Остяко-Вогульского окрисполкома Я.М. Рознина, умершего в 1934 году. Кстати, по некоторым данным, в то время здесь же был и третий памятник – командированному в округ инструктору ЦК ВКП(б) Г. Меламеду, погибшему в 1937 году.

Долгое время могилы мирно уживались рядышком. А уже в наше время, лет тридцать назад, начались непонятности. Вот как писала об этом Хиония Пухленкина: «...памятник (*Рознину – А.Р.*) внезапно исчез. В это время прошла по городу молва, что якобы жена Якова Матвеевича, Валентина Николаевна, поставила вопрос о том, чтобы его прах перенести на кладбище, и когда она умрет, то похоронить ее рядом с ним. Но этого не случилось. Однако отдельные заинтересованные люди, особенно из общества охраны памятников, воспользовались этой молвой и решили убрать памятник Якову Матвеевичу, поставив на его месте памятник первому начальнику милиции Куликову».

В конце «нулевых» прах Василия Федоровича перенесли на Северное городское кладбище. О месте захоронения одного из основателей округа Якова Рознина до сих пор нет точных сведений.

Танцы на костях

Василий Куликов возглавлял окружные органы госбезопасности уже на спаде репрессивной волны, когда «врагов народа» значительно поубавилось. Зато его коллеги-предшественники порезвились в наших местах на славу.

В 1937-1938 годах, когда стал раскручиваться маховик репрессий, были расстреляны 976 жителей округа, больше всего в окружном центре – 598 человек. Как писали «Новости Югры», первые в Остяко-Вогульске массовые расстрелы были опробованы 20 августа 1937 года – тогда расстреляли 15 человек, а уже 8 октября привели приговор в исполнение в отношении 97 человек. Самым крупным стал расстрел 21 января 1938 года, тогда в Ханты-Мансийске уничтожили 142 человека. В 1941 году в Ханты-Мансийске расстреляли 5 человек, в 1942-м – 8 человек в окружном центре и Тобольске, в 1943 году – одного человека.

Вот что писал доктор исторических наук Ю. Прибыльский: «В Остяко-Вогульске расстреливали в погребе на дворе окротдела НКВД, а трупы казненных тайком хоронили в окрестностях поселка». Где сегодня эти захоронения?

На месте того погреба (по другим данным – овощехранилища), где происходили расстрелы, в конце 90-х годов был установлен 7-метровый поклонный крест, символ скорби и памяти. Предполагалось, что памятник будет временным, а на его месте потом появится часовня. Но после начала строительства культурно-театрального центра «Югра-Классик» памятный знак был перенесен на территорию Покровской церкви в Самарово.

Кому-то из чиновников не понравился вид скорбного креста рядом с «очагом культуры», в результате чего монумент убрали с глаз долой. И теперь горожане слушают песенки заезжих «звезд» на том самом месте, где казнили их дедов...

Впрочем, это не единственное место расстрелов в городе. Одна из старейших горожанок, Агафья Ефимовна Ковалева, передавала рассказ своей подруги, бабы Кати.

... Не пришла домой корова – обычное, в общем-то, дело. Задержалась где-то по своим рогатым делам. Но Катя, тогда совсем еще не «баба», пошла ее разыскивать. Продираясь по густым зарослям кустов, она внезапно услышала в стороне какой-то шум. Чтобы не испугать молодую буренку, тихонько пошла вперед. Отодвинула очередную ветку – и остолбенела. Впереди хорошо просматривалась большая яма, в которую люди в форме торопливо сбрасывали человеческие тела...

Внезапно рядом, как будто из-под земли, вырос милиционер с винтовкой наперевес. Несколько мгновений помедлил, воровато оглянулся и отпихнул Катю обратно в заросли. Торопливо зашептал: «Быстро беги отсюда! Ты что, к НИМ хочешь?!» Забыв обо всем на свете, женщина опрометью кинулась прочь...

Еще четверть века назад, говорит она, оплывшие края той ямы были видны. В знаменитой Долине ручьев, слева на склоне...

«Небесные» жертвы

Молодой столице округа требовалась связь с внешним миром. Поэтому в 30-х годах между Самарово и поселком Рыбным был образован гидропорт. Маленькие шустрые «аннушки» сноровисто порхали над бескрайними просторами Югры, их поплавки и лыжи тревожили первозданную чистоту рек и озер. В 80-х надобность в гидроавиации отпала, поэтому бипланы поставили на колеса, а гидропорт закрыли.

Сегодня о самолетах в том месте ничто нам не напоминает. Только напротив бывшего аэровокзала и диспетчерской, на холме, среди непроходимых дебрей шиповника, еще можно увидеть деревянную полусгнившую пирамидку. От оградки ничего не осталось, исчезли звездочка, табличка с фамилиями.

Здесь когда-то были похоронены несколько летчиков. Их число не поддается уточнению. Одни старожилы говорят о трех погибших, другие – о пяти. Кто они были, как погибли – сегодня об этом никто не помнит. Пройдет еще пара лет, и рассыплется пирамидка, а на чуть заметном холмике предприимчивые граждане посадят картошку. Раньше за захоронением приглядывала добрая душа, приносила рюмочку и горбушку на Радуницу. А потом единственными посетителями могилы стали коровы, жующие сочную крапиву...

Под Ханты-Мансийском есть еще одно печальное место, напрямую связанное с небом. В середине 60-х годов на лугах за Иртышом разбился рейсовый самолет, ни одного пассажира не уцелело. Из официальных документов:

«Экипаж 120 летного отряда, снизившись с эшелона 5 400 м (до 3 000, затем до 600 и до 300 м), приступил к заходу на посадку днем в ПМУ с прямой с правым доворотом с МК=38°. До высоты 10 м отклонений от глиссады не было. Затем на планировании самолет просел и приземлился в снег с недолетом до ВПП. Через 7 м пробега он столкнулся с уплотненным снегом перед входным торцом ВПП, начал разрушаться и загорелся. Погода: облачность 10/10 (400 м нижняя кромка) слоисто-кучевая дождевая, видимость – 10 км.

Вероятные причины:

- 1)** Возможная ошибка в технике пилотирования, выразившаяся в неточном определении высоты начала выравнивания и в результате запаздывания с началом вывода самолета из угла планирования приземление произошло до ВПП;
- 2)** Возникновение отрицательной тяги винтов при установке РУД в положении, близком к проходной защелке, при неправильной регулировке двигателей или уборке РУД за проходную защелку;
- 3)** Изменение центровки вследствие перемещения пассажиров по салону из-за возникновения пожара при курении.

Представители МАП в особом мнении выразили несогласие с пунктами 2 и 3».

В катастрофе погибли бортпроводник и все 42 пассажира. Среди них – Евгений Васильевич Сутормин, управляющим Ханты-Мансийским геофизическим трестом, один из первооткрывателей ряда нефтяных месторождений. Сегодня в районе страшной гибели десятков людей нет даже самого завалившего обелиска...

Прах – к праху

Кладбище – не просто печальное место упокоения чьих-то бранных тел. Это, в первую очередь, наша коллективная память, дань уважения прошлому. Именно поэтому тянутся в родительскую субботу на погост люди, даже если у них нет здесь «своих» могил. Вспоминая об ушедших, человек берет на себя долю ответственности за эту землю.

Иван – родства не помнящий переступил через безвестный прах так же легко, как через своего живого ближнего. Чтобы не уподобляться дикарям, нужно хотя бы перезахоронить на кладбище останки летчиков, установить обелиск на месте гибели самолета, попытаться обнаружить места захоронения расстрелянных земляков. Только кому это нужно?

Вечная память вам, несправедливо забытые...

НОВЕЙШАЯ АЛКОГОЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Алкоголь – одно из самых неоднозначных и противоречивых явлений на свете. Начнешь, скажем читать любого классика, а там без рюмки не обходится: то бокал «...золотого, как небо аи», то «...выпьем с горя, где же кружка», то «...Жомини да Жомини, а об водке – ни полслова». Одни только названия видов алкоголя звучат как песня: шампанское, бургундское, портер, глентвейн, медовуха. Но это с одной стороны. С другой – вспоминаются медвытрезвители, ЛТП, похмелье...

На протяжении всей своей истории человечество боролось с алкоголем – и создавало все новые его виды. Клеймило позором – и воспевало в поэтических да живописных шедеврах. Преследовало за употребление – и придумывало ему завлекательную рекламу.

Что уж говорить о человечестве в целом, если отдельные представители гомо сапиенс в своей жизни проходят тернистый – от закоренелого алкоголика до воинствующего абстинента – и наоборот, причем с одинаковым успехом. Вспоминаю своего приятеля, спортсмена и фанатика здорового образа жизни, одним ударом ломавшего кирпичи и презиравшего местных пьяниц. Недавно столкнулся с ним на улице. Смутно знакомый вечно пьяный бич меня попросту не узнал...

В то же время я знаю неоднократно «кодировавшихся» алкашей, ставших сейчас добропорядочными отцами семейств, не пьющих ничего крепче кефира. Даже христианская церковь, весьма жестко относящаяся к грехам человека, допускает употребление вина при определенных условиях.

А теперь давайте вместе с вами предадимся ностальгии и вспомним отечественную историю данного вопроса. До времен «Очакова и покоренья Крыма» погружаться не будем, достаточно небольшого вояжа длиной в тридцать лет...

В 70–80-е годы в Сибири пили много чего: «Столичную» и «Московскую», «Пшеничную» и «Стрелецкую», «Медвежью кровь» и «Фруктово-ягодное», «Слыньчев бряг» и «Три семерки». Высшим шиком и признаком некоторого аристократизма считалось не тривиальное употребление только что купленной водочки, а настаивание оной на бруснике, смородине и кедровых орешках. Единственными знакомыми нам видами коктейлей были водочно-пивной «ерш» и «Кровавая Мэри». В поселках существовала безотказная примета – если у соседа баня топилась не в выходные, а в будний день, значит, там сегодня гнали самогон.

Вскоре в стране стала набирать силу антиалкогольная кампания. Возле винно-водочных магазинов таились в засаде милиционеры и общественники, вылавливая несчастных, осмелившихся купить бутылку в рабочее время. А потом их клеймили позором в стенгазетах, на товарищеских судах и партсобраниях. Моя бабушка до сих пор со страхом вспоминает участкового, зашедшего в избу в тот момент, когда за печкой «сработала» фляга с брагой. Последствия едва не оказались катастрофическими.

Советская бражка – это вообще отдельная песня. Разумеется, не та, которую ставили в грязных ведрах алкаши, добавлявшие в нее всякую гадость для большей «убойности». Зато тот нектар, который выходил из-под рук деревенских бабушек, дал бы сто очков форы всяким арманьякам. Настоянная на черносливе и «карамельках», лимоне и меде, куда для «скуса» и «пользительности» добавлялась целебная травка, эта амброзия пилаась как морсик, а эффект давала потрясающий.

Впрочем, далеко не все питухи потребляли доброкачественную алкогольную продукцию. Великое множество мужиков с гордостью провозглашало: «Пьем все, что горит!», их ряды особенно расширились после начала борьбы с «зеленым змием». Спирт любители «сугрева» тогда извлекали из стеклоочистителя, сапожного крема, клея БФ, мази от комаров, сердечных капель. Самыми большими эстетами среди них считались граждане, предпочитавшие лосьон «Огуречный» и одеколон «Саша»... Сколькими тысячами могильных холмиков отмечено «триумфальное» шествие антиалкогольной кампании – пусть останется на совести самих триумфаторов.

Но не все республики прежнего Союза испытывали алкогольную жажду в конце восьмидесятых. На фоне российского дефицита полки винно-водочных магазинов в солнечной Грузии ломались от переизбытка товара. Естественно, кто будет покупать сомнительный «Солнцедар», если у каждого уважающего себя грузина в подвале стоит пара-тройка объемистых бочек с упоительно вкусным вином?!

В те времена практически во всех советских семьях имелись импровизированные заветные «бары» – отдельные шкафчики в стенках «Слава», куда с гордостью выставлялись добытые правдами и неправдами бутылки с неординарными спиртосодержащими жидкостями. Среди самых престижных (и доступных советскому человеку) были «Рижский бальзам», «Токайское», «Ямайский ром» и водка «Посольская».

А красивые пузатые бутылки после употребления их содержимого никогда не выбрасывались. С ними либо ходили в магазин за «постным» маслом, либо внутрь наливали самогон, подкрашенный кофе или какао. Очень забавно было смотреть потом на некоторых зашедших в гости интеллигентов, с ужасно серьезным видом классифицировавших данный напиток в качестве «бренди» или «аперитива».

Дефицит спиртного быстро привел к возникновению института доморощенного бутлегерства. Во многих городах и весях Союза местные объединения «спиртоносов» носили наименование «синдикат». Обычно эту роль выполняли таксисты, из-под полы продававшие водку. Она, родимая, являлась подлинно конвертируемой валютой в постперестроечные времена. Надо ли перевезти холодильник, вскопать огород, починить смеситель – единственным достойным видом вознаграждения служил «пузырь».

А приснопамятные очереди в магазины «Вино – табак», в которых бок о бок с последними пропойцами были вынуждены стоять миленькие барышни! Конец месяца, надо срочно «отоваривать» талоны, а муж, как на грех, в командировке. Вот и приходилось толкаться локтями профессорам с бичами...

Начало девяностых годов ознаменовалось не только гигантским потоком фальсифицированной водки, хлынувшим на рынок, но и обилием качественного импортного спиртного. Помните неплохой спирт «Ройал» (именовавшийся в просторечии «роялем»), замечательную израильскую водку «Стопка» или экзотическую «Черная смерть»? А необычную на вкус и потому не шибко востребованную широкими массами «Швейкову контюшовку»? Удивительный южноамериканский кактусовый и германский яблочный ликер? Шоколадный ликер «Чин-чин»? «Амаретто»?

Правда, вскоре наша родная власть «выправила» положение с помощью акцизов и таможенных пошлин. И заставила народ потреблять низкопробное отечественное пойло, закрыв доступ качественным и недорогим импортным напиткам. Низкий ей за это поклон...

Но вот миновали времена безвластия, и на просторах России воцарилась демократия. Вновь полны полки бесчисленных ларьков и «маркетов». От ярких бутылочных этикеток рябит в глазах. Пожалуй, большая половина тех напитков, чья крепость составляет менее сорока градусов, разливается из одной цистерны. Если не брать в расчет продукцию, цена которой начинается от тысячи рублей, то все остальное относится к двум категориям. Это либо откровенно ядовитая гадость, либо относительно безвредная, но тоже гадость...

Разумеется, существуют «алко-маркеты», в которых вы можете приобрести настоящее «Мадам Клико» или белое рейнское урожая 1925 года. Вот только обычному среднестатистическому гражданину данный ассортимент (вернее, его стоимость) не по карману.

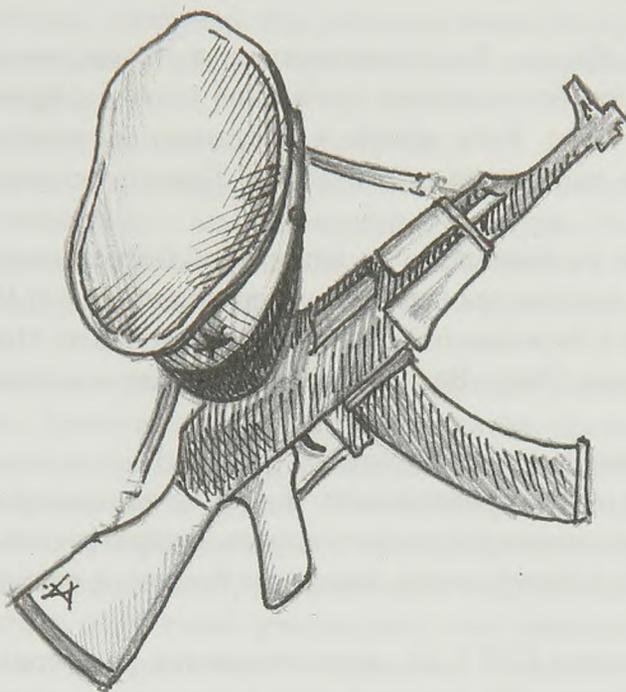
И потому вновь на полную силу заработали самогонные аппараты, благо, сейчас они продаются абсолютно свободно. А моя знакомая «умелица» снова производит на даче спиртосодержащую отраву из... тосола. «А что, – говорит, – мужики нахваляются. Она же сладенькая, вроде ликерчика...»

2006

Послесловие

Вы только не подумайте чего – к спиртному я совершенно равнодушен. Годами стоят в холодильнике разнообразные горячительные напитки – редким гостям на потребу. А для себя я по осени ставлю графинчик-другой «хреновухи». Записывайте.

Берете пару корней хрена, очищаете от кожицы, режете на кусочки и заливаете водкой. Туда же отправляете перчик чили. Настаиваете 5 дней, потом процеживаете и ставите в холодильник. Поверьте мне, для профилактики простуды нет ничего лучше, чем пятьдесят граммов «хреновухи» – да к тарелочке огненных щец...

«ЧЕРНЫЙ ВОРОН, Я НЕ ТВОЙ...»

*«Останутся застелены
Простыночки конвертами.
Мы вечером обстреляны,
А утром оклеветаны.
Мы ко всему привычные,
И хватит в нас терпения
Принять плевки публично и
Заочно – извинения...»*

А. Ягодин

С Олегом Григорьевым мы учились в параллельных классах, у нас были общие друзья-приятели. Ничем особенным от сверстников, он, пожалуй, в то время не отличался. Разве что спокойствием, какой-то уверенностью и надежностью.

После армии Олега я видел редко. Как это обычно случается: привет-привет-какдела-уменьятоже. Гораздо чаще его лицо и фамилия мелькали на страницах газет под рубрикой «Милицейские будни». То рассказывалось, как ребята Олега сидят в засадах и ездят в рейды, то публиковался снимок, на котором он стоит среди храбрых парней, отправляющихся в Чечню. Последняя информация в окружной газете сообщала, что 19 декабря 2000 года в Гудермесе на фугасе подорвался «уазик» Октябрьского ВОВД. Среди раненых был назван и заместитель командира специальной огневой группы Олег Григорьев.

А буквально через несколько дней невероятное сообщение всколыхнуло Ханты-Мансийск – в новогоднюю ночь Олег покончил с собой...

О чести

Горько, страшно, обидно. Три командировки в Чечню, неоднократные выезды в другие «горячие точки», бесчисленное множество стычек с преступниками, ни одной царапины – и вдруг такое. Быть может, и не стоило бы копаться в причинах этого поступка, не бередить душу друзьям и близким. Только ведь уже поползли по кухням грязненькие сплетни.

Вдобавок в газете не появилось ни одного соболезнования от руководства УВД. Забыли, замотались в текучке дел перед очередными выборами? Получается, вроде и не было человека, честно и бескорыстно выполнявшего свой долг. Именно поэтому давайте вместе отдадим должное Олегу Васильевичу Григорьеву – солдату, командиру, просто хорошему человеку.

Вспоминает его отец, Василий Яковлевич:

– Олег всегда был очень справедливым. В детстве постоянно ввязывался в драки за слабых. И его не интересовало число противников, насколько они его старше и сильнее. Очень любил природу, рыбалку, охоту, занимался боксом. А еще любил и умел петь под гитару.

После школы окончил ГПТУ-10, затем выучился на егеря. Служил на Дальнем Востоке, в погранвойсках. Он всегда и все стремился делать хорошо, поэтому из армии родителям Олега пришло благодарственное письмо от командования. После демобилизации Григорьеву предложили пойти в милицию.

Относительно спокойная служба во вневедомственной охране быстро прискучила молодому сотруднику. Ему хотелось настоящего дела, и в начале 90-х он переходит в новое подразделение ППС при УВД округа. Позже на базе этой группы было сформировано ОНР – отделение немедленного реагирования. Григорьев становится сначала заместителем командира, а потом и возглавляет его.

«Спец»

Разные подразделения милиции по-разному охраняют правопорядок. ОППН занимается «трудными» подростками, ОВО стережет объекты, ОУИН проводит работу по месту жительства, ГАИ приглядывает за дорогами. ОНР в нашем округе, наряду с ОМОНОм и СОБРОм – это острое правоохранительного меча, призванное в считанные минуты бежать, ехать и лететь туда, где кому-то грозит опасность.

Я не буду пофамильно представлять этих ребят. МВД – довольно специфическая структура, которая очень не любит общения с прессой без санкции начальства, а уж тем более критики в свой адрес. У «онэровцев» и без того хватает хлопот, чтобы привлекать на свои буйные головы еще и дополнительный гнев руководства.

О Григорьеве обычно немногословные ребята говорят наперебой:

– Он ни за кого не прятался...

– В любое время мог приехать и порешать любые вопросы...

– Мы ему доверяли...

Олега называют жестким, но справедливым командиром, решительным бойцом, великолепно владевшим всеми видами оружия, жизнерадостным и порядочным

человеком. Отлично подготовленный физически, он никогда не стремился первым применить свои боевые навыки, пытался поговорить, погасить любой конфликт. Но если уж другого пути не было, то его оппоненты быстро осознавали свою ошибку. О нем рассказывают легенды, например, как однажды милиционеры вчетвером не могли вывести наружу здорового буйного мужика. Олег отстранил всех, один зашел в помещение и скрутил амбала.

О своей службе ребята рассказывают без пафоса:

– Мы же мотаемся по всему округу. Объявился в какой-нибудь деревне по пьяному делу доморощенный «снайпер» – мы на «вертушку» и туда. Разбой вооруженный где произошел – тоже. Однажды прибыли в аэропорт, чтобы лететь в Березово. Глядим, а для нас «кукурузник» из-под снега откапывают. Мы потом все гадали: взлетит – не взлетит, долетит – не долетит...

ОНР постоянно находилось в командировках. Ловили наркосбытчиков, разгоняли воровские «сходняки», брали вооруженных преступников. Далеко не всем и не везде нравилась подобная активность. В некоторых городах их без видимых причин сдергивали с одного места и перебрасывали на другое. Милиционеры понимающе кивали головой: «Значит, опять не ту машину тормознули, не в ту квартиру вошли».

А потом было пыть-яхское «дело о превышении власти», которое тянется вот уже почти два года. Ребята в один голос утверждают, что заведено оно было по указке местных криминальных «авторитетов». Не нравилось «богатым и знаменитым», когда их ставили по стеночке и везли в кутузку – из шикарных-то кабаков и уединенных саун.

Говорят, что в «посадке» «онэровцев» были заинтересованы влиятельные люди, потрачены громадные деньги. Вопрос виновности милиционеров решит, разумеется суд. Будем надеяться, честный и справедливый.

Тем временем Григорьева за этот «проступок» отстранили от командования отделением. Долгое время ОНР возглавлял то один «варяг», то другой. Но негласным командиром по-прежнему оставался Василич. С ним советовались, его беспрекословно слушались.

А потом была Чечня.

«Горячая точка»

Поначалу отряд дислоцировался на чечено-дагестанской границе, прикрывал ее после начала контртеррористической операции. Олег тогда являлся старшим, под его руководством возводились оборонительные сооружения – окопы, доты. А через несколько дней после штурма Грозного ханты-мансийским милиционерам поставили задачу войти в столицу Чечни и создать Октябрьский временный отдел внутренних дел. Ребята до сих пор возмущаются:

– Входим, там еще бои идут, десантура «чехов» из какого-то здания выбивает, артиллерия вовсю работает, танки. А мы, представляешь, с дубиночками, ни одного «граника» на всех... Так мы ездили к соседям-омоновцам боеприпасы выменивать. Василич выбил для нас автоматы с подствольниками. Когда мы ходили на разминирование, сначала снимали чеченские мины и вокруг своего периметра ставили.

При непосредственном участии Олега была сформирована СОГ – специальная огневая группа. В ее задачи входило проведение «зачисток», сопровождение автомашин, охрана райотдела, прикрытие спецопераций. Долго пришлось обустраиваться. Не было элементарных вещей для мало-мальски приемлемого быта. Сейчас им смешно:

– Помните, вы диваны на себе тащили, когда снайперы по вам работать начали? Мы кричим: бросайте их к чертовой матери, но куда там – спать-то не на чем! Бегом, под пулями, но дотащили.

Кроме выполнения других обязанностей, Григорьев являлся снайпером. Часто уходил на сутки «в лежку», внимательно обозревая окрестности в оптический прицел. Я спросил у его сослуживцев – были ли у Олега «результативные выходы»? Ответ меня поразил: «Об этом никто никогда не распространялся и не расспрашивал. Почему? Все же чечены – не захватчики, не оккупанты какие-нибудь. Раньше все в одной стране жили».

Все правильно. Наши ребята – не отмороженные «рэмбы», не «дикие гуси» без прошлого. Просто такая работа, приказ, который кому-то нужно выполнять.

Именно Олег Григорьев выстрелом из гранатомета остановил самый первый захваченный югорчанами «левый» бензовоз, при его непосредственном участии был захвачен первый пленный. Одна из самых больших ценностей «там» – промедол, обезболивающее, который каждый боец хранит для себя. А Олег мог не раздумывая вколоть свой раненому чеченцу. Мог во время боя отдать товарищу последнюю гранату – тому ведь нужнее...

Когда попала в засаду наша колонна и погибли первые ханты-мансийские милиционеры, то помощь прибыла через полчаса. Вспоминает один из оперов:

– Бой разгорелся жаркий. Подмога тут же ввязалась в него, отстреливаясь из стрелкового оружия. Олег был единственным, кто сразу подбежал к нам, наплевав на опасность, прошел через сектор обстрела. Но вместе с тем он не был безрассудным человеком. А еще он оставался жизнерадостным парнем, часто улыбался, рассказывал анекдоты.

Именно после этого боя многие стали по-другому оценивать свое пребывание в Чечне. Вспоминают, как один из милиционеров, глядя на безжизненные тела, протянул: «А я думал, здесь курорт...»

Во время второй командировки Олег, как наиболее подготовленный и надежный боец, стал неофициальным телохранителем начальника ВОВД. К новому делу он подошел, как всегда, обстоятельно и вдумчиво. Выбил для себя бесшумную «снайперку», бесшумный пистолет для командира – чтобы не обнаружить местонахождение, если вдруг придется отбиваться в «зеленке».

В 1998 году в ОНР перешел и брат Олега, Владимир. Вскоре у каждого из них уже было по три командировки в Чечню. Итого – шесть на семью. Так получалось, что чаще всего братья меняли «там» друг друга. Вспоминает Владимир Григорьев:

– Обычно мы с ним в Ханкале встречались. Времени хватало, чтобы только перебраться парой слов, а там уже или мы, или они грузились в «вертушку».

Дорога к дому

После каждой командировки каждый милиционер должен пройти курс реабилитации – по семь дней за каждый месяц. По телевизору показывают, как служивые отдыхают в санатории, плещутся в море. Поинтересовался в ОНР, соответствует ли это действительности? Ребята усмеваются: да, после первого возвращения им предложили путевки в Тараскуль, но только одним, без жен. Представьте себе – мужики не видели домашних три месяца, а им нужно чуть ли не на следующий день вновь уезжать. Они отказались, а путевки потребовали передать в детский дом.

Не здесь ли кроется одна из причин произошедшей с Олегом трагедии? Полгода непосредственного участия в боевых действиях, постоянное пребывание в экстремальных

ситуациях, гибель друзей не проходят бесследно. Вот монолог одного из оперов:

– Не секрет, что там происходит переоценка ценностей. Нет, ничего похожего на пресловутое «крышу рвет». Просто начинаешь по-иному смотреть на вещи. А еще со временем притупляется жизненный иммунитет, ослабляется тяга к жизни. Когда я вернулся домой, у меня долго сохранялась какая-то апатия, отделились все бытовые ориентиры. Остается недоуменное любопытство: как это все стекла в окнах целы? Почему ночью тишина, не стреляют? Долго не мог привыкнуть к отсутствию под рукой оружия. Выходишь без автомата и вроде голым себя чувствуешь.

Онэровцы в один голос утверждают, что можно воевать, если у тебя прикрыты тылы. А что должен чувствовать рискующий жизнью боец, если его семья живет в бараке, домашним приходится топить печку и носить воду? Олег с женой и тремя сыновьями тоже теснился в однокомнатной квартире...

– Знаешь, там легче. Голова не болит, у тебя имеется все необходимое, есть четкая задача. Проблемы начинаются дома. Телевидение любит снимать, как мы в Чечню уходим. Красиво все так, торжественно. Хоть бы раз показали, как мы возвращаемся, – матерятся ребята. – Мужиков из Вартовска, Лангепаса, Когалыма честь честью встречают, на «икарусках» со всеми удобствами. А мы – на рейсовом. Говорят: сейчас в кафе пойдем, посидим, встречу отпразднуем. А потом вместо этого командуют: почистить оружие. Свободны... И вообще, как надо что-то сделать – вперед, вы же спецназ! Как только задача выполнена, мы становимся «обеспечением». Сколько раз, бывало, Василич просил организовать нам базу для тренировок. Так мы освобождение заложников на стройках отработывали, с палками вместо автоматов...

Сам Григорьев, по словам его товарищей, никогда никому не плакался. Наоборот, говорил: что вы жалуетесь, тащите службу!

Эпилог

Когда Олег уезжал в Чечню в третий раз, Василий Яковлевич спросил: «Зачем тебе это нужно?» «Не могу иначе, – объяснил сын, – вот съезжу в последний раз – и все». После ранения отец вновь пытался настаивать – возвращайся, теперь ты имеешь моральное право. Олег ответил: «Как же я своих брошу?» И на следующий день сбежал из госпиталя в Грозный. Он мечтал после выхода на пенсию пойти работать в тайгу лесничим...

На похороны Олега собралось больше двухсот человек. Отдать последние почести приехали милиционеры из Нижневартовска, Сургута, Пыть-Яха. Стоя над могилой, многие из бывших подчиненных говорили: мы только благодаря тебе остались живы. А еще у Олега остались три сына: Олежка, Раиль и Володя. Мальчишки, которым на память остаются фотографии отца, на которых сильный мужчина в форме улыбочиво смотрит в объектив.

«Ворон» – такой позывной был у Олега в Чечне. «Черный ворон» – его любимая песня. Мудрая сильная птица – и всегда одинокая...

2001

Не будет здесь послесловия.

*Сама эта статья – послесловие к яркой жизни настоящего Человека.
Царствие тебе Небесное, Олег!*

СМЕРТНЫЙ ГРЕХ

Уже не первый раз доводится мне писать о сотрудниках отделения немедленного реагирования УВД округа – немногословных, подтянутых, слегка бравирующих своей крутизной. Вся их служба – в рейдах и командировках между Чечней и округом, сон в обнимку с автоматом. Но самый подготовленный и крутой мент (в лучшем значении этого слова) порой оказывается бессилем перед подлостью...

Честь рода

Сургутсковы – известная в Югре фамилия: первые «Сургутсковы» числятся в списке самаровских ямщиков еще в XVI веке. Честно и самоотверженно трудился этот род на благо России. Не осрамил фамилию и Алексей Сургутсков. После окончания школы он поступил в Тюменское высшее военно-инженерное командное училище. Затем была служба в одной из воинских частей Северо-Кавказского военного округа. После увольнения из армии Алексей пошел на службу в милицию, в ОНР.

23 февраля был особым днем для кадрового офицера Сургутскова. Вот только не думал, не гадал Алексей, что этот день станет роковым в его судьбе, что именно 23 февраля пересечется его жизненный путь с кривой дорожкой двух подонков...

Ссора

Поздно вечером Алексей с женой Ириной возвращались из гостей. На перекрестке улиц Пионерской и Калинина окружного центра тропинка пролежала мимо автомашины, из-за опущенных стекол которой в адрес молодой женщины посыпались предложения «покататься», пересыпаемые густой матерщиной.

Сургутсков – молодой, сильный мужчина, не мог спустить оскорблений. Он подошел к автомобилю, достал свой пневматический пистолет и велел хулиганам успокоиться. Только вот сегодняшняя шпана прекрасно разбирается в тонкостях оружия. Не сомневаясь в игрушечной природе пистолетика, перепившие мерзавцы выбрались наружу и принялись выкрикивать оскорбления вслед удалявшейся паре. Через несколько минут двое из них остановили другую машину и отправились «разбираться».

В день суда лишь один из них сидел на скамье подсудимых. Медведеву тридцать один год, он русский, уроженец Ханты-Мансийска, образование – восемь классов, вот уже несколько лет не работает. Внешне невзрачен – средний рост, ежик темных волос, мешки под глазами – больше и сказать о нем нечего. Зато второй – ранее судимый, а теперь свидетель(!) Кубрин – выглядел куда авантажнее. Лет сорока, благородная седина на висках, волевой подбородок, пронзительный взгляд «честных-пречестных» глаз. Именно он показывал водителю «Волги» дорогу, просил ехать помедленнее и даже рассказывал ему, как «один козел только что угрожал пукалкой»...

Трагедия

Они догнали Сургутсковых на улице Мира, возле здания типографии. Выйдя из машины, Кубрин начал угрожать и материться перед Ириной, Медведев отошел чуть в сторону с Алексеем. И почти сразу же ударил его правой рукой в живот. В руке подонка тускло блеснуло лезвие ножа...

Почему Сургутсков, тренированный, физически развитый сотрудник специального подразделения, не раз выходявший целым и невредимым из куда более серьезных переделок, прошедший горнило чеченской войны, не защитился, не размазал шпаненка по тротуару? Алексей, к сожалению, уже никогда не сможет ответить на этот вопрос.

Пожалуй, причина кроется в характере Сургутскова: спокойном, незлобивом, жизнерадостном. Не ожидал офицер, что из-за мелкой ссоры его приедут УБИВАТЬ. Эти двое хотели «наказать» мужика, осмелившегося дать отпор «ночным хозяевам» города. Тем, кто стаей пристаёт к прохожим, заволакивает в «тачки» припозднившихся девушек, «подламывает» ларьки и обворовывает машины.

Получив предательский удар, Алексей зажал рану руками и из последних сил побежал на проезжую часть. А его убийцы тем временем преспокойно уселись в «Волгу» и укатили домой – праздник-то продолжался...

Бегущую через дорогу странную фигуру заметили сотрудники ГИБДД, в это время преследовавшие очередного нарушителя. Надо отдать им должное – они не промчались мимо, а остановились и подошли к уже потерявшему сознание мужчине. Опознав хорошо им знакомого сотрудника ОНР и увидев рану, они тут же вызвали по радиации скорую.

Вполне возможно, что в ту ночь у медработников были очень важные и неотложные дела, наверное, они спасали чью-то жизнь. Но в течение десяти минут милиционер с тяжелым ножевым ранением истекал кровью на снегу. Сотрудники ГИБДД так и не дождались скорой, погрузили Сургутскова в патрульную машину и сами доставили его в больницу. И там еще минут десять не могли отыскать хирургов для оказания первой помощи. Это не мои голословные утверждения – показания милиционеров зафиксированы в материалах дела.

Рана оказалась очень серьезной. Реаниматологи изо всех сил боролись за жизнь человека, но все оказалось напрасно – 26 февраля Алексей скончался...

Вовремя наклонившийся

На суде Медведев практически не запирался. Отрешенно уставившись куда-то в пространство, он монотонно рассказывал о краже, которую совершил в прошлом году, легко повествовал о том, как достал нож и «порезал» своего обидчика. Похоже, он давно смирился со своей участью и больше всего думал о том, как ему придется жить в зоне.

Зато его подельник Кубрин блистал красноречием и актерским мастерством. Он проходил по делу в качестве свидетеля. Почему? Ведь по совести, его вина ничуть не меньше, чем вина Медведева, нанесшего роковой удар. Именно Кубрин подталкивал, провоцировал, подавал пример того, как надо поступать «по понятиям». Именно он угрожал свидетелю – водителю «Волги»: «Молчи, а то проблемы будут».

Кстати говоря, этот водитель, в ночное время занимавшийся извозом на служебной машине, до того перепугался, что частично «потерял память». По крайней мере, к началу судебного заседания. Крепкий, здоровенный мужчина «ничего не подозревал», все помнил «смутно», в момент убийства «не видел», потому что как раз «наклонился за упавшей кассетой».

Волки от испуга скушали друг друга...

К суду Кубрин подготовился тщательно. У него стоило бы поучиться студентам театрального училища. Он преданно смотрел в глаза прокурору, блистал красноречием, делал паузы, хватался за сердце, его горло перехватывало от волнения.

По его словам, их компания чинно-благородно сидела в машине, когда вдруг в салон просунулась чья-то рука с пистолетом, ствол уперся в затылок Медведеву. У Кубрина от произошедшего сразу разболелась голова, а Медведев от испуга даже не мог стоять на ногах.

Потом они поймали другую «тачку» и поехали домой. По дороге Кубрину приспичило отойти по нужде, и он попросил водителя остановиться. Надо же было такому случиться, что именно в этом месте, именно в это время проходила чета Сургутских. И он даже не видел, как его кореш ударил мужчину ножом – в то время наклонился за упавшей шапкой.

От показаний, данных на предварительном следствии, он пытался отказаться: «Когда ребра мнут, что угодно подпишешь». На прямой вопрос судьи: «Вам были нанесены телесные повреждения?» увиливал: «Не знаю».

Куда до этой изощенной лжи неуклюжим показаниям Медведева: «Я был в волнении... хотел напугать... я защищался». Нет у него ни кубринского криминального опыта, ни интеллекта, ни даже особого желания оправдаться. Чего стоит одна его характеристика из школы: «С желанием занимался на уроках анатомии, физкультуры и немецкого языка». Человеческую анатомию хронический алкоголик Медведев изучил даже слишком хорошо.

Кстати, о спиртном. В начале заседания адвокат просил приобщить к делу некую справку о наличии алкоголя в крови потерпевшего. Как оказалось, этот документ строгой отчетности Кубрину передал некий «санитар Давид». Хорошего же уровня медицина в Ханты-Мансийске, если санитары имеют возможность оперировать подобными справками явно криминального происхождения.

Короткая память своих

В зале заседания публики было немного. Одну ее половину составляли родные погибшего, другую – друзья-приятели убийцы. Последние всячески поддерживали подсудимого, пересмеивались, делали одобрительные знаки. Дескать, ничего, переживем. Для подобной категории людей убийство – не более чем досадное недоразумение. Среди них принято сочувствовать не безутешным родственникам, а преступнику, испытывающему определенные неудобства.

Поразительно другое: за два дня на судебных заседаниях не появилось ни одного(!) сотрудника милиции. Я понимаю – ребята из ОНР физически не могли присутствовать в зале: часть из них находится сейчас в Чечне, остальные – в двухнедельной командировке. Но почему никто из многочисленного руководства УВД не соизволил почтить своим присутствием суд, на котором рассматривалось убийство капитана милиции? Отмеченного нагрудными знаками «За отличную службу», «Участник боевых действий», «За отличие в службе ВВ МВД России», «Ветеран боевых действий на Северном Кавказе», «Лучший сотрудник специальных подразделений милиции», именными часами от министра внутренних дел. Нет этому ни разумного объяснения, ни оправдания.

Но вот и последнее слово подсудимого. Медведев немногословен. Заученно отбарабанив «вину признаю, раскаиваюсь, приношу соболезнования», он с облегчением опустился на скамью. Он знает, что чудес не бывает, и уже приготовился лететь в ИТУ «белым лебедем» на девять лет строгого режима. А подельник Кубрин еще раз трагически вздохнул и отправился домой – с чистой совестью и незапятнанной репутацией.

О справедливости и гуманизме

Вот и все. Точка. Финал. Справедливость восторжествовала – убийца получил свои девять лет. Ему сказочно повезло, что живет он в «демократическом и цивилизованном» обществе XXI века. Лет двадцать назад за убийство милиционера автоматически приговаривали к высшей мере наказания. А лет шестьдесят назад могли бы расстрелять на месте без суда и следствия.

Но наше общество шагает в демократию, для закона любая человеческая жизнь свята и неприкосновенна. Нельзя лишать жизни убийц и маньяков. Не гуманно. Совет Европы не поймет, ООН, ЕБРР, ЮНЕСКО. Кто там еще, на кого мы вынуждены подобострастно оглядываться, перед кем униженно раскланиваемся?

Закон не может наказывать преступников адекватно их преступлениям. Если бы у Сургутскова был не игрушечный, а боевой пистолет, события той ночи приняли бы совершенно иной оборот, но пока сила на стороне шпаны, которой все законы – до фени. Потому и страшно пройти ночью по парку, отпустить погулять вечером дочь, косо посмотреть на резвящуюся на улице обкуренную шелупонь. А страшнее всего за играющих во дворе маленьких ребятишек. Что ждет их дальше, куда заведет тернистая дорога такой «демократии», игры в псевдогуманность?

Среди этих детей никогда не будут играть не рожденные сыновья и дочери Алексея Сургутскова...

2002

Послесловие

Так уж сложилось, что у меня к милиции всегда были самые нежные и трепетные чувства, которые правильней было бы назвать «любовью». Правда, без взаимности. На заре туманной юности я даже пытался поступить на службу в «органы», да только органы оказались несколько туповаты и излишне подозрительны.

После армии работал я инженером кинотеатра. Однажды нам выделили два видеомagneтофона ВМ-12 (см. главу «Эпоха видео: «совковая» романтика с капелькой эротики») и позволили открыть единственный в городе государственный видеосалон. И именно в этот момент приятели из вневедомственной охраны подбили меня подать документы на милицейскую службу.

Первым делом я пришел на собеседование к замначальника ГРОВД. В конце вполне дружелюбного разговора я, от большого-то ума, решил похвастаться тем, что у меня есть «видик». И задал бесхитростный вопрос: а могу ли я совмещать службу в милиции и работу в видеосалоне? Уже потом приятели мне передали, что замначальника решил, что я – потенциальный коррупционер и «оборотень в погонах», намеревающийся получить погоны и потом крышевать свой будущий криминальный бизнес...

ОГОНЬ НА ПОРАЖЕНИЕ

Двадцать лет мы смешивали милицию с грязью, третируя и унижая ее, превращая уважаемых прежде «знатоков» в «ментов», обвиняя то в «защите тоталитарного режима», то в «оборотничестве». В результате за это время в России выросло целое поколение, не уважающее ни сам закон, ни его блюстителей. Поколение отморожков...

Хроника беззакония

22 октября около 23.00 наряд ДПС в составе старшего лейтенанта Анатолия Князева и сержанта Артура Хабибулина двигался по улице Комсомольской окружного центра. Возле дома №39 они увидели, как большая группа молодых людей избивает одного. Милиционеры пресекли драку, но в их адрес со стороны одного из парней посыпались угрозы и нецензурная брань.

Князев взял хулигана за руку и попытался отвести в патрульную машину, а его напарник стал звонить в дежурную часть. В это время парень ударил сержанта в лицо ногой, а старшего лейтенанта – головой и бросился бежать. Ему всячески помогали друзья: окружили милиционеров, препятствовали преследованию, хватили за одежду. На места инцидента прибыли наряды ППС и ОВО, с помощью которых был изловлен доморощенный «каратист» – нигде не работающий 18-летний К.

23 октября ночью в поселке Солнечном Сургутского района экипаж ДПС в составе старшего лейтенанта Б. Мурзабекова и капитана Х. Баширова остановил автомашину «Хонда». Так как водитель находился в состоянии алкогольного опьянения, то на него милиционеры начали составлять протокол.

В этот момент к ним подошел пьяный гражданин М., 1984 года рождения, уроженец Азербайджана. Свое раздражение он стал вымещать на патрульной машине – со всей дури пнул ногой дверь и бросил пивную бутылку в колесо. Когда милиционеры попытались его утихомирить, оказал сопротивление и даже стал звать на помощь. И она тут же подоспела: из расположенного неподалеку кафе «Джабир» выскочили около тридцати соотечественников М., которые принялись бить и милиционеров, и их машину.

Бауржану Мурзабекову не оставалось ничего другого, как доставать табельный «Макаров» и стрелять в воздух. На выстрел к месту происшествия прибыли другие патрульные машины, экипажи которых помогли задержать зачинщиков.

26 октября около полуночи в дежурную часть ГРОВД Ханты-Мансийска поступило сообщение о том, что на улице Конева трое злоумышленников вскрывают чужие «жигули». На место происшествия был направлен наряд ДПС в составе старшего лейтенанта А. Хатина и лейтенанта Ф. Калимулина.

Едва завидев проблесковый «маячок», преступники бросились бежать в разные стороны, милиционеры – за ними. Александр Хатин сумел догнать и скрутить одного из воров. После недолгой погони Фарид Калимулин также настиг убежавшего, и стал надевать на него наручники. В этот момент к нему сзади подкрался второй беглец и с силой ударил лейтенанта. Преступники повалили его на землю, принялись избивать и душить, попытались завладеть табельным оружием.

Но лейтенант сумел вырваться, подняться на ноги и вытащить пистолет. Он выстрелил вверх и предупредил, что откроет огонь на поражение. Преступники не поверили и с двух сторон бросились на милиционера. Лейтенанту пришлось вновь нажать на спусковой крючок.

Его противник получил пулю в плечо, сразу же успокоился и второй. А Фарид Калимулин вытер с лица кровь и стал звонить в дежурную часть. Как оказалось позже, все трое задержанных уже были судимы за кражи и грабежи, а один даже находился в федеральном розыске.

27 октября в Ханты-Мансийске экипаж ДПС остановил автомобиль ВАЗ, двигавшийся ночью без включенных фар. За рулем находился мужчина 1979 года рождения, в нетрезвом состоянии, рядом – женщина в состоянии соответствующем. Водитель долго перепирался с милиционерами, отказывался предъявлять документы и выходить из салона, перемежая свои аргументы нецензурной бранью. С большим трудом парочку удалось препроводить в патрульную машину.

С задержанными в салоне находился инспектор ДПС Радиан Кучуков, а его напарник опрашивал понятых на улице. Он не мог видеть, как задержанный внезапно обхватил милиционера за плечи, завалил его и начал пинать ногами. А его «боевая подруга» принялась лупить инспектора кулаками по голове. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы в это время не подъехала еще одна патрульная машина...

Отмороженное время

Коля, мой сосед, за руль своей машины садится исключительно в пьяном виде. Он уже неоднократно въезжал в фонарные столбы и дорожные указатели, больше десятка раз его задерживали милиционеры, и всегда при этом он практически не мог стоять на ногах.

А что ему сделаешь? Водительского удостоверения у потенциального убийцы нет, а отобрать у него автомобиль по закону никто не в праве. Вчера он опять с подкупающим простодушием рассказывал: «Тут я выпил и поехал к другу. По дороге уснул за рулем – хорошо, что машина в бордюр уперлась». Не дай вам Бог встретить на своем пути его мятую «шестерку»...

Честно говоря, я не понимаю, ради чего идут сегодня на службу в органы. Зарплата в 10-15 тысяч, никакой надежды на квартиру, льгот лишили, зато ввели вечный «усиленный режим несения службы» по причине хронической нехватки кадров, оскорбления со стороны уличной шпаны, нередко угроза для жизни – так ради чего? Перевешивает ли весь этот груз призвание, чувство долга и любовь к Родине?

Двадцать лет нас учили презирать собственную милицию, кричать о ее «произволе», с гиканьем ловить «оборотней в погонах». В результате уважение к правоохранительным органам испытывают только люди старшего поколения, а молодежь лишь издевательски посмеивается над «ментами». И – почти не боится. Подростающие отморозки знают: если в критической ситуации перед милиционером встанет дилемма «стрелять или не стрелять», то человек в форме всегда выберет последнее. Выстрел на поражение опасен прежде всего для самого стрелявшего.

22-летнему гражданину П., напавшему на Фариду Калимулина, сделана операция, его жизнь вне опасности. Но я не могу отделаться от кощунственной, противоестественной, незаконной мысли: а не лучше ли было милиционеру сразу стрелять на поражение? И не в плечо, а в лоб.

Жестоко? Не согласуется с указаниями Совета Европы и Женевскими конвенциями? Зато в результате тысячи других П., М., и К. тысячу раз подумали бы, прежде чем поднимать руку на представителя закона.

Послесловие

В «нулевых» мне часто везло – раздавался звонок, и в трубке слышался знакомый голос: «Свободен? Бери блокнот и спускайся, машина у крыльца». Не задавая вопросов, я срывался с места. Знал, что скучно не будет...

Однажды зимой мы несколько часов сидели в битком набитой машине, смеялись или дремали. Мы ждали появления одного товарища, с которым очень хотели пообщаться представители Фемиды. Наконец поступила команда «Захват!», оперативники шустро рванули к белой грузопассажирской «ГАЗели», остановившейся у гаражей, и сноровисто «приняли» смуглого водителя.

Уже в сумерках все следственные действия закончились и нужно было возвращаться в отдел. И тут внезапно выяснилось, что некому отогнать «трофейную» «ГАЗель». Часть оперов уже уехала, а двое оставшихся никогда не водили микроавтобусы... Мой друг (назовем его просто Капитаном) задумчиво почесал в затылке, хмыкнул и обратился к задержанному «товарищу»:

– Мурад, ты ведь поможешь нам? Давай-ка за руль.

Капитан усадил подозреваемого на водительское сиденье, пристегнул его левую руку к ручке на двери, сам поместился рядом, а я забрался на сиденье второго ряда. За «ГАЗелью» двинулась легковушка с двумя операми.

По пустынной объездной дороге ехали быстро, в салоне царило молчание. Вдруг Мурад резко бросил руль, откинулся назад и со всей силы ударил себя кулаком по голове:

– Вай, что же я наделал! Ведь пока сидеть буду, моя мать уже умрет! А как мои дети без отца расти будут?! Лучшие бы я на свет не родился!

Честно говоря, в тот момент струсил я здорово. Вы только представьте – за рулем несущейся на полной скорости машины находится рыдающий в голос отчаявшийся преступник, которому светит десять лет лишения свободы. Терять ему все равно нечего – а если он сейчас выкрутит «баранку» и мы вылетим на «встречку»?!

Не потерял присутствия духа в критической ситуации лишь Капитан. Он затянулся сигаретой и произнес ровным, спокойным голосом:

– Мурад, да не переживай ты так, все образуется. Маму как зовут? Дать тебе закурить? А дети у тебя в каком классе? Осторожно, здесь ямка. А раньше ты кем работал? Притормози немного, там поворот. Говоришь, инженером был? Слушай, а у меня ведь брат – тоже инженер!

Буквально за минуту нашему «психотерапевту» удалось успокоить задержанного, и мы благополучно доехали до отдела...

Я прекрасно понимаю, что в данном случае все действия оперативников – одно сплошное нарушение правил и законов, потому и не привожу конкретные детали той операции. Но ведь это – Россия, страна абсурда, это – правоохранительные органы, квинтэссенция парадоксов и конгломерат сюрреализма. И я уважаю тех настоящих мужиков, которые в этих условиях честно выполняют свой долг.

...Кстати, Мурад впоследствии «уехал» в зону на восемь лет, а Капитан до сих пор служит, правда, в чинах гораздо более высоких. Удачи тебе, брат!

ЧЕЧНЯ: КАМО ГРЯДЕШИ?

...Сегодня вспыхнул ослепительно-белым цветом вчера еще безжизненно-голый куст. На обочинах зацветают вишня, абрикосы, яблони. Это – Чечня.

...Тишину бездонной звездной ночи внезапно пререзает автоматная очередь. Это – Чечня.

...Заливисто хохочет во дворе красивой школы стайка девушек в мини-юбках, запивая «сникерсы» «кока-колой». Это – Чечня.

...По пыльной ухабистой дороге летит БТР. На броне два здоровенных лба удобно задрали ноги на открытый люк. Вслед громяющей машине долго смотрит морщинистый пастух в косматой папахе. Это – Чечня.

Так каково же истинное лицо беспокойной кавказской республики?

Дороги, которые мы выбираем

Чечня начинается в осетинском Моздоке. В этом уютном и приветливом городке в 30 километрах от границы правят бал военные и милиционеры. Кажется, что их тут гораздо больше, чем гражданских. Уже в Моздоке оружие становится непременным и естественным атрибутом каждого человека в форме. Именно здесь перед выездом снимается с предохранителя автомат...

В сторону границы движемся мы: начальник УВД Ханты-Мансийского округа генерал-майор Николай Гудожников, начальник ОВД Урая подполковник Сергей Петрухнов, начальник пресс-службы УВД Виталий Просяник, журналисты и группа сопровождения. Постепенно в салонах машин стихают разговоры, милиционеры поудобнее перехватывают оружие – впереди на дороге первый чеченский блокпост. На бетонной стенке – наводящая на философские размышления надпись, небрежно сделанная черной краской: «Чечня приветствует вас!»

На первый взгляд за окном ничего не изменилось: та же дорога, те же холмы, те же отары овец. Но нет, признаки войны по-прежнему заметны. Вдоль железнодорожного полотна через каждые несколько километров стоит боевая техника, вот не спеша прополз бронепоезд, то и дело путь перекрывают блокпосты. Удивительно, но вдоль дорог царит почти стерильная чистота: нет обычных в России пустых бутылок, пакетов, ящиков. Ими очень удобно маскировать взрывные устройства, поэтому каждый лишний предмет тут же убирается с обочины.

А вот и здешние «ангелы-хранители» – инженерная разведка. Два БТРа, саперы, чутко вслушивающиеся в монотонный писк миноискателей, собачка, боевое охранение. Сейчас им работы поубавилось, большинство обнаруживаемых взрывчатых веществ осталось еще с войны, а вот год-два назад каждое утро находили по несколько «свежих» фугасов.

Панорама вокруг разворачивается потрясающая. Далекie горы тонут в призрачной дымке, узкая стремительная речка режет плодородную почву холмов, в вышине парит безучастный ко всему орел, цветут и покрываются листвой фруктовые деревья. Глядя на них с отвращением плюются выдавшие виды бойцы – начинается «зеленка», период подрывов, обстрелов, нападений. Ох, как трудно рассмотреть среди зеленых зарослей замаскировавшихся боевиков!

Некоторые элементы пейзажа северянам знакомы до боли: на горизонте маячат горящие факелы, мимо то и дело проносятся автоцистерны, по холмам петляет нитка нефтепровода. Нефть – чуть ли не единственный источник поступления доходов и в бюджет республики, и в карман чиновников, и в казну бандформирований. Милиционеры говорят, что даже во время войны «нефтянка» работала ударными темпами и по большому счету несколько не пострадала. Бизнес есть бизнес...

Две крепости

Мы ходом проскакиваем Аргун, через несколько километров въезжаем в Гудермес. На всех перекрестках стоят вооруженные люди. Одни в простой милицейской форме, другие – ГИБДД, третьи – в черной униформе. Эти – личная гвардия Рамзана Кадырова. Они чувствуют себя здесь полновластными хозяевами и ведут себя соответственно – бесцеремонно и нахально. Большинство из них составляют вчерашние амнистированные боевики, сменившие имидж «воинов Аллаха» на удостоверения МВД России.

Но вот дорога вильнула в сторону поселка Новый Беной. Здесь, на окраине Гудермеса, расположен СОМ (сводный отряд милиции) Ханты-Мансийского округа. Часовой в каске и бронежилете споро оттащил в сторону заграждение, распахнул ворота, и мы въезжаем на базу. Впрочем, «базой» ее можно именовать с большой натяжкой. Эта территория когда-то была мирным консервным заводом, пахла персиками, яблоками и виноградом. Сейчас здесь доминируют ароматы бензина и ружейного масла.

Вокруг низкий выщербленный забор, пустые провалы оконных проемов, заложенных мешками с песком, вышки часовых обложены старыми шпалами. Зато напротив, через дорогу, высится настоящая крепость: башни, выстроенные по всем правилам военного искусства, облицованные кирпичом бетонные стены, закрытые сверху веселенькой зеленой черепицей. Там располагается знаменитый батальон «Восток» – подразделение специального назначения 42-й мотострелковой дивизии Минобороны РФ под командованием Сулима Ямадаева. А когда-то сегодняшний Герой России был полевым командиром и с успехом воевал против «федералов»...

Сейчас формирования, подчиненные братьям Ямадаевым, являются в Чечне мощной силой, составляющей противовес «кадыровцам». Что немаловажно, «ямадаевцы» готовы в трудную минуту оказать поддержку нашим милиционерам. Среди них много «кровников», потерявших по вине боевиков своих родных и близких, а потому поклявшихся до последнего бороться с «непримиримыми».

Командир СОМа Вадим Ковтун знакомит нас со своим хлопотным «хозяйством». «Дежурка», столовая, кухня, комнаты отдыха, штаб, спортзал, на плацу флаштоки с развевающимися стягами России и Югры – все, как положено. Бытовые условия неплохие: есть свет, водопровод, газ. Свободные от дежурств бойцы занимаются боевой и физической подготовкой, выполняют необходимые по хозяйству работы. Единственные проявления неприязни местных жителей испытывают лишь часовые – проходящие мимо пацаны нередко швыряют в ворота камни.

Но расслабляться нашим землякам не приходится – время от времени в окрестностях слышна стрельба. Бандиты не дремлют. Об этом напоминает и скромный металлический памятник напротив базы. Он сооружен на месте гибели оренбургских милиционеров несколько лет назад. Тогда выезжавшую из ворот машину взорвали из гранатомета, погибли восемь человек...

Гудермес

Пользуюсь моментом, когда генерал уезжает на важную встречу, и напрашиваюсь с ребятами в машину, идущую на рынок за свежими овощами. Командир отпускает, и наши старенькие «Жигули» шустро вырываются на дорогу.

Улицы Гудермеса ничем не отличаются от улиц куда более крупных российских городов. Множество спешащих по делам женщин, мамаш с колясками, гуляющей молодежи, яркие вывески бесчисленных магазинов, броские рекламные щиты. И везде виднеются новостройки. На всем доступном взгляду пространстве растут новенькие коттеджи из красного кирпича, всюду месят раствор, укладывают черепицу, красят заборы. Чечня стремительно поднимается из руин – это правда. Россия возмещает убытки, нанесенные республике за две войны. Россия платит дань...

Отличительной местной особенностью является громадное количество портретов Ахмада и Рамзана Кадырова, а также Владимира Путина на улицах. Нигде в России нет столько изображений своего президента, как в Чечне. А уж о ликах отца и сына Кадыровых говорить не приходится. «Рамзан, мы тебя любим!», «Рамзан, ты наш лидер!», «Рамзан, Чечня – за тебя!» – такими слоганами пестрят улицы и дома в республике. Некоторые старые надписи получили новую жизнь. Так, к выцветшему от времени лозунгу советских времен на стене разрушенного завода «Заветы партии – выполним!» какой-то энтузиаст намалевал актуальное продолжение: «Единая Россия». Такая вот диалектика...

Между прочим, Кадыров еще в прошлом году отдал распоряжение убрать свои изображения, заявив: «Кому-то может показаться, что мне нравится, когда развешивают везде мои портреты. Это абсолютно не соответствует истине. Я ранее дважды приказывал их убрать, но проходит какое-то время, и появляются люди, которые таким образом выражают свои чувства». Это распоряжение вызвало «волну протеста», а граждане выступили с требованием оставить портреты: «Портреты Рамзана Кадырова только украшают наши города. Мы гордимся им и требуем оставить его портреты на прежних местах». Любовь к главе республики прививается здесь с младых ногтей. Примером тому может служить активная деятельность... фан-клуба Рамзана Кадырова.

Удивляет наличие множества автозаправочных станций. На одном трехсотметровом отрезке одной из улиц Гудермеса я насчитал целых четыре АЗС. Знающие люди утверждают, что практически весь так называемый «80-й», «92-й» и «95-й» бензин производится где-нибудь в близлежащих развалинах и разливается, скорее всего, из одной цистерны...

Господи, как эти джигиты еще не передавили друг друга! Наша машина двигается по главной дороге, а в это время со стоянки у местного рынка прямо перед нами начинает отъезжать «десятка», так ее водитель даже не посмотрел направо, глядя прямо перед собой. По принципу «кто не спрятался – я не виноват». Утопив педаль до упора, наш водитель едва успел затормозить, а джигит гордо поехал дальше...

До сих пор должность инспектора ГИБДД была одной из самых престижных в Чечне. Говорят, что для ее получения необходимо заплатить 10 тысяч долларов, но в течение трех месяцев расходы легко возмещаются. Сейчас ситуация на дорогах потихоньку меняется в лучшую сторону. Знаки недавно расставили, светофоры, теперь вот взялись за тонировку. Подавляющее большинство автомашин в Чечне ездит с затонированными стеклами, теперь их останавливают и без церемоний сдирают пленку. Правда, не всегда. Слишком уж часто водитель оказывается сватом-братом-кумом инспектора. Ну, не будет же он обижать земляка из соседнего района!

Возвращаемся на базу СОМа. В расположении тихо, лишь в вольере тихо поскуливают щенки. С кухни тянет вкусным запахом – у бойцов скоро обед. А мы готовимся к дальнейшему следованию – нас ждет Грозный и база Нижневартковского ОМОНа.

«Блок»

В нескольких километрах от столицы Чечни приезжающих встречает гигантская арка с характерными для Кавказа куполообразными башнями по бокам. Впереди – Грозный, наша общая слава и наша общая боль. Символ героизма и подлости, самоотверженности и предательства, изобилия и нищеты...

На въезде в Грозный дорогу нашими машинам опять преграждают люди с автоматами. Это – блокпост, на котором несут службу бойцы Нижневартковского ОМОНа вместе с солдатами внутренних войск. В город днем и ночью идет бесконечная чередка автотранспорта, который надлежит проверять. Изо дня в день, из месяца в месяц.

Сейчас здесь стало гораздо спокойнее – об этом говорят в Чечне все.

Старший прапорщик-«вэвэшник» Юра, с 1994 года не вылезавший из кавказских командировок, заявляет:

– Сегодняшнюю обстановку не сравнить с ситуацией хотя бы двухгодичной давности. Сейчас здесь почти курорт...

Бойцы проверяют документы, досматривают автомашины, изымают недозволенные «вложения». В целом местные жители относятся к россиянам терпимо. Более того, политика федерального правительства, направленная на всемерное ограничение силовых методов, порой переворачивает ситуацию с ног на голову.

Так, две недели назад одна из машин не подчинилась требованиям постового и не затормозила на блокпосту. Когда ее все же остановили, водитель бросился на милиционера и попытался завладеть автоматом. Правда, «завладеть» оружием бойца ОМОНа весьма и весьма проблематично. Поэтому вскоре нарушитель уже жаловался на «притеснения» своим многочисленным землякам, во множестве появляющимся словно из-под земли на месте каждого происшествия.

Этот инцидент стал предметом разбирательства со стороны прокуратуры, которая в итоге не нашла вины в действиях бойца. Более того, во время многочисленных встреч начальника Ханты-Мансийского УВД Николая Гудожникова с представителями органов власти республики официальные лица в один голос заявляли: милиционеры Югры являются примером и образцом для подражания.

Тем временем наш путь продолжается уже по столице Чечни. Подполковник Сергей Петрухнов, в свое время командовавший здесь Октябрьским временным отделом внутренних дел, выступает в роли завязанного гида:

– Въезжаем на проспект Кадырова, вот и площадь Минутка. Недавно здесь одни руины стояли, а сейчас его не узнать... Здесь, на углу, погиб один из наших бойцов... Из тех пятиэтажек по нам снайпера все время работали... Во-о-он Романовский мост, после покушения на генерала его долго восстановить не могли... А эта церковь мне особенно памятна – здесь по нашей машине из гранатомета выстрелили, да, видно, Бог уберег...

Заново отстроенный православный храм устремил голубые стены в бездонное голубое небо. Красиво... Рядом прохаживается чеченский милиционер. А неподалеку взметнулись ввысь шпили гигантской мечети – пока еще в строительных лесах. Говорят, после завершения это будет по величине третья в мире мечеть. Хочется верить, что отныне в Чечне мусульманские и православные святыни будут соседствовать мирно.

На месте бывшего президентского дворца разбиты площадь и сквер, искрящийся фонтан манит своей прохладой. У памятника Ахмаду Кадырову несут службу два чеченских милиционера. Как только мы к ним подходим, рядом материализуются еще несколько их товарищей. Они – милиционеры роты ППС из Гудермеса. Охотно отвечают на вопросы о службе, семье и «жизни вообще». Зарплату, говорят, недавно урезали – сейчас получают всего по 6 тысяч рублей. Приветливо улыбаются, уверенно держа руки на прикладах автоматов. Очень уж уверенно...

Тем временем звучит короткая команда омовцев, и мы, журналисты, безропотно грузимся в машину. Пора ехать на базу, если говорить казенным языком, то на ПВД – пункт временной дислокации. Он расположен в Октябрьском районе Грозного. Официально здесь проживает 50 тысяч человек, тысячу из которых год назад составляли русские, работают 18 школ, два садика, несколько предприятий, множество магазинов.

База

Первым на базе нас встречает Джохар – косматый пес неведомой породы. Здесь имеются и две служебные собаки, но они живут в вольерах. А Джохар, прикормленный сердобольными милиционерами, добровольно взял на себя обязанности по охране базы. Нас пес бдительно обнюхал, признал в качестве «своих» и приветливо завилял хвостом. Но стоило к воротам приблизиться местному жителю, как Джохар с лаем кинулся оборонять ставший родным дом...

Идем знакомиться с хозяевами. ОМОН, братцы мои, это – ОМОН. Вот он, выстроился в шеренгу, приветствуя начальника УВД. Непроизвольно хочется вытянуться во фронт при одном взгляде на командира Дмитрия Кокуева, двухметрового детину в лихо заломленном черном берете. Все его подчиненные, как на подбор, бравые, ладные, уверенные. У многих под формой мускулистые тела покрыты затейливой вязью воинственных татуировок вроде «Soldier of Fortune» – «Солдат удачи». У каждой Марфушки – свои игрушки...

Это – профи, элита, спецы. Они все делают спокойно и основательно: раскидывают щебень во дворе базы или идут в атаку, ремонтируют кирпичную кладку или голыми руками берут вооруженных преступников. Рядом с ними чувствуешь себя уверенно в любой обстановке. А когда наблюдаешь за их тренировкой, мурашки бегут по спине. И становится очень жаль многострадальную грушу, жалобно скрипящую под страшными по силе ударами «рукопашников».

Не буду кривить душой: приезду прессы они не слишком обрадовались. «Чего гражданских сюда притащили? – с обидой спрашивал один из этих могучих «ребятишек». – Отвечай за них потом...» Впрочем, мы, журналисты, на ОМОН не в обиде. У ребят и без того хлопот хватает, а тут еще штатские под ногами путаются, охрану им обеспечивай, стол и кров.

Кстати говоря, кров у ОМОНа – очень даже. Все до мелочей продумано-отработано, начиная от экипировки и заканчивая баней. Здесь все делят поровну: радости, горести и расходы. Скинулись вот, купили себе «тарелку», телевизоры, DVD. Между прочим, знакомство с внушительной видеотекой ОМОНа наводит на определенные размышления. Основную ее массу составляют легкие комедии, есть триллеры, мелодрамы и... мультики. Зато нет ни одного боевика. Ни к чему они людям, вся жизнь которых – один сплошной боевик...

Ночная жизнь

Аппетитный запах доносится из кухни. Там священнодействует Саша – в миру лейтенант Прокудин. В штатном расписании ПВД нет единицы повара, поэтому обычно эту должность исполняют все бойцы по очереди. Но здесь, в Грозном, внезапно открылся кулинарный талант у инспектора ДПС из Лангепаса, и он взвалил на себя эту хлопотную обязанность – в свободное от боевых дежурств время. Ох, и вкусно готовит лейтенант Саша! Мы ему даже посоветовали подумать о смене профессии. Полгода ежедневно сытно кормить полсотни здоровенных омонцев – после этого впору собственный ресторан открывать.

На улице раздаются азартные крики и удары по мячу – свободные от службы ребята играют в волейбол. В расположении слышны реплики из «Кавказской пленницы» и сухие металлические щелчки – кто-то снаряжает магазины для РПК. В «дежурке» тихо. На стене привлекает внимание большая карта Грозного, испещренная значками мест дислокации СОМов и ОМОНов: Красноярск, Архангельск, Приморье, Саратов, Нижний Тагил. Вся Россия-матушка представлена здесь.

Оживает рация на столе: «Денвер, я Исток! Примите шифрограмму!» – и дальше следует короткая строчка цифр. Дежурный поясняет:

– Утром опять ОРМ. Вчера в Черноречье было сразу шесть «трехсотых»...

Накануне на одном из блокпостов бандиты из окна проезжающей машины полоснули очередь по российским милиционерам. Шесть человек было ранено. Поэтому завтра омонцы в составе сводной группы поедут на оперативно-розыскное мероприятие (ОРМ). Будут искать боевиков в пригороде Грозного.

И вновь просыпается рация: «Денвер, «Рубеж-один», «лимузин» пришел!». Нехитрая система кодов вряд ли способна сбить противника с толку, но позволяет укорачивать время передачи сообщения. А «лимузин» – это выдавшая виды старенькая «ГАЗель», которую хозяева любезно предоставили нам для ознакомительной поездки по вечерней столице.

...Такое впечатление, что Грозный спать не ложится. Шмыгают легковушки, проносятся грузовики, ходит по магазинам народ. Удивительно, но не спешит закрываться на ночь и городской рынок, прилавки все так же полны товарами. Еще год назад милиционерам настоятельно рекомендовали воздержаться от посещения рынка, сейчас это стало гораздо менее опасно.

Центр Грозного залит желтыми огнями фонарей, но стоит свернуть на боковую улочку, и вскоре вокруг смыкается непроглядная темнота южной ночи. Вот теперь становится по-настоящему неуютно. Сопровождающие нас бойцы комментируют окружающее:

– Сейчас справа будет православное кладбище. Мы сюда приехали на родительский день, а тут словно Мамай прошел – кресты выворочены, обелиски расстреляны... А вон там, у дороги, тоже крест стоит, однако боевики его не трогают – знают, что под ним несколько килограммов тротила заложено.

Следующее утро началось с мелкого нудного дождика. Омонцы готовятся к ОРМ – надевают каски, бронежилеты, разгрузки, проверяют оружие. Вес всей амуниции достигает нескольких десятков килограммов. Сейчас еще прохладно, а летом пара часов в этих «доспехах» выматывает невероятно. Инструктаж, короткая команда, и милиционеры грузятся в камуфлированный «Урал».

Удачи вам, ребята!

Женское лицо хрупкого мира

Говорят, что жизнь и служба на современном Кавказе – удел исключительно сильных и мужественных мужчин. Однако и здесь их существование немыслимо без женских рук и без женского влияния.

...Гудермес, расположение сводного отряда милиции Ханты-Мансийского округа. Бойцы занимаются своими обычными обязанностями и время от времени принимают ко вкусным запахам, доносящимся из кухни – скоро обед. Чем побалуют их повар Юлдуюз Канаматова и помогающий ей сегодня Владимир Жигалкин, прапорщик конвойной роты из Сургута?

Юлдуюз родом из солнечного Дагестана, но вот уже лет десять живет в Ханты-Мансийске. Когда увидела объявление о вакансии повара в сводном отряде милиции, долго не раздумывала: Чечня – это ведь почти родина...

– Нет, трудностей я не боюсь. У меня ведь дочь заканчивает обучение в медицинском колледже, скоро надо будет ее замуж выдавать – нужны деньги...

На обед будут наваристые щи, макаронны с котлетами и компот. Впрочем, по заказу бойцов здесь приготовят и жареную картошку, и яичницу, и пышки испекут. Продукты получают со склада в Ханкале, свежие овощи и зелень покупают на местном рынке. А для именинников обязательно привезут большой торт...

...На левом фланге шеренги храбрых рослых омоновцев издали заметен невысокий боец в черной форме с пышными белокурыми волосами. Это сержант Рита Малышева, милиционер-кинолог Нижневартковского ОМОНа, единственная женщина на базе в Грозном.

До недавних пор жила Рита в Излучинске, воспитывала сынишку, трудилась инспектором в ИТУ-15. А в прошлом году познакомилась на фестивале в Мегионе с омоновцами. Приглянулись друг другу сразу: прошедшие огонь и воду бойцы внутреннюю сущность человека распознают моментально. Когда Малышевой предложили сменить место службы, она долго не раздумывала.

– Почему оказалась в Грозном? Наверное, романтики захотелось. Сюда меня взяли в качестве инспектора по досмотру женщин, но пока «по профилю» трудиться не доводилось. Нахожусь в распоряжении начальника штаба, работаю в дежурной части. Трудности? Да нет, мне ведь весь отряд помогает, поддерживает.

Для близких чеченская командировка Риты оказалась большой неожиданностью. Особенно переживает сын Костя, трудно мирится с долгим отсутствием мамы. Уже в свои девять лет он хорошо представляет, насколько хрупок может быть мир на Кавказе...

Интересуюсь у бойцов, собравшихся в «курилке»: не обижаете девушку?

– Ага, ее обидишь... Не видели, как она с грушей на тренировке работает? Груше не позавидуешь...

Чтобы попасть в ОМОН, «абитуриенту» нужно пройти очень серьезный экзамен по физподготовке. Малышева сдала все нормативы на «отлично» – сказались многолетние занятия акробатикой и армейским рукопашным боем. Она прежде всего – боец ОМОНа. Даже если этот боец регулярно пользуется косметикой, а в свободное время любит порой побаловать своих товарищей собственноручно испеченными блинчиками...

Об особенностях чеченской экономики

Чеченские женщины – становой хребет экономики республики. Часто можно видеть, как они что-то красят, ремонтируют, таскают кирпич, метут улицы. А рядышком на корточках сидят многочисленные представители сильного пола, невозмутимо наблюдая за процессом. Не мужское это дело – работа.

В Чечне каждый зарабатывает по-своему. Так, всем жителям, пострадавшим в результате боевых действий, выплачивается компенсация в размере 350 тысяч рублей. Правда, получить их проблематично – у дверей администраций скапливаются большие очереди. Рядовой Никифоров, контрактник-«взвэшник», несущий службу на блокпосту, получает в месяц около 10 тысяч рублей – и очень этому рад. Дома-то, в тамбовской деревне, нищета и безработица. А боевикам, по упорным слухам, заказчики уже проплатили аванс за двадцать «УАЗиков», которые надо взорвать в ближайшее время...

Вчерашние руины Грозного сносятся бульдозерами, здания возводятся заново. В последнее время в городе на порядок выросла цена на недвижимость, становится дефицитом земля. Недавно к командованию Курганского СОМа пришла местная жительница и предъявила решение суда: в течение пяти дней освободить здание, которое, оказывается, до войны ей принадлежало. Чтобы не оказаться на улице, курганцы обратились за помощью к Нижневарттовскому ОМОНу – проситься на временное жительство... в подвал.

Интересные методы интенсификации жилищного строительства применяет президент республики Рамзан Кадыров. Рассказывают, что он может вызвать «на ковер» министра или главу районной администрации и распорядиться: за два месяца ты должен за свой счет отремонтировать две-три пятиэтажки. И ни один из «больших» чиновников от такого предложения еще не отказался...

Кадырова простой народ в Чечне уважает. Согласитесь, не может не нравиться людям харизматичность и непосредственность молодого лидера, способного остановить свой кортеж возле курящего на улице чеченца. А затем выйти из машины и собственноручно отстегать плетью нарушителя мусульманских законов. Мне кажется, этот метод борьбы за нравственность куда эффективнее смехотворных штрафов, предусмотренных российским законодательством, которое все равно никто не соблюдает.

Итоги и выводы

Во время четырех дней нашего пребывания в Чечне начальник УВД Югры Николай Гудожников провел множество встреч: с руководством Временной оперативной группировки, военной комендатуры, прокуратуры, представителями администраций и даже с премьер-министром республики Одесом Байсултановым (кстати, его личную охрану составляют наши земляки – бойцы ОМСНа). В ходе переговоров удалось разрешить несколько чрезвычайно важных проблем, в частности, решено не забирать у нашего ОМОНа занимаемое им здание до сентября – времени окончания командировки. Отношение чеченцев к другим отрядам российской милиции несколько другое.

Появилась надежда и на пересмотр дела Сергея Лапина – нижневарттовского милиционера, осужденного по делу об исчезновении одного из жителей Грозного – Зелимхана Мурдалова. Верховный суд Российской Федерации уже отправил дело на

новое рассмотрение. Изменилась политическая ситуация, и российская Фемида наконец-то задумалась о правомерности наказания человека за не совершенное им преступление.

С большим уважением отзывались о деятельности наших земляков в Чечне руководители различного ранга. Один из них подчеркнул:

– Вас уважают еще и потому, что ханты-мансийские милиционеры взяток не берут...

Омоновцы рассказывают, как в последнее время изменилось отношение местных жителей. Сегодня женщины-чеченки уже не плюются на улице в сторону российских милиционеров, не проклинают их публично. Простые люди хлебнули «свободы» в конце девяностых, хватило времени оценить прелести шариатского судопроизводства и демократии ваххабитского розлива. Было время сравнить.

Очень хочется верить, что на чеченской земле наконец-то наступает мир. Что не придется больше нашим ребятам вставать в атаку и отправлять на родину горестный «груз двести». А ведь все это было, было, было. За мирную жизнь в Чечне милиция Ханты-Мансийского округа заплатила жизнями двадцати одного своего сына...

Хлебнули они лиха на благословенной земле Кавказа. Вот только рассказывают об этом неохотно и немногословно. О том, например, как в 1996 году бандиты Гелаева поклялись: живыми хантымансийцев из Грозного не выпустим. Оказавшиеся в окружении милиционеры находились под кинжальным огнем и уже готовились к самому худшему, когда «какой-то майор из разведки» организовал транспорт и вывез ребят из города окольными путями. Честь и хвала тебе, безвестный майор!

Не хотят рассказывать о войне милиционеры. Зачем? Героями они себя не считают, герои – они все больше на отечественном киноэкране геройствуют. А эти ребята выполняют свою работу. Вот только жены не хотят мириться со спецификой такой работы, поэтому у многих омоновцев возникают проблемы в семье. У некоторых из них насчитывается по 10-14 «кавказских» командировок. Надоедает женщинам по полгода ждать и бояться...

2007

Послесловие

Часто вспоминаю эти несколько дней, проведенных в Чечне, – суматошных, ярких, наполненных событиями и новыми знакомствами. Там, на Кавказе, чище воздух, выше небо, прозрачнее люди. Не скрыть от внимательных глаз ни своего большого сердца, ни душевных червоточин.

Улыбаюсь, вспоминая своего коллегу-телевизионщика Илью, наивного и простодушного молодого паренька, не служившего в армии. Омоновцы быстро просекли его неопытность и взялись разнообразить свое существование. Выглядело это примерно так. В столовую, где мы завтракаем, входят бойцы, здороваются и между делом замечают:

– Зря кушаете, нам ведь через полчаса выезжать.

Помолчав, добавляют:

– Если пуля попадет в кишки, набитые едой, все – кирдык. Сразу начинается этот, как его – сепсис. Шансов нет.

Разом побледневший Илюха откладывает ложку и с трудом сглатывает комок в горле...

...Готовимся грузиться в «ГАЗель» (надо сказать, что для экономии места нас, журналистов, по Чечне обычно перевозили в темном и пыльном грузовом отсеке), подходят юмористы с автоматами, громко спрашивают у водителя:

– Ты хоть пленкой багажник застелил? Нет?! А если опять на фугасе подорвемся – кто мозги будет со стенок отмывать?!

И уходят, похохатывая при виде округлившись глаз Илюхи...

Омновцы были неистощимы на приколы подобного рода, а мой коллега – все столь же простодушен. Только не стоит думать, что эта наивность имела хоть что-то общее с трусостью. Илья, конечно, опасался (как и все мы), но всегда и везде лез с микрофоном в гуцу событий – вслед за легендарным югорским оператором Андрюхой Глазуновым.

Как я им завидовал, когда съемочную группу ТРК «Югра» взяли на «зачистку», а меня оставили на базе. Суровый омоновец пристально обозрел меня и вынес вердикт:

– Ты – не поедешь. На тебя «броник» не налезет.

Эх, как же в тот момент я проклинал свою чрезмерно широкую комплекцию! И как, каюсь, злорадствовал спустя несколько часов при виде расстроенных физиономий коллег – из-за соображений безопасности журналистов не взяли на самую «зачистку», заставив ограничиться съемкой общих планов...

Вспоминаются внешне грубоватые и колючие бойцы ОМОНа. Вообще сотрудники любых спецподразделений не жалуют нашего брата-журналиста и большей частью относятся к нам как к неизбежному злу. Ни к чему суровым «спецам» лишняя головная боль и ответственность. В то же время каждый из них в глубине души – пацан, которому хочется похвастаться своей рогаткой. Поэтому омновцам стоило только намекнуть, что мы хотим покататься по ночному Грозному, как, убедившись, что рядом нет начальства, бойцы запихнули нас в многострадальную «ГАЗель», передернули затворы и повезли на экскурсию.

Когда нам приспичило посетить местный магазин, они грамотно его локализовали, взяли под контроль территорию и дали возможность прессе затариться водочкой и шоколадками. Кстати, через несколько дней после нашего отъезда в тот самый магазинчик ворвался бандит и расстрелял нескольких оказавшихся там милиционеров...

Такие вот были мои чеченские впечатления...

«ПРИВИВКА» ОТ БЕШЕНСТВА

...Охота на них шла давно. Влиятельные силовые ведомства в течение нескольких месяцев вели наблюдение за группой молодых кавказцев, успевшей серьезно подорвать «авторитет» местного криминала. Группа была на контроле, но подобраться к ней не представлялось возможным – за несколько месяцев в милицию не поступило ни одного заявления о совершении преступлений, которые происходили практически ежедневно.

«Тем, кто ложится спать – спокойного сна», – пел некогда Виктор Цой. Но молодежь не хочет спать, она хочет развлекаться и отрываться, порой до утра. Мест для такого отдыха в Ханты-Мансийске не так уж и много, одним из основных является РЦ «Территория первых». Танцпол, боулинг, бар – все удовольствия, необходимые подрастающему поколению.

Вот только с некоторых пор вокруг «ТерПера» стали твориться нехорошие дела. После Кондопоги любое упоминание о межнациональной розни для чиновников, отвечающих за город и регион, является неким табу. Мы ведь живем в дружной семье сов... то есть российских народов и в любое время готовы исполнить свой интернациональный долг.

Но с недавних пор «ТерПер» стал местом проведения силовых тренировок для многочисленных выходцев из северокавказских республик. Молодые дагестанцы, аварцы, кумыки, кабардинцы, лезгины и др. оккупировали один отдельно взятый уголок города и стали там безраздельно властвовать.

Да, молодежь во все времена и на всех широтах легко пускала в ход кулаки, парни всегда дрались – один на один, стенка на стенку, деревня на деревню. Пусть себе тешатся, показывают удаль в честном поединке. Только отморожкам, сгруппировавшимся вокруг нескольких «злачных мест», не знакомы понятия чести и благородства. И здесь можно было бы вообще не упоминать их национальность, если бы она не накладывала отпечаток на менталитет.

Кавказ силен сплоченностью перед лицом внешнего врага. Тогда гордые «дети гор» забывают внутренние склоки и вместе дают отпор противнику. Для части ханты-мансийских «абреков» внешнего врага нет, просто играет кровь молодецкая, дурь наружу просится. А если все это перемешать с пивом, анашой и вседозволенностью, то несколько шпанят превращаются в грозную силу.

Обычно молодые люди группами приезжали поздно вечером в «ТерПер», рассредоточивались по залу и принимались целенаправленно задирающих. В такой атмосфере легко завязать ссору, достаточно оскорбить чужую девушку или толкнуть плечом незнакомца. А потом вместо честного выяснения отношений один на один представители братских народов толпой набрасываются на жертву. Запинать вдесятером одного – много ума и силы не надо.

Отморозки пользовались своей безнаказанностью. Избиения в «ТерПере» происходили регулярно, но заявления в милицию не поступали. К сожалению, для современной

молодежи обращение за помощью в правоохранительные органы считается зазорным и чреватым пагубными последствиями.

Что уж говорить о простых обывателях, если угрозы поступают даже в адрес служителей Фемиды. На днях Ханты-Мансийский районный суд вынес обвинительный приговор кавказцу за нанесение тяжких телесных повреждений. Работнику прокуратуры, вышедшему на крыльцо после заседания, земляки осужденного прямо заявили – и ты в инвалидное кресло скоро сядешь.

Лишь один из избитых молодых людей, которому отморозки в двух местах сломали челюсть, рискнул написать заявление. Спецоперация, организованная правоохранительными органами, во многих отношениях стала беспрецедентной для Ханты-Мансийска. Тем, например, что проводилась она силами сразу трех силовых ведомств – Управлением по борьбе с организованной преступностью, Госнарконтролем и ФСБ.

В два часа ночи 25 ноября к «зависавшему» в «ТерПере» подозреваемому в совершении преступления подошел один из оперативников, представился и попросил выйти из зала. Но вместо того, чтобы подчиниться представителю закона, молодой человек нанес милиционеру удар в лицо. На помощь горцу толпой ринулись земляки – чтобы в очередной раз наказать «обидчиков брата, да».

И в этот момент на сцену вышел Его Величество Спецназ, выдрессированный и вымуштрованный, прошедший огонь и воду, умеющий «гасить» любого противника. Эти ребята в считанные секунды навели в зале идеальный порядок, моментально вычислив и изъяв из многосотенной толпы три десятка любителей почесать кулаки о чужую физиономию.

Они работали достаточно жестко, но в результате их действий не пострадал ни один из отдыхающих. Более того, и не один из «принятых» впоследствии не высказывал к ним претензий. Кстати, большинство из задержанных утром отпустили – после профилактической беседы.

Как разительно изменилось за это время их поведение! В «ТерПере» это были дерзкие, агрессивные и наглые отморозки, а на допросах вдруг превращались в испуганных и дрожащих безработных (их было больше всего), студентов и служащих, очень любящих маму, кефир и Родину. Трудно поверить, что лишь вчера эти овечки во всеуслышание грозили «поставить на уши город»...

Силовики считают, что этих щенят рано называть организованной преступной группировкой. Пока они просто «группа», которая легко может превратиться в «бригаду». Пока они играют мускулами и оттачивают зубы. У них есть шанс со временем превратиться в честных и добропорядочных граждан. Но воспользуются ли они этим шансом?

2007

Послесловие

О некоторых деталях, участниках, причинах этого «мероприятия» рано писать даже сейчас, спустя почти семь лет. А вот о последствиях – можно и нужно.

Меня оперативники «подняли на крыло», когда всех задержанных только доставили в здание УБОП. У всех были еще свежи воспоминания о Кондопоге, существовала

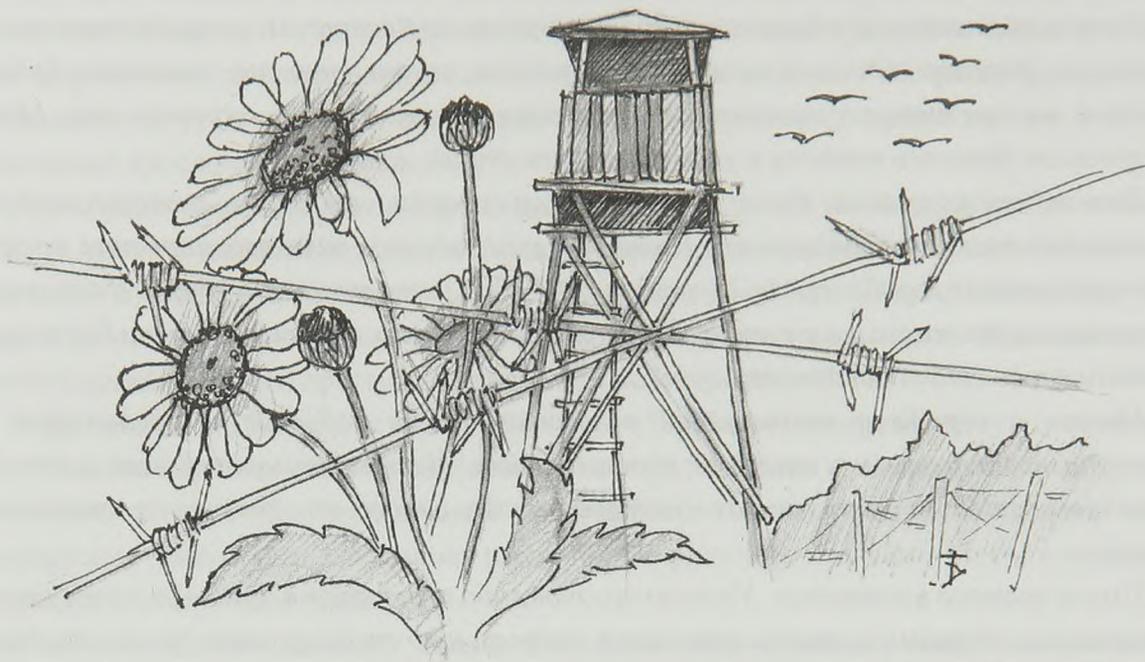
опасность, что события в Ханты-Мансийске кто-нибудь из коллег-журналистов тоже захочет интерпретировать как «разжигание межнациональной розни». Надо было успеть своей статьей «выстрелить» первым.

В эту ночь я не только общался с оперативниками, но и встречался с представителями кавказских диаспор. Они... благодарили силовиков за то, что те уgomонили буйных земляков, не признающих никаких авторитетов и аргументов – кроме силы. Много интересного довелось увидеть и услышать тем утром.

Данная спецоперация была превентивным ударом, способом «умиротворения» зарвавшейся кавказской молодежи. Циничное, разнузданное хамство, царившее прежде в злочных местах города, после 25 ноября 2007 года резко пошло на убыль. Получившая отпор шпана притихла и в течение, пожалуй, года или двух вела себя мирно и благостно. А потом вновь стала показывать зубы...

Многие в городе с ностальгией вспоминают эти события и предлагают их регулярно повторять – в качестве профилактики. Чтобы отморозки всех мастей и национальностей на своих шкурах чувствовали силу одного-единственного «хозяина» – Закона.

Только времена изменились. Ушли из органов либо перевелись в другие регионы многие из тех неравнодушных и смелых мужиков в погонах, кто спланировал и провел операцию в «ТерПере», рискнув тем самым карьерой и должностью. Им на смену пришли другие – может быть, умные и грамотные, но из категории тех, которые не рискнут...

ЗОНА: ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

...Снаружи бушует июнь, оголтело орут пичужки, пахнет свежескошенной травой и пылью. Для здешних обитателей нет никакой разницы, что там, за окном – понедельник или суббота, январь или май. Серый бетонный забор, который ограждает территорию, делит весь мир на «до» и «после», на черное и цветное, на плохое и хорошее. Мы – в зоне...

Взгляд из окна

ИР-99/15 (в просторечии – «пятнашка») – это исправительное учреждение, расположенное в Нижневартовске. Его история началась 22 марта 1971 года, когда был издан приказ об организации в городе мужской колонии усиленного режима. Труд осужденных использовался на строительстве газобензинового завода и нефтяного техникума. Сегодня их труд никому не нужен. С зэками слишком много хлопот...

Из окна кабинета начальника колонии я смотрю на заключенных, которые строятся на плацу. Внизу волнуется безликая черная масса с белыми провалами лиц – почти полторы тысячи человек, осужденных за кражи и грабежи, мошенничества и убийства. Офицеры пытаются придать колоннам более-менее приличную стройность, но им это плохо удается. Шеренги сидельцев все время изгибаются и заваливаются – как будто внизу шевелится гигантская толстая змея.

Мой собеседник тоже смотрит вниз. Интересно, что видит и о чем думает Хозяин? Каждого начальника исправительного учреждения называют «Хозяином», признавая тем самым его право на безраздельную власть над зоной. Хозяин может оказаться жестоким и мягким, умным и глупым, предприимчивым и ленивым. Этот Хозяин – суровый и азартный, по его собственному признанию. Николай Коростелев командует ИР-99/15

всего два месяца, но за это время успел очень многое. Например, добиться наведения внешнего порядка и одновременно настроить против себя основную часть «контингента».

Сегодня заключенные шепотом кричат о беспределе, воцарившемся в этих стенах, о постоянных «шмонах»-обысках, об унижениях и притеснениях со стороны администрации, избиении людей, ужасающих бытовых условиях. А Хозяин говорит об анархии, царившей в колонии еще месяц назад, и тех мерах, к которым он теперь вынужден прибегать.

«Прокуратура Югры выявила массовые нарушения правил распорядка и санитарных норм в одной из колоний округа. Администрация ИР-99/15 не пресекала поставки на территорию учреждения запрещенных предметов, а также не обеспечивала строгий порядок проживания заключенных. В ходе прокурорской проверки у сидельцев изъяты самодельный нож, игральные карты, множество лекарственных препаратов, электрочайник, электроплитка, металлическая и фарфоровая посуда, сотовые телефоны и даже DVD-проигрыватель с компакт-дисками. Кроме этого, заключенные самостоятельно провели электропроводку. Также они могли самовольно покидать общежития и беспрепятственно передвигаться по территории колонии».

Это информационное сообщение полугодовой давности. А вот свежая новость, размещенная на одном из специализированных сайтов: «...на прошлой неделе в ИР-99/15 прибыл сводный отряд УФСИН Башкирии для того, чтобы «навести порядок». Естественно, ни о каком порядке речь идти не может. Как сообщают сами зэки, спецназовцы ведут себя с заключенными дерзко и грубо, ломают мебель, отнимают у заключенных личные вещи».

Отрывок из письма очевидца: «...был шмон, для поддержки завели отряд спецназа. На шмоне у людей забрали всю посуду, ложки, вольные вещи, хотя положенные хозяйские не выдают. Пока зэков выводили на шмон, в бараках все переломали, местами выбили стекла, двери, ночью люди замерзают. В туалетах протекает вода, антисанитария везде. В столовую ходят кто без шапки, кто в летней куртке, кто в тапочках. На отряд 5-10 ложек, едят по очереди, а в столовой ложек не дают».

На чьей стороне правда? Истина, как всегда и везде, посередине.

Хозяйский взгляд

– Два месяца назад это была «республика ШКИД». Телефон имелся почти у каждого, на поверки не ходили, в столовую – тоже, благо мамы могли практически бесконтрольно передавать в зону любое количество передач. В отрядах царила анархия, форма одежды не соблюдалась, каждый ходил, в чем хотел.

В словах Хозяина правда есть. В данном учреждении содержатся преступники, каждому из которых государство отмерило определенную меру наказания за серьезную вину. Здесь – далеко не курорт, и наказание сопряжено с необходимостью выполнять определенные требования администрации. Подчас – очень суровые требования.

Другое дело, что для их выполнения администрация сегодня прибегает к наиболее эффективным и одновременно наиболее жестоким методам. Скажем, не секрет, что в любом отряде у заключенных имеется масса не дозволенных законом предметов, начиная от телефонов и заканчивая гражданской одеждой, не положенной зэкам. Чаще всего эта «контрабанда» настолько хорошо спрятана, что искать ее практически бесполезно.

Задача на сообразительность: как с наименьшими трудностями лишить осужденных запрещенных предметов? Правильно – сделать их не пригодными для использования. Как? В полном соответствии с законом объявить учебную пожарную тревогу, в ходе

которой «контингент» вывести на улицу, а пол и стены казармы залить водой из пожарных шлангов. Все, результат достигнут. А то, что не выпавшиеся зэки теперь будут спать в сырости – так не баре, чай...

– Два месяца назад ночами зона не спала, – речь Хозяина течет неторопливо. – Почему? Негде было. Не хватало четырехсот кроватей, но – парадокс! – никто из осужденных не жаловался, хотя спали они по очереди. Сейчас кроватей всем хватает. Большинство заключенных категорически не хочет работать, заявляя, что их девиз: «Шконка, шленка, параша». В отрядах царили бардак, грязь. А сейчас мы приводим все в соответствие с требованиями режима.

«Приводить в соответствие» можно по-разному. Например, сурово наказывать за несоблюдение формы одежды. Как утверждают заключенные, наказание за это правонарушение к ним применяют разное: водворение в шизо (штрафной изолятор) и ПКТ (помещение камерного типа), а также использование в отношении провинившегося спецсредства ПР-73. Иначе говоря, «палки резиновой»...

Взгляд из сумрака

Мы с Коростелевым идем по отрядам. Во многих из них царит полумрак – электричества нет, а исправлять проводку администрация ИР-99/15 не торопится. Утверждают, что все равно зэки выведут ее из строя. Внутри тянутся сплошные ряды двухъярусных кроватей, в большинстве своем – без постельного белья. Прежнее, домашнее и цветастое, изъято администрацией, а казенное бязевое до сих пор не выдано.

Это – настоящие джунгли. Полутьма, сырость, тяжелый спертый запах. Полное сходство дополняют глаза зэков – настороженные, внимательные, ощупывающие. Нет, каждый из них в отдельности – это человек, может быть даже добрый, мягкий и душевный. Но вместе они – звериная стая.

В каждом отряде я отвожу в сторону нескольких заключенных, чтобы поговорить с ними наедине. Лишь двое из них оказались всем довольны и практически счастливы. Остальные торопливым шепотом рассказывают о своих бедах, нуждах и болях:

– В карантине прибывших с этапа ломают – всеми способами заставляют вступать в «актив», неудобных избивают...

– Передачи принимают варварски, все ломают, не дают описи содержимого...

– Осужденный N отправил жалобу прокурору – его посадили в шизо, больше мы его не видим...

– Мусор из зоны не вывозится, а сжигается в яме возле столовой, в бараках нечем дышать...

– Раз в неделю осужденных положено мыть в бане. Нас и правда моют – но в последнее время только ледяной водой...

– Осужденного N ночью забрали на вахту, продержали в «стакане», потом поставили «на звезду» на несколько часов...

И все это время где-то за спиной слышалось торопливое шуршание. Зэки доставали из заначек листы бумаги и, скрываясь за рядами кроватей, передавали их мне. Это – жалобы на действия администрации, которые осужденные просят переправить в Москву, уполномоченному по правам человека. Как они утверждают, обычным путем отправить из зоны жалобы невозможно – они бесследно исчезают...

Взгляд бытовой

Мы с начальником колонии ИР-99/15 полковником Коростелевым продолжаем обход его огромного хозяйства. Наибольшее недоумение, как у него, так и у меня, вызывает

местная «новостройка» – четырехэтажный корпус, ввод в строй которого мог бы решить проблему перенаселения. Впрочем, официально корпус был недавно принят в эксплуатацию – практически при полном отсутствии внутренней и внешней отделки. Внутри не то что унитазов, но даже стояков(!) нет...

По самым скромным подсчетам, необходим еще не один десяток миллионов рублей для того, чтобы довести здание до ума. Каким образом оно уже оказалось «принятым в эксплуатацию» – это серьезный вопрос к недавно сменившемуся руководству окружного УИНа. Получается, что приемная комиссия состояла исключительно из слепых, глухонемых и безруких членов...

Хозяйственных проблем у Хозяина – вагон и маленькая тележка. Скажем, испокон веков зона сливала свои нечистоты в близлежащие болота, пока не получила жесткие предписания от контролирующих структур. Действительно, нужна канализация, но где взять деньги на прокладку труб и установку насосов? Точно такие же проблемы с водоснабжением и отоплением.

Неподалеку от столовой выкопана большая яма, в которую на наших глазах ээки сбрасывали мусор, а из котлована валили густые черные клубы. Ээки жаловались, что в ветреный день в бараках нечем дышать от едкого дыма. Обратив на это внимание Хозяина, я поинтересовался почти с верещагинскими интонациями: «А что это, люди твои никак запалить что хотят?» Полковник очень удивился, возмутился и разгневался. Он тут же позвонил кому-то из своих подчиненных и устроил разнос за самоуправство. Надо отдать ему должное – уже на следующий день яма была засыпана.

Удалось обратить внимание начальства еще на одну проблему – помывку осужденных в бане холодной водой. Оказалось, Хозяина не известили относительно остановки на ремонт сразу всех трех нагревательных котлов. А ээков тем не менее продолжали исправно водить «в баню» согласно графику...

Осмотр столовой повышения аппетита у меня не вызвал, особого отвращения – тоже. В здоровенном котле варилось мясо для щей, рядом с другим стоял мешок с крупой. А вот хлеб в колонии пекут хороший, его ест не только «пятнашка», но и Нижневартовский СИЗО. Как считает Коростелев, осужденные получают солдатскую норму – на 3 тысячи калорий в день. «А вот разносолов действительно нет», – разводит руками полковник.

Взгляд с вышки

В зоне невозможно где-нибудь спрятаться и скрыться. Везде натыкаешься на пристальный прямой или скользящий взгляд. Чаще всего – настороженный и подозрительный. Все следят за всеми.

Хозяину докладывают: за минувшие сутки было две попытки переброски через ограждение сотовых телефонов. Телефоны охрана поймала, «трубкоболов» – нет. Впрочем, для того чтобы получить какие-либо недозволенные предметы, ээкам далеко не всегда необходимы вратарские навыки. Иногда достаточно уметь договариваться.

Со слов Хозяина, за минувшие с начала его работы два месяца он уже уволил троих сотрудников учреждения – за слишком «лояльное» отношение к просьбам осужденных. Последний случай был просто вопиющим – медсестра санчасти пронесла ээкам наркотик в баночке с йогуртом. После употребления его содержимого один из «авторитетных» сидельцев получил кровоизлияние в желудок, пришлось вывозить в реанимацию.

Впрочем, пронести что-либо недозволенное в зону достаточно проблематично. Уж больно суров и дотошен процесс проверки передач. Сигареты и спички извлекаются из пачек,

банки с консервами открываются и содержимое перекадывается в прозрачные контейнеры, шоколадки и печенье разламываются. А контролер тем временем делится воспоминаниями:

– Товарищ мой по прежней зоне вот так же проверял передачку и не удержался – сунул в рот карамельку. Еле откачали, в карамельке оказалось три грамма героина...

Его чуткие руки сноровисто ощупывают, вскрывают, разрезают содержимое мешка. Для каждого осужденного разрешено передавать до 20 килограммов продуктов и вещей, так что каждый процесс приема-передачи затягивается на час.

Нелегко не только сидеть, но и работать в зоне. Небольшая зарплата не компенсирует постоянной нервотрепки, суточных дежурств, моральных издержек от общения с преступниками, значительная часть из которых является ВИЧ-инфицированными или больными туберкулезом... Да еще хроническая нехватка жилья. Сотрудники УВД хотя и являются «федералами», худо-бедно жильем обеспечиваются, а вот некоторые сотрудники УИН вынуждены ночевать в своих служебных кабинетах. И выход из положения видится только один: в каждую местную колонию необходимо посадить несколько высших чиновников из ближайшего муниципалитета. Я почему-то уверен, что жилье для сотрудников зоны сразу бы нашлось.

Вообще хозяйственные взаимоотношения колонии достаточно запутаны. Говорят, что после прихода нового Хозяина, жестко пресекающего воровские порядки и не уважающего «понятия», из зоны ушла «малява» руководителям некоторых крупных городских предприятий. Мол, ни в коем случае не откликаться на просьбы ИР-99/15 о какой-либо помощи.

На месте Коростелева я бы этим слухом обязательно воспользовался. Направил бы письма всем вартовским бизнесменам – помогите, мол, люди добрые. А в случае отказа сообщал бы о том в прокуратуру и ФСБ: ага, эта фирма контролируется криминальным сообществом!

Взгляд из «дела»

В кабинете начальника колонии я листал дело одного из осужденных Н. Молодой парень жил в одном из поселков Ханты-Мансийского района. Как это водится в деревне, пил, пил и пил. А чтобы было на что пить, украл у одного соседа задрипанный сотовый телефон, у другого – пачку вина в «тетрапаке». За это суд ему отмерил реальный срок в три с половиной года...

Оказавшись на зоне, обиженный на весь белый свет молодой парень стал дерзким и неуправляемым. За короткий промежуток времени умудрился заработать кучу взысканий – за пререкания, нарушения формы одежды и т.д. Его сажали в шизо, к нему применяли резиновое «средство». Причем вполне официально. В деле аккуратно подшит рапорт контролера: «Я был вынужден применить средство и нанес четыре удара палкой в область ягодиц». Следом подшит акт медицинского осмотра, где на типовой схеме отмечены эти самые следы ударов...

А потом Н. залез на чердак барака – и повесился...

Преступник должен сидеть в тюрьме – прав был Жеглов. Государство должно изолировать от общества убийц и бандитов. Но почему, интересно, за колючкой оказываются люди, укравшие пару тысяч, а чиновники, ворующие миллионами, отделываются копеечными штрафами? Вот она – Россия...

Мне жутко повезло, я попал в зону всего на несколько часов. И вышел из нее тогда, когда захотел этого. Почти полторы тысячи человек в «пятнашке» сидят годами, зверея от безысходности.

Что происходит сегодня в ИР-99/15? Ломка. Но, пожалуй, не людей, с годами сложившихся устоев. Ломка по живому, жесткая и бескомпромиссная. И осуществляют ее тоже люди, на которых многолетнее общение с «контингентом» наложило свой отпечаток.

Там нет места сантиментам, жалости, слабости. Тигров в цирке не только бьют, но и ласкают. А зона – это далеко не цирк. Это гораздо хуже...

2009

Послесловие

Эта поездка в «пятнашку» имела и свою предысторию, и свое продолжение. Однажды в редакцию поступил звонок от одного из тамошних авторитетов «сидельцев». Он рассказал «о беспределе», который устроил новый Хозяин, и попросил помочь. Я согласился, выдвинув одно условие – обеспечить меня транспортом для командировки.

Дорога до Вартовска ничем особенным не запомнилась, разве что теснотой в салоне старенькой продавленной «японки». На обратном пути «экипаж», которому была поручена моя доставка, решил расслабиться и «оттянуться» в Пойковском. Поэтому из Ханты-Мансийска была вызвана другая машина, в которую меня попросили пересесть – на заднее правое сиденье...

Впереди меня вольготно разместился крупный развеселый недоросль из той категории шпаны, которая в каждой бочке затычка. Его прям-таки распирало от желания общаться. Так как в машине я был единственным не известным ему человеком, к тому же при портфеле и в очках, то он тут же до отказа назад откатил свое кресло, закурил, повернулся ко мне и принялся задирать «лоха».

– Че, дядя, домой едем?

– Ага.

– А че хмурый такой?

– Устал.

– Не желаешь со мной разговаривать? Не уважаешь, что ли? – собеседник подпустил в голос немного истеричных ноток. – Дядя, так ты че, в Пойковском зависал? Пока жена не видит? – шпаненок деланно похихикал.

– Нет, я из Вартовска еду. Из «пятнашки».

– Ну да? И как там? – и он пустил дым в мою сторону.

– Уныло.

– А че ты там делал? Передачку возил?

– Нет. Меня **люди** попросили помочь,

Детина умолк и надолго задумался. Потом как-то сразу вдруг съезжился, отвернулся, до предела вперед подкатил свое сиденье, приоткрыл форточку и принялся выгонять наружу сигаретный дым. И до самого Ханты-Мансийска большие не проронил ни слова и не закуривал. Возникло ощущение, что он очень хотел выпрыгнуть из салона...

Видимо, в своей крепкой черепной коробке ему все-таки удалось выстроить нехитрую логическую цепочку: встретить и довести до города меня попросила приклатненная шпана. Еду я не абы откуда, а с зоны. Где, оказывается, помогал – и не кому попало, а «людям», как на блатном жаргоне называют «правильных жуликов», то бишь уголовников высокого ранга, живущих «по закону». Перепугавшись возможных неприятностей со стороны серьезных людей, недоросль за несколько секунд превратился из агрессивного трамвайного хама в культурного и деликатного члена общества...

Кстати, несколько лет спустя довелось встретиться с бывшим «сидельцем», по просьбе которого я выезжал в ту командировку. Он благодарил, рассказывал, что после выхода моей статьи режим в «пятнашке» был значительно ослаблен, а вскоре Николая Коростелева сняли с должности начальника колонии.

Но это уже совсем другая история...

ЗОНА-2. БУНТ, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

«Бунт в одной из югорских колоний! 80 заключенных устроили акцию протеста! 39 человек изрезали себе руки», «В Югре бунтовавшие заключенные вскрыли себе вены» – жуткие заголовки электронных таблоидов наводнили Интернет в конце апреля. «Пятнашка» – так в просторечии называют исправительную колонию (ИК) № 15, что находится на окраине Нижневартовска, – опять была на слуху...

Изнанка Самотлора

...Тяжелая железная дверь встречает вошедшего сюда живительной прохладой. На дворе лукавое июньское солнце изнуряет жарой, а в бетонном чреве контрольно-пропускного пункта зябко. Предательские мурашки помимо моей воли холодят кожу – хотя я прекрасно осознаю, что выйду отсюда через несколько часов. На территории любой «зоны» царит такая атмосфера – смесь тоски, опасности, страха. И она не исчезает даже спустя многие десятилетия, – в любой из камер давно опустевшей Тобольской тюрьмы невозможно спокойно просидеть хотя бы час.

Короткий звонок – и перед журналистами распахиваются двери внутрь, в самую колонию. Юрий Плюшкин, заместитель начальника ИК-15 по кадровой и воспитательной работе, ведет нас в самое «чрево» учреждения – в рабочую зону. И попутно рассказывает о прошлом.

В середине 60-х годов прошлого века началось интенсивное освоение Самотлора. Для выполнения самой тяжелой и неблагодарной работы по созданию инфраструктуры региона понадобился дешевый труд массы людей. Поэтому 22 марта 1971 года был издан приказ об организации в Нижневартовске мужской колонии усиленного режима «с лимитом наполнения в 1 400 человек».

Труд осужденных использовался на строительстве Нижневартовского газобензинового завода, нефтяного техникума, военного городка. В советское время здесь шили спецодежду, рукавицы, постельное белье. Выпускали вагончики, сетку-рабицу, гвозди, лопаты, оконные и дверные блоки, мебель, скобяные изделия, колючую проволоку, кирпич. Таким образом достигалась двойная цель – не только помочь городу решить производственные задачи, но и занять «ЗК» (заключенных, отсюда и пошло понятие «зэки»). Уставшему на работе человеку некогда думать о «бакланах», «наседках», «петухах», «конях», «козлах» и прочих представителях преступного животного мира. Ему надо выполнять норму и думать об УДО (условно-досрочном освобождении), а не о том, как сделать наколку «покрасивше».

Флора и фауна зоны

Сегодня, увы, двери большинства цехов в колонии заколочены, на них висят надписи «Законсервирован». Рынок, будь он неладен. Нет спроса на продукцию, мастеров в робе теснят «вольные» конкуренты, к тому же респектабельные заказчики чураются вести дела с ФСИН (Федеральной службой исполнения наказаний). Мол, имидж тем самым себе подорвем, реноме, деловую репутацию...

Впрочем, в некоторых мастерских зоны жизнь еще теплится. Вот в стареньком цеху станции технического обслуживания вижу скелет иномарки. Ее бы впору отвезти на заслуженный отдых на ближайшую свалку, однако руками местных умельцев она вскоре возродится, аки Феникс из пепла. Гремит железо и в следующем здании – там пилорама, потихоньку «шмурыгают» лес для своих нужд.

А подлинное «биоразнообразие» всяческой живности наблюдается в подсобном хозяйстве. Не нуждается в привязи местная достопримечательность – древняя кобыла Манька, выполняющая роль гужевого транспорта. Да и то сказать – куда ей бежать из зоны-то? На месте оказались и все 150 кабанов, свиней и поросят – как об этом бойко доложил шустро подбежавший «смотритель» в черной робе. Интересно: попадает ли свинина на столы осужденных? Местный «Велес» уверил – только вчера отправили на кухню две туши. А еще на ферме живут три десятка кур да несколько ленивых кошек.

Тепличное хозяйство издалека бросается в глаза обилием солнечных зайчиков на стеклянных крышах и сочной зеленью. Вокруг раскинулись бесчисленные грядки с рассадой цветов (которые и в зоне высаживают, и в городе продают), посадками садовых кустарников, лука и т. д. Внутри теплиц раскинулось огуречное царство – через день здесь снимают по 30–40 килограммов.

– Как живете? – интересуюсь у работающих здесь осужденных.

– Хорошо живем, всем довольны! – счастливо улыбаются «фермеры», почти все – уроженцы Средней Азии.

– А сюда за что попали?

– Случайно, гражданин начальник! – отвечают практически в один голос. – За наркотики...

В рабочую зону ежедневно выходят до 200 человек из 1 265 лагерных «сидельцев». Остальные вынуждены постоянно находиться в основной, жилой зоне. Именно туда мы и отправляемся.

«Курортная жизнь»

В «пятнашке» я бывал и раньше, последний раз – летом 2009 года. Колония разом взвыла от обиды, боли и ярости, когда в зону пришел новый начальник (на блатном жаргоне – «хозяин») – Николай Коростелев. И начал закручивать гайки. По словам самих эков, сотрудники колонии начали избивать осужденных, неоправданно бросать в штрафной изолятор, лишать посылок и свиданий, устраивать тотальные «шмоны»-обыски. А по словам администрации, необходимо было научить распоясавшийся «контингент» жить по закону.

В поисках беспристрастных свидетелей обратился к Интернету. На одном из «тюремных» сайтов нашел вот такое мнение: «Я отсидел в этой (ИК-15) колонии 6 лет – с 2004 по 2009 г. Когда я приехал в лагерь, мне показалось что это курорт – у каждого телефоны, все ходили в вольной одежде, было все, только что баб не хватало! Администрацию всерьез никто не воспринимал, даже, были случаи, избивали сотрудников...»

Модераторов того сайта трудно заподозрить в лояльности к сотрудникам ФСИН, так что, скорее всего, правда – именно в этих словах. Не вытравленные еще следы былой вольницы были заметны в 2009 году невооруженным глазом, например, некоторые осужденные ходили в гражданской одежде. Впрочем, при Коростелеве служба надзора действительно перегнула палку, и, на мой взгляд, лишь вмешательство СМИ спасло колонию от серьезных беспорядков.

Через год Коростелев ушел на пенсию. А «хозяином» стал Юрий Давыдов, майор с тяжелым волевым подбородком, настороженным взглядом и неожиданно мягкой и искренней улыбкой. Ему пришлось гасить угли зарождающегося конфликта в стенах

«пятнашки». Надо отдать ему должное – и очаг загасил, и порядок навел. Скажем, теперь в зоне все сидельцы одеты строго по форме, исчезли окурки в неположенных местах, зато в отрядах появились теннисные столы и телевизоры.

Практически исчезли серьезные жалобы на действия администрации, хотя два года назад осужденные (несмотря на опасность репрессий) наперебой жаловались мне на действия службы надзора и совали «слезницы». Даже если учесть, что подавляющее большинство боится преследования со стороны администрации, в зоне не могло не оказаться «возмутителей спокойствия», которые не упустили бы возможности «накапать» на злого начальника. Особенно в разговорах «тет-а-тет».

Однако пришла пора идти задавать вопросы «хозяину»...

Диалог с отступлениями

– Юрий Александрович, как живет сегодня «пятнашка»?

– Доживает, – усмехается в густые усы Давыдов. Что-то в нем все-таки есть от знаменитого однофамильца – Дениса Васильевича.

– Как?!

– В полном соответствии с планом реформирования службы и перехода на европейскую модель пенитенциарной системы. Через два года вместо колонии общего режима мы станем тюрьмой. Все заключенные будут содержаться в двухместных камерах, что позволит исключить влияние отрицательно настроенных осужденных. В результате спокойнее будет и нам, и им.

– Что еще нового?

– Все в обычном режиме. В школе идут экзамены (*в ИК-15 функционируют общеобразовательная школа и профессиональное училище. – А.Р.*). Запустили сеть кабельного ТВ. Спортзал для сотрудников открыли. С приобретением леса есть сложности...

– А какие еще проблемы беспокоят «хозяина»?

– Главные – отсутствие работы у осужденных и нехватка кадров. Нехватка у нас составляет 7,5 процента. Низкие заработки при «особых условиях» труда...

Отступление. Знаете, уважаемые читатели, сколько получает лейтенант, сутками не вылезаящий из дежурств и общающийся исключительно с ворами, наркоманами и убийцами? Лучше не спрашивайте, а то лейтенанта люди засмеют. И никаких перспектив относительно получения жилья, ордена или персональной пенсии. Я не знаю, ради чего можно обречь себя на ТАКУЮ работу. Все офицеры, которым я задавал этот вопрос, отчего-то отводили взгляд и говорили: «Кто-то ведь должен...»

– За помощью обращались?

– Обращались, – Давыдов зло покусывает губу. – Да что толку? Мэрия от нас прикрывается 122-м законом, торгово-промышленная палата игнорирует, нефтяники нос воротят...

Отступление. Да, забывают нувориши и чиновники старую истину об опасностях зарок на Руси. Забывают о печальной судьбе Ходорковского, не думают о тех условиях, в которых некоторым из них придется жить в будущем. И уж точно не вспоминают о старых русских традициях жалеть и помогать тюремным сидельцам. Что поделаешь, измелывали купчишки и градоначальники...

– Во власти сейчас идет много разговоров о программах реабилитации бывших зэков. Есть ли у вас таковая?

– Конечно. Разработали вместе с центром занятости. Чтобы наш «клиент» не потерялся в обществе. Он ведь «сел» при одном государстве «по малолетке», а выходит уже при другом...

А был ли мальчик?

В разговоре с «хозяином» я до последнего оттягивал самую неприятную тему – бунта и массового кровопролития. И все с большим недоумением смотрел вокруг. А что же, собственно, произошло 23 апреля в ИК-15? Где последствия бунта? Почему не видно ни наспех присыпанных луж крови, ни эшафотов, ни заваливающих виселиц? Интересуюсь у «ЗК» – что было-то? В ответ все, как один, мямлят и отводят глаза. Юрий Давыдов более разговорчив:

– От безделья люди маются и пытаются самоутвердиться. Да, произошел неприятный инцидент – сотрудник режима О. применил силу в отношении одного из осужденных, отказавшегося выполнять его требования. Я считаю, что силу применил правомерно, но при этом нарушил порядок – не сообщил о данном факте дежурному и не задокументировал. В ответ осужденный повредил себе поверхность кожи на предплечьях. А вслед за ним, поддавшись стадному инстинкту, – еще 39 человек. Сотрудник, кстати, уже уволен...

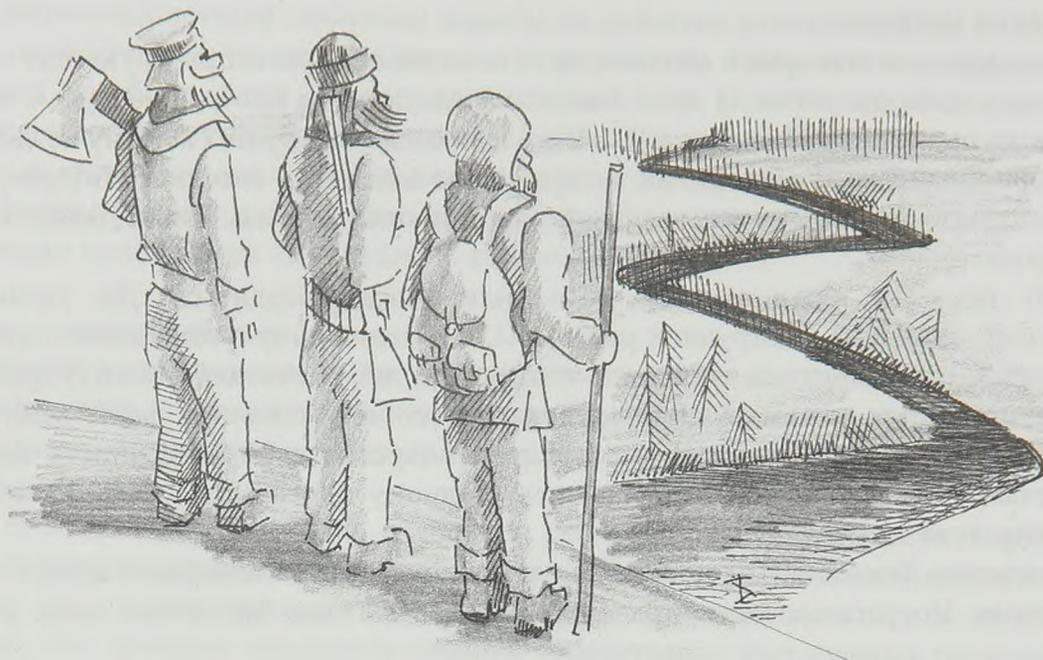
Не поверив Давыдову, мы поспешили в медсанчасть, где наверняка прячут от нас осужденных. Но усталые медсестры Софья Рурич и Фаина Бредихина лишь развели руками:

– Какие раненые?! Откуда? Они ведь всего лишь демонстративно поцарапали себе руки! Мы им на месте царапины зеленкой помазали и отпустили восвояси...

Кстати, медсестра в зоне, с учетом всех выслуг, получает максимум 22 тысячи рублей. А что делать – работы в городе нет. Не страшно здесь? – интересуюсь у женщин. Фаина Романовна отвечает: «Я раньше в детском приюте работала, так там гораздо страшнее...»

Увы – или к счастью – бунт в «пятнашке» так и не состоялся...

2011

СОРОКАЛЕТНИМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Страшный возраст – «сороковник» с хвостиком. И смешной. Вроде бы есть еще порох в приснопамятных пороховницах, и до маразма пока далеко, и глаза в автоматическом режиме провожают ножки проходящих мимо девушек. Это с одной стороны. Только и суставы уже ломит, и сердечко пошаливает, и глаза, быстро вернувшись от созерцания девичьих прелестей, утыкаются в монитор или экран телевизора...

Почти каждый журналист и писатель второй половины XX века считал своим долгом посокрушаться о злой судьбе своего поколения – начиная с многочисленных и талантливых «детей победителей» (см. Михаила Веллера). И вполне справедливо: чего-чего, а лиха в России хватало всегда и на всех. Но именно у нас, сегодняшних сорокалетних «с хвостиком», на это больше прав, чем у всех остальных. Ведь это именно у нас украли Родину.

В школе мы истово заучивали статьи «Кодекса строителей коммунизма», боготворили Марата Казея и Павку Корчагина, рисовали плакаты «США, руки прочь от Никарагуа!» и «Свободу Нельсону Манделе!», мечтали когда-нибудь заработать на грудь орден Плайя-Хирон или, на худой конец, – Виртути Милитари. Мы жутко ненавидели Самосу, Рабина и Пол-Пота, искренне любили Лумумбу, Дина Рида и заодно Митхуна Чакраборти.

Едва началась перестройка, как мы, пацаны, ушли в армию, а наши девочки – в декрет. До нас, «портяночных бритоголовых», лишь доходили слухи, что на «гражданке» что-то там происходит. Будучи в увольнении, мы впервые услышали о конверсии, Брюсе Ли и Артеме Тарасове, попробовали «Пепси-колу» и увидели «вареные» джинсы «Мальвины».

Только-только «дембельнулись», не успели толком попить пива, насмотреться «видиков» и нацеловаться с девушками, как Ельцин с компанией продали и пропили нашу Родину.

Нас учили любить Родину, гордиться ею и быть готовыми отдать за нее жизнь. И мы в массе своей действительно любили, гордились и готовы были отдать – без сожаления. И вдруг какие-то люди решили, что своего Отечества надо стыдиться и его презирать. То, во что мы верили двадцать лет, внезапно оказалось мифом, блефом, мишурой. На триста миллионов маленьких «я» рассыпалось всеобъемлющее союзное понятие «мы». И каждый оказался наедине со своими страхами, проблемами, несбывшимися мечтами...

Тогда еще мы этого не осознавали. Само времечко было лихое, пьяное, скорострельное. Помню, как в 1990-м я повстречал в городском автобусе своего бывшего одноклассника. Он мне взахлеб рассказывал об учебе в свердловском вузе и тамошних друзьях, занявшихся прибыльным ремеслом рэкетиров. А потом предложил: давай, Андрюха, тоже в «братки» подадимся, быстро «поднимемся», в люди выйдем! Но как-то не прельстила меня профессия бандита, я вежливо отказался и расстался с приятелем.

Вновь повстречал я его ровно через десять лет, когда он уже занимал пост крупного чиновника. Сидели мы у него в роскошном кабинете, гоняли кофеек, и тут припомнил я однокласснику то давнее предложение. Надо было видеть, как резко переменялся он в лице, кинул испуганный взгляд на дверь, за которой только что скрылась его очаровательная секретарша, и зашептал: «Андрей, ты чего! Разве можно вслух вспоминать такое! Да и вообще не предлагал я ничего, тебе почудилось...».

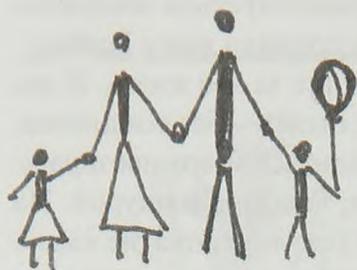
Двадцать лет назад все было намного честнее и проще. Работяга еще мог послать на три буквы своего начальника, не боясь быть выгнанным с работы. В любое здание, например, окружной администрации, мог свободно и бесконтрольно зайти любой желающий – чтобы просто пообедать в тамошней столовке. Дудаев тогда еще командовал 326-й Тернопольской бомбардировочной дивизией, Абрамович торговал пластиковыми игрушками, а Вольфович вел юридические тяжбы с недобросовестными партнерами издательства «Мир».

Завтрашние бандиты и послезавтрашние депутаты-мэры-банкиры в то время трудились водителями, бульдозеристами, электриками. Даже настоящие криминальные авторитеты были тогда проще, человечнее, что ли. Например, пока вор Коржик «держал» Ханты-Мансийск, в городе не было наркотиков, а все споры между «хозяйствующими субъектами» решались относительно по совести. Не потому ли до сих пор не переводятся цветы на могиле авторитета на местном кладбище?

Вообще с возрастом меняешь свое отношение к погосту. Это в детстве-отрочестве можно пугаться призраков-вурдалаков, а в сорок начинаешь запросто здороваться с могилками: «Здравствуй, деда! Привет, сосед! Тетя Таня, и ты здесь?! Не знал. Извини, Андрюха, что тогда не успел...» Ходишь между памятниками, вглядываешься в знакомые лица на фотографиях и с холодной рациональностью начинаешь прикидывать: если вот здесь оградку перенести, то вполне можно выкроить пару метров и для себя, грешного...

Впрочем, нам пока рано туда, в лучший из миров. Мы еще далеко не все на этом свете успели сделать. Внуки вот-вот пойдут – кто их нянчить будет? Ремесло свое только-только по-настоящему понимать начали, кредиты опять же на шее висят, пресловутое дерево до сих пор посадить не удосужились, да и на собственный дом все никак не удается подсобрать денег...

Так что выпьем вечером стопку за помин души ушедших, помянем добрым словом друзей, плюнем в адрес врагов, стиснем зубы и пожелаем, чтобы нашим детям и внукам довелось испытать чувство любви и гордости к своей Родине. Будем жить!

СЧАСТЛИВЫЕ ЛЮДИ – И КСЮША СОБЧАК

– ...Ларионыч, ты – счастлив?

Толстые губы на лице моего собеседника шевелятся, словно у матерого язя, только что вытасченного из воды. Думает он недолго:

– А то! Гляди, каку комнату мне дали! Щас чо – живи да радуйся!

Ларионычу действительно повезло. На старости лет его семейная лодка дала течь и пенсионер ушел от жены. Несколько лет мыкался – летом в дачной хибарке, зимой – в приживалках у многочисленных родственников. В собственную квартиру его теперь и на порог не пускают – не бывшая жена, а родной сынуля. Кровиночка обзавелся семьей и отца знать не хочет, только грозит да перед соседями поносит.

Нынче летом Ларионычу жутко повезло – муниципалитет выделил ему уютную комнату в бывшей гостинице «Олимпийской». Пенсионер быстренько перевез туда свой немудрящий скарб, купил чайник, уютю да пылесос. Все это можно было взять в аренду здесь, в социальном доме, но Ларионыч – хозяин основательный, не привык пользоваться чужим добром.

Ну, а кухонную мебель вроде сковородок да полотенец ему надарили многочисленные подружки. Он ведь мужчина видный, работающий, непьющий, так что на него многие пенсионерочки глаз положили... Рассказывая об этом, Ларионыч смущенно похохатывает, потом о чем-то вспоминает и начинает жаловаться:

– Глянь, чего мне девки-то подарили! Вишь, какие кружки красивые да цветастые! Я с их хотел ярлычки отодрать, да китайцы, собаки, уж больно крепко пришпандорили. Ну, думаю, замочу их на ночь в холодной воде. А утром смотрю – и глазам своим не верю: все кружки размокли, раскисли, ручки с них поотваливались...

А так-то у Ларионыча все хорошо. Пенсия у него большая – аж 16 тыщ, здоровье еще позволяет ворочать мешки с картошкой и ходить на ближайшее озерцо за утками. Соцслужбы не дают скучать, организовали хор ветеранов и постоянно приглашают поучаствовать в концертах. Скучать Ларионычу некогда...

– ...Вера Степановна, вы – счастливы?

Моя собеседница отвечает быстро, чуть-чуть быстрее, чем нужно:

– Конечно, счастлива! Слава Богу, до таких лет дожила, руки-ноги на месте, сынов вырастила, внуков понянчила, с Николаем, почитай, вот уж полвека вместе живем. Куда с добром!

Все так, правда. Но звучат эти слова все-таки чуть-чуть быстрее, чем должно. И я знаю, в чем причина. Она называется коротко – рак...

Ни хирургия, ни терапия, ни Малахов здесь помочь не могут – возраст, порок сердца, риск осложнений. Остается только молиться – и надеяться на чудо. Обо всем этом Вера Степановна знает, но не подает виду.

– Захотела вон груш, так Николай тут же сохвтался, сбегал в магазин, весь холодильник грушами забил! Температура у меня сегодня нормальная, давление тоже. Слава Богу!

– ...Санька, ты – счастлив?

Тощий мосластый пацан недовольно отрывается от интернет-«мочилова» с мудреным

названием Call of Duty: Modern Warfare 3 и непонимающе вытаращивается на меня. Дескать, вечно вы, взрослые, не вовремя в душу лезете... Но отвечает:

– Счастлив, конечно. Спать есть где, одеть что, пожрать. В школе все нормуль. Все зашибись!

– А как же любовь?

Санькины глаза тут же елозят в сторону, а сам он произносит со знаменитой Надюхиной интонацией:

– Кака така любовь? Я только об учебе думаю...

Ну да, ну да... А у самого в телефоне одни только фотки одноклассниц. Любовь в пятнадцать – увлекательная штука...

...А по телеку тем временем показывают, как за Ларионыча, Саньку, Веру Степановну в Москве страдают люди.

Мужественные, бесстрашные, решительные – Ксюша Собчак, Сережа Удальцов, Леша Навальный, Димусик Быков. Соль земли. Плоть от плоти. Ум, честь и совесть. Лучшие из лучших. Они не побоялись выйти на Лубянку, не устрашились дубинок ОМОНа и улыбочек ФСБ. Их хлебом не корми – дай пострадать за народ.

Они вышли, чтобы бросить вызов системе, привлечь внимание европейского сообщества к проблемам стонущей под гнетом диктатуры России. По их представлениям российский народ – бессловесное и безропотное стадо, которое необходимо пинками направлять к светлому будущему. Для этого все средства хороши. Особенно денежные. И лучше в валюте. Хотя бы в лари...

Кровь революционеров не пугает, ведь в нашей стране жизнь человека дешева, а «бабы новых нарожают». Что такое жизнь, если на другой чаше весов такие понятия, как демократия и либерализм?! Тьфу...

Когда вчера полиция «принимала» Сережу Удальцова (в темных очках – зимой! – он очень брутален, вылитый Слай в «Кобре»), он что-то декламировал про свою свободу. Мол, свободен он, несмотря ни на что. Кто спорит – свободен наш лидер оппозиции – от Саньки, Ларионыча, Веры Степановны. От всех и всего свободен, кроме этих вот стильных темных очков...

...Интересно, а счастлива ли сегодня Ксюша Собчак?

НЕНУЖНЫЕ ЛЮДИ

Мы знаем, кто такие «нужные люди». Это те, кто облечен властью, деньгами, связями, силой, весом, авторитетом. Соответственно, те, кто этого лишен, являются лишними на данном этапе развития нашего общества.

...**Тетя Таня** всегда была тихой и незаметной. Она редко посещала гулянки, на которых веселилась вся ее большая родова. А если уж приходила, то скромно теребила платок в уголочке, со вздохом поглядывая на своего благоверного. А вот дядя Володя как раз отрывался по полной. Его лоснящаяся красная физиономия сразу же появлялась там, где звякали рюмки. Пил дядя Володя крепко, во хмелю поколачивал жену, нередко пускался в разного рода авантюры, которые приносили семье лишь убыток и расстройство.

Отрадой тети Тани было хозяйство и хлопоты по оному. С утра до вечера она колготилась на кухоньке, в стайке, во дворе, в огороде. Летом очень любила ходить по грибы – с утра пораньше убиралась «в гору» и через несколько часов возвращалась с полной пайвой маслят да подосиновиков. К зиме подпол и сени ее избушки ломились от разнообразных заготовок, которые она с удовольствием раздавала родне, знакомым, соседским ребятишкам.

А вот своих детей тете Тане Бог не дал. Чего только не делала она смолоду, чтобы вымолить себе чадушко: и по церквям ездила, и к колдовкам обращалась, и к врачам. Все без толку, жизнь клонилась к вечеру, а ребеночка она так и не вымолила. Но не замкнулась, не озлобилась, не затаила обиду на весь белый свет. Наоборот, с возрастом стала еще более приветливой и радушной.

Если доводилось зайти к ней по какой-то надобности, то я чувствовал себя каким-то заморским гостем, которого ждали тридцать лет и три года. Как по мановению волшебной палочки на белой клееночке тут же появлялись пирожки, пельмешки, рыбка, маринованные огурчики и непременно моршковое варенье. Отметая любые возражения, хозяйка усердно потчевала яствами, то и дело подливая в кружку парное молоко.

Тяжелая жизнь выпала на долю тети Тани и тяжкая смерть. После неудачной операции она еще долго лежала дома, стыдясь перед гостями за свою слабость и неспособность подняться с постели. Не стало ее, и сразу словно оскудел наш околоток. А дядя Володя тут же продал избушку и перебрался в город, туда, где шумней и весельше.

За тети Таниной могилой пока еще ухаживают престарелые племянники. Когда Господь приберет и их, то могилка быстро затянется шиповником да малинником, крест упадет, оградку раздавит рухнувший кедр. И ничего не останется после нее в этом мире...

...**Андрюха** был мне тезкой, другом, дважды коллегой, «палочкой-выручалочкой» и свидетелем на моей свадьбе. Почему «дважды коллегой»? Познакомились мы на заре туманной юности, когда я работал киномехаником, а Андрюха – водителем в

кинотеатре «Лангал». Сдружились, вместе открыли один из первых в Ханты-Мансийске видеосалонов. Повторно судьба свела нас через десять лет в редакции окружной газеты, где Андрюха по-прежнему крутил баранку.

Когда я, полный «авточайник», купил свою первую машину, то еженедельно гонял ее к другу. Обычно он внимательно выслушивал мой сбивчивый рассказ о «симптомах болезни», опрокидывал стопарик и за несколько минут вылечивал «нивушку».

Улыбчивый, отзывчивый, легкий на подъем, он был любимцем всей редакции. Надо ли выйти на работу в выходной, задержаться вечером, перевезти кому телевизор или мешки с картошкой – Андрюха не отказывал никому.

А вот личная жизнь у него не клеилась. Он долго жил с хорошей женщиной, которая была чуть старше его. Жаль, что детишками обзавестись так и не сумели. Потом расстались – как я подозреваю, из-за Андрюхиного чрезмерного увлечения водкой. Она, проклятая, его и сгубила. Сначала друг потерял женщину, а потом и работу.

История банальна: бдительный гаишник, алкотест, лишение прав на шесть месяцев. Мы всем коллективом умоляли главреда не увольнять работника, даже нашли человека, который соглашался эти полгода водить редакционную «ГАЗель», но главред был принципиален, как оловянный солдатик...

Андрюхина дорожка покатила вниз. Несколько раз устраивался на работу слесарем, увольнялся, вскоре начались серьезные проблемы со здоровьем, он продал свою старенькую «шестерку». И продолжал пить...

Близкие пытались помочь ему вылечиться, найти нормальную работу, «взяться за ум». Но Андрюха не хотел помощи и тяготился ею. Он всегда и все в этой жизни хотел делать сам. Его маленькая квартирочка сверкала стерильной чистотой, даже когда сам хозяин находился в запое. Мой друг не мог себе позволить ударить в грязь лицом.

Он был открытым, гостеприимным, добрым человеком, он за всю свою жизнь никогда никого не предал, не подставил ножку, не сделал гадость. И ушел в лучший мир так же тихо и чисто, никому не создав проблем...

На Андрюхином могильном столике очень редко появляются карамельки и печенюшки, которые оставит какая-нибудь сердобольная душа. Для друзей и родственников жизнь продолжается, появляются новые проблемы и заботы. И надо бы заменить памятник, да все недосуг – то грипп, то крестины внучки, то брусника поспела. Так и живем...

...У дяди Миши были золотые руки, добрая душа и огромная косматая борода. Полвека прожил он в маленькой хибарке над Иртышом вместе со своей сестрой тетей Надей, женщиной хлопотливой и работающей, прищуром своих глаз чрезвычайно похожей на Анатолия Папанова.

Настоящий сибирский мужик, он мог все: построить дом, распилить дрова, завести любой мотор, в любое время года поймать рыбу, вырастить рекордный урожай. При этом разговаривал мало, работал молча и красиво. Помогал всем страждущим и никогда не брал за то платы – ни рублем, ни «пузырем». Он, по-моему, вообще не пил, во всяком случае, за этим занятием я его никогда не видел.

Дядя Миша верил в Бога. Причем верил настолько истово, что заплатил за это пятнадцатью годами своей жизни. Уже в зрелом возрасте я случайно узнал об этом факте его биографии и приступил с расспросами. Дядя Миша долго отнекивался, усмехаясь в недра своей бородищи, а потом все-таки стал рассказывать, при этом запретив мне доставать блокнот. Я и не записывал, надеясь наследующий день изложить все на бумаге, да как это часто случается, отложил до послезавтра, потом до воскресения. Эх...

Дядю Мишу арестовали в конце тридцатых вместе с матерью по обвинению в контрреволюционной деятельности. А вся их «контрреволюция» заключалась в том, что мама, будучи очень верующей, собирала у себя на дому женщин, пыталась проповедовать слово Божье. Сын помогал. За это ему и вlepили пятнадцать лет.

Во второй половине 50-х дядя Миша вышел на свободу – с маленькой тогда еще бородкой, простуженными легкими и глубокой верой в Господа. Нашел сестру Надежду, вместе с ней перебрался в Ханты-Мансийск, где проработал до пенсии. Семьями они не обзаводились, так и прожили вдвоем в светлом домике.

Несколько лет назад не стало дяди Миши. Тетя Надя погоревала, продала избушку и уехала на «большую землю» – нянчить внучатых племянников. Не может она без того, чтобы не дарить кому-то свою любовь и заботу.

...«**О чем это ты?** – может возмутиться придирчивый читатель. – Надо писать о проблемах в образовании и здравоохранении, сельском хозяйстве и на транспорте. Ты ж работаешь в госСМИ, так и пиши о хлебе насущном!»

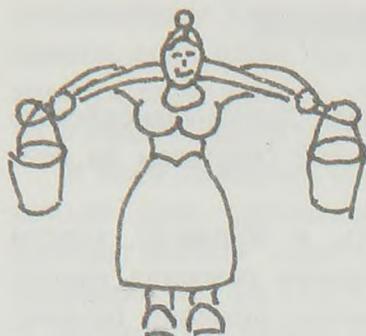
Ты прав, читатель. Прививочная кампания и инновации в социальной сфере тебе, конечно, гораздо важнее, чем воспоминания о давно умерших людях. Которые не были кандидатами и лауреатами, директорами и депутатами, поэтому не являлись нужными людьми. Но до самой своей смерти они оставались просто ЛЮДЬМИ...

НЕСПЕШНЫЕ ЛЮДИ

Вечер пятницы ознаменовался сразу несколькими встречами. Наши люди как будто специально выбирают время, чтобы вывалить на ближнего круг своих и чужих проблем.

– В выходные очень важное мероприятие! Вся общественность соберется! Будем принимать судьбоносные решения! Надеюсь, вы не останетесь в стороне?!

– Немедленно поезжай в магазин и купи мешок риса! Мне по секрету шепнули, что с 15-го числа он подорожает в десять раз!

– уволили начальника отдела N в департаменте N! А ведь он такой хороший человек – просто душка! Завтра мы выходим на митинг в его защиту! Ты его не знаешь, но ты обязан его поддержать!

Как сговорившись, окружающие призывают немедленно пойти на субботник, хоккей или баррикады. Ритм современной городской жизни вовлекает каждого человека в броуновское движение мегаполиса и все время чего-то требует – решений, действий, эмоций. И мы вынуждены решать, действовать, проявлять эмоции.

Вы видели, как тысячные стаи какой-нибудь макрели вдруг совершают одновременные синхронные маневры, уворачиваясь от атак врагов или пытаясь догнать добычу? Так и люди нередко подчиняются какому-то необъяснимому побуждению, вдруг бросаясь в магазин за «исчезающей» солью или на митинг в поддержку исчезающих бабочек. Срабатывает то ли некий заразный психоз, то ли стадный инстинкт. Плюс, конечно, сказываются волчьи нравы рыночной экономики. Кто не успел – тот опоздал. Кто первый встал – того и тапки. Кто не с нами – тот против нас...

Посмотрите вокруг: все куда-то бегут, спотыкаются и толкают других. Неспешны лишь «беремчатые» будущие мамочки да бабушки на лавочках у подъездов. Выпученные в пространство глаза, стремительная походка, засунутый в район уха «мобильник» – таков портрет большинства окружающих. Лишь иногда мы удосуживаемся задрать голову и поразиться обилию звезд, красоте облетающих берез и совершенству пропорций снежинки...

Впрочем, далеко не все и не всегда. В субботу прихотливые рыбацкие тропы завели нас с товарищем в небольшой прииртышский поселок, бывать в котором прежде не доводилось. Так вот там, уважаемые, царит совсем другой, неспешный, мир...

Вот идет с кладбища группа принаряженных селян – на бабушке выгоревшая шляпка производства «Фетротреста», надеваемая по большим праздникам, на внучке новенькое, еще не обмятое пальтишко, дедок косится на суровую супругу и украдкой ослабляет узел галстука. Снять бы его к свиньям собачьим, да нельзя – перед людьми стыдно!

В местном магазинчике царят нравы латиноамериканской сиесты – расслабленность, скука и созерцательность. Девушки в камуфляже перебирают невеликий ассортимент парфюма, тетушки в цветастых платочках обсуждают неблагоприятное поведение неведомой нам «сашкиной Таньки» и рекордный удой «комолой Марты».

На окраине поселка мы съехали с дороги на берег небольшой протоки «помочить блесны» – и залюбовались живописным натюрмортом. У небольшого костерка стоял битый жизнью и владельцами ржавый «Москвич» без номеров, лежали почти пустая литровая бутылка водки и пачка сока «Добрый», да сидели бритый наголо юнец и длинноволосая девица в массивных очках.

Местная «ячейка общества» была совершенно пьяна и едва ворочала языками. То, что это именно «ячейка», стало ясно, когда юнец на заплетающихся ногах подошел к детищу советского автопрома и достал из его недр свое собственное «детище» – прелестного младенца нескольких месяцев от роду. Папашка дотошно оглядел ребятенка, широко улыбнулся и любовно закурлыкал ему: «Бу-бу-бу!». Младенец смотрел на окружающий мир молча, серьезно и внимательно...

Вскоре мы уехали – пора было возвращаться в нашу суетливую и агрессивную урбанистическую реальность. К нашим стрессам, проблемам, интригам, кризисам. А неспешные люди остались в своем, параллельном мире. Редко когда соприкасающемся с нашим...

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Кто мы, живущие на суровой земле Ханты-Мансийского округа? Кем себя считаем, как называем? Ощущаем ли себя единой общностью?

Определение «югорчане» родилось, в общем-то, совсем недавно, лет 15-18 назад. В годы бурного освоения нашего края географическая привязка имела малое значение, геологи, нефтяники, газовики, строители легко перемещались из Югры на Ямал и обратно. «Ведь мы ребята семидесятой широты», – пел некогда Эдуард Хиль в популярной песне. Люди, на своей шкуре познавшие, что такое «зимник», «балок», «трасса», «буровая», с гордостью именовали себя «северянами». Это был своеобразный рыцарский орден, состоящий из людей, чуточку более сильных, мужественных, грубоватых и добрых, чем жители всего остального Союза.

«Сибиряками» чаще всего называли себя те, кто не только жил и работал, но и родился за Уралом. Да, когда мы идентифицировали себя в таком качестве, в нашем голосе сквозила затаенная гордость и скрытое превосходство над всем остальным человечеством. Мы с пеленок спим в сугробе, по утрам выгоняем со двора стаю белых медведей, плевком в глаз сбиваем с кедров белок и запросто пьем со снежным человеком. Причем только неразбавленный спирт...

Подавляющее большинство людей, героически и не очень работавших (впрочем, чаще использовалось слово «вкалывавших») в нашем крае, действительно не собиралось жить здесь на пенсии. Все стремились заработать на «жигули», кооперативную квартирку и югославскую стенку, а потом спокойно встречать старость в саду под цветущими вишнями.

С развалом Союза и началом рыночной эквилибристики ехать оказалось некуда, и тогда им вдруг понадобилась Родина. Не большая, которая «в твоём букваре», а та самая «березка во поле». Именно тогда люди почесали затылки и задумались – а кто мы, собственно? И услышали новое для себя определение – «югорчане». Попробовали его на вкус, покатали на языке и решили – годится!

Десять-пятнадцать лет назад шел активный процесс «самоидентификации». Герб, флаг, гимн, столица – надо, чтоб было все, как у людей. Что, и самобытная культура нужна? Гришка, ты ж юморески в «районке» тискал – будешь писателем. А ты, Петька, знатно карикатуры в стенгазете малевал – немедленно вступай в Союз художников, мастерскую тебе выстроим.

Спору нет, перегибов в духе постреволюционных времен тогда хватало. Как и аферистов, стремившихся нажиться на стремлении Югры встать на ноги. Как и энергичных дураков, готовых финансировать экспедицию на Килиманджаро, лишь бы на вершине установили наш сине-зеленый флажок. Подумать только, один энтузиаст сумел выклянчить кругленькую сумму из бюджета на то, чтобы транслировать телепередачи из округа жителям... Великобритании. Дескать, англичане плачут, ночей не спят, все просят показать им новости из жизни Саранпауля...

Да, денег на глупости было потрачено много. Но в то же время среди мусора, плевел, окалины, пены рождалось первое, пока еще робкое осознание того, что мы с вами – единое целое, Югра. Да, сегодня в первую очередь мы ощущаем себя когалымчанами, вартовчанами, урайцами и няганцами. Да, сургутяне по-прежнему тихо завидуют

соцкультбыту Ханты-Мансийска, а советчане – достатку жителей Югорска. Но смею думать, если вдруг где-нибудь на Бали местные вздумают обидеть кого-нибудь «из наших», то на помощь ему в первую очередь придут земляки-северяне. Без оглядки на то, в каком бывшем вахтовом поселке они живут...

В моей домашней коллекции есть немало дисков с песнями, которые во множестве писали (или заказывали) окружные учреждения, предприятия, муниципалитеты, простые жители: «Хантымансийскокртелеком в песнях», «Сборник песен о югорской милиции», «65 лет ГАИ-ГИБДД России», «Югорский трамплин», «Нахрачинская земля», «Самотлорский вальс», «Поет страна лесорубов», «Конда моя певучая» и т.д. и т.п.

Конечно, прослушивание подавляющего большинства этих произведений может вызвать лишь улыбку, но среди них были и весьма достойные вещи. Интересно другое: многие песни раньше постоянно звучали в эфире ТРК «Югра», на улицах и площадях во время массовых гуляний, на сценах Дворцов культуры. Это действовало на подсознание, заставляло ощущать причастность к чему-то большому, значительному, уважаемому, вызывало гордость и чувство общности.

Правда, потом в полном соответствии с местечковым менталитетом, нередко характеризующимся недостатком чувства меры, стало «круто» заказывать музыку у «федеральных звезд». Достаточно вспомнить модный одно время шлягер «Югорская долина», исполнявшийся очередными «поющими трусами» под названием «Стрелки». Что поделаешь, иногда отсутствие вкуса компенсируется количеством денег...

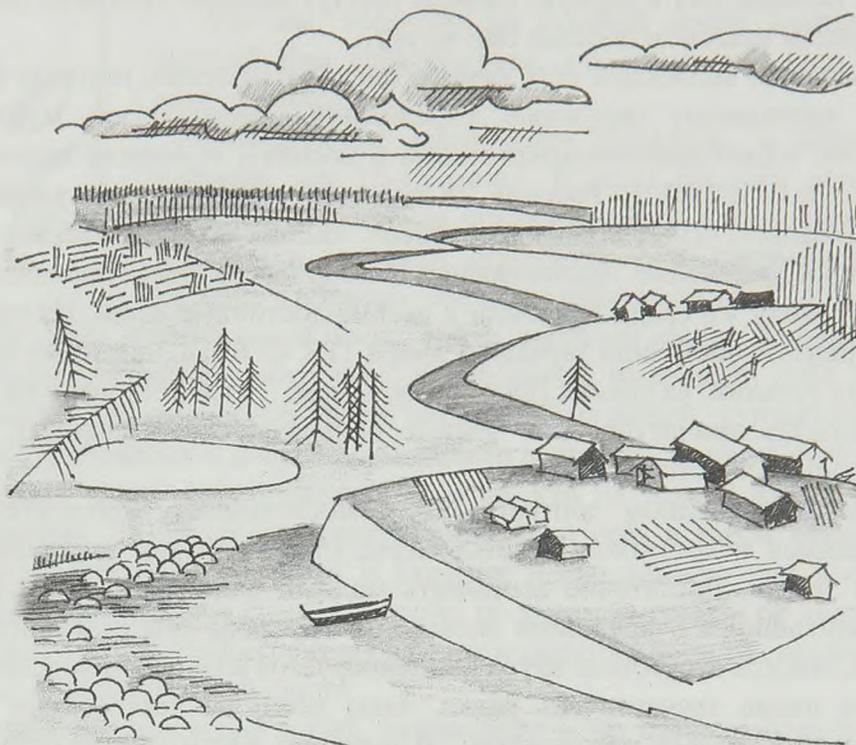
Сейчас эти песни звучат очень редко, чаще всего на чествовании пенсионеров или юбилеях нефтегазовых предприятий. В ротацию местных радиостанций они не включаются – не формат, говорят. Впрочем, это касается не только музыки. Скажем, существует негласное мнение не выпячивать такое самоназвание, как «сибиряк». Уж больно оно пахнет «сибирским областничеством», а у нас одна Родина – Россия.

В Ханты-Мансийске в «нулевых» нередко можно было попасть на концерты самодельных и профессиональных артистов из всех муниципалитетов округа. Так, накануне 70-летнего юбилея Югры проходила яркая акция «Дни городов и районов». Смею вас уверить, что по таланту многие из них не уступали тем исполнителям, которые назойливо лезут нам в душу с федеральных каналов. Сегодня таланты никуда не исчезли, их творчество можно увидеть, например, на «Выставка товаров земли Югорской» – в перерывах между покупкой селедки и дегустацией колбасы.

Да и вообще мы больше стали думать о хлебе насущном, чем о нравственно-этических категориях, в том числе и о своей самоидентификации. Наверное, это правильно. На смену романтикам и моралистам всегда приходят прагматики и рационалисты.

А может быть, и не имеет значения, как нас называть – чалдонами, югорчанами, кержаками или сибиряками? Может быть, это совсем неважно, «был бы человек хороший»?

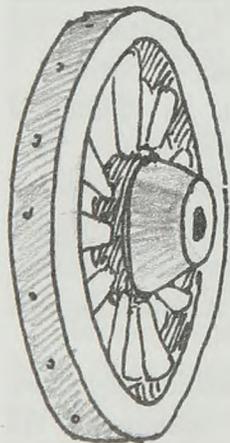
Как думаете?

...И ПОДМЫВАЕТ ОБЬ ВЫСОКИЙ БЕРЕГ

Тюркское слово «урман» обозначает тёмно-хвойную тайгу. При его упоминании в памяти сразу всплывают бурелом, папоротники в рост человека и зловещее уханье филина. Теперь представьте себе поселок с таким названием...

Но в реальности все совсем по-другому. На высоком берегу Оби среди действительно глухой тайги разбежались по логам несколько улиц. Строго говоря, здесь располагаются два поселка – Урманский и Краснотенинский, каждый со своим прошлым и настоящим. А вот будущее у обоих одинаковое – незавидное...

Кое-что о прошлом

К сожалению, в Урманном мне не удалось обнаружить интересующихся краеведением людей, в местной школе нет никаких материалов на эту тему. Стенды в коридорах образовательного учреждения рассказывают о чем угодно: экологии, отдыхе, истории страны, округа, только не о прошлом своего родного поселка. А ведь неинтересной истории просто не бывает!

Урманский строили сосланные в тридцатые годы представители различных «уклонов» и «разведок», «враги народа» и члены их семей. Валили лес, рубили бараки и избы, ловили рыбу, сеяли хлеб, плакали, смеялись, умирали, женились, рожали... Во время войны здесь расквартировали большой детский дом (на этом месте сейчас расположен детский сад). Колхоз держал по 600-700 голов скота, была своя звероферма, хорошо родилась пшеница.

Потом сюда пришли лесозаготовители и в полутора километрах от Урманного основали свой поселок – Красноленинский. Строили в основном на скорую руку двух- и четырехквартирные дома, никто не собирался оставаться здесь надолго. Но, как известно, в России ничто не оказывается более постоянным, чем временное. Леспромхоз рос, развивался, в хорошие годы давал Родине в год до 120 тысяч кубометров пиломатериала. А потом пришла демократия, будь она неладна...

Суровое настоящее

Сегодня в Урманном нет ни одного производства. Большинство жителей работает в различных коммунальных службах. Есть здесь свое отделение почты, сберкасса, «телевышка», потихоньку шмурыгает бревна пилорама – остаток былой леспромхозовской мощи, доски и брус идут на нужды поселка. Что еще? Больница, электростанция, котельная, школа, детсад, три магазина, две пекарни...

А еще – красавица-Обь, вокруг которой строится вся жизнь поселка. Рыбка в реке еще водится. Пока ждал немножко (всего на пять часов) запоздавший «Метеор», мужики за это время наловили на удочку по ведру порядочных щурят. С высокого берега видно, как вдалеке «плавают» обладатели моторных лодок – ждут подхода красной рыбки. И хотя, по словам жителей, на реке свирепствует рыбнадзор, практически еженедельно конфискующий снасти и шальных «сорových» муксунов, мужики продолжают выезжать на недозволенный промысел. Рыбацкая натура заставляет их воровски, пристально вглядываясь в горизонт, замечать в темную речную воду плавные сети...

Тем временем в самом поселке жизнь идет своим чередом. Из окон кабинета главы Урманной территории видно, как идут на прием к врачу мамы с колясками, пенсионеры – в «собес», коровы – куда-то по своим неспешным делам. Наш разговор с хозяином кабинета В. Прядко то и дело прерывают жители со своими заботами, просьбами, требованиями. Кстати, все, с кем довелось поговорить, в целом отзываются о Владимире Дмитриевиче положительно. Может быть, поэтому на посту главы он «мочает» уже второй срок?

По его словам, живет сейчас территория неплохо. Вовремя выплачиваются зарплаты, пособия, пенсии, жители держат коров, овец, косят траву. Здесь даже умудряются за год сдать в эксплуатацию один-два дома, которые затем бесплатно получают вдовы и пенсионеры, правда, без права приватизации. Имеется хорошая больница на 25 коек, куда обращаются не только урманчане, но и жители населенных пунктов Октябрьского района.

Главной проблемой остается отток молодежи из поселка. Ежегодно несколько человек уезжает в город, ведь здесь нет ни работы, ни возможностей для отдыха. На месте клуба высится груда головешек – он сгорел в прошлом году, удалось спасти библиотеку да кое-какой инвентарь. На будущий год запланировано строительство нового, а пока о культуре напоминает лишь облупившаяся афишка на дереве: «Видеосалон».

Фермеров-предпринимателей в Урманном не наблюдается. Причин тому много – и высокая себестоимость электроэнергии, и отсутствие рынка сбыта продукции, и даже инертность нашего мышления. Вот в близлежащем Сухоруково, где уже несколько лет существует крестьянское хозяйство, дела идут неплохо.

А урманчане все надежды связывают с нефтедобытчиками. Назымская экспедиция намерена здесь создать мощную подбазу, проложить автодорогу на северо-восток. Если сбудутся эти чаяния, то будут в поселке и новые рабочие места, и отчисления от

налогов, и перспективы. А пока в Урманном около ста человек из 900 жителей являются безработными.

Транспорт в Урманном функционирует почти нормально, до окружного центра можно добраться дважды в сутки по воде, в холодное время года функционирует зимник. У жителей достаточно личной техники: мотоциклы, «уазики», есть даже один джип, имеется свой катер «Костромич», баржа.

Проблемы создает телефонная связь. Ее особенностью является то, что любой разговор можно прослушать по обычному радиоприемнику. Прядко возмущается: «Если мы договариваемся с банком о доставке денег, то назавтра об этом узнает весь поселок...»

«Иной раз так отпонужает...»

«А люди у нас хорошие», – убежденно заявил Владимир Дмитриевич. В подтверждение этого мы со специалистом отдела соцобеспечения Марией Васильевной Шебановой едем «к бабушкам». Повидавший виды «УАЗ» резво скачет по разбитым дорогам поселка. Эта машина является местным общественным транспортом: доставляет малышей в садик, учеников – в школу, продукты – в магазин.

В «старом» поселке идем переулком, заросшим по колено травой, под шатром из раскидистых черемух. Тишина вокруг стоит невообразимая, прямо-таки давящая на уши городского жителя.

Домик, где живет Анфиса Федоровна Бердова, приткнулся над самой Обью. В свои 84 года хозяйка сохранила ясность мысли и память, хотя зрение и слух стали частенько ее подводить. О своей жизни бабушка рассказывает просто, без наигрыша и надрыва.

...В 1933 году их работающая семья вдруг узнала, что является «кулацкой». Как же – мельница у них своя, кузня, маслобойня.

Позволив взять лишь самое необходимое, их увезли из Аромашевского района сначала в Уват, потом в поселок Луговской. Отец «записался в рыбаки», в первый же год простудился и умер. После совершеннолетия Анфисе пришлось идти на лесоразработки. «Нас даже в Согом гоняли дрова пилить, потом баржи ими грузили. Тяжело было...»

Через три года встретила девушка свою любовь – тоже ссыльного Петра Платоновича. Сыграли тихую свадьбу, а регистрироваться не стали – некогда было. Сельсовет находился в Троице, а сразу обоих комендант туда не отпускал. Когда стали появляться на свет ребятишки, Петр ночами, после работы, бегал их записывать. «Никакого спасу не было. У нас тогда десятником Малышев-кривой числился, так он на работу палкой поднимал. Иной раз так отпонужает... Его через несколько лет самого заарестовали...»

А потом пришло большое горе – война. Вместе с другими деревенскими мужиками забрали в армию и Петра Платоновича. В первом же бою он погиб. Анфиса Федоровна осталась с тремя детьми на руках. Другие вдовы хоть мало-мальскую помощь получали, а они-то с Петром остались незарегистрированными...

До самого выхода на пенсию вдова работала: зимой дрова готовила, летом на покосе ломалась, пятнадцать лет трудилась дояркой. Замуж она так больше и не вышла. 27 лет назад приехала в Урманный, да так здесь и осталась. Поначалу жила своим домом, а в прошлом году перебралась к дочери, Валентине Петровне. Своя избушка разваливаться стала.

Сегодня у Анфисы Федоровны шесть внуков, четыре правнука. Пошаливает здоровье: «Нога сильно болит, кровь вот в печень кинулась». Часто сидит на крылечке

баба Анфиса, смотрит в заречные дали. Что вспоминает она в эти минуты: молодость, оставленную на лесоповале, молодого и красивого мужа, навечно ушедшего на фронт?..

Тяжело им приходится. Дочь тоже на пенсии, в магазин ходит два раза в месяц, на пекарню – дважды в неделю. И Обь подходит все ближе, подмывает высокий берег. Еще несколько лет, и их домик уйдет под воду. Сейчас одинокие женщины хлопчут о переезде в Упоровский район, поближе к внукам.

«Пенсионеры не обманывают...»

Конечно, разный народ живет в Урманном – и тихие, благостные старушки, и лихие люди. Нынче, например, местные парни «подломили» один из магазинов. Похитили, разумеется, водку, кое-какую закуску, а еще «Мальборо» – хотелось им, видимо, перед деревенскими «дульсинями» пройтись не с тривиальным «Памиром». Да Урманный – не Чикаго, дымить импортными сигаретами ребятам довелось недолго...

Кстати, о магазинах. Их здесь три: один принадлежит бывшему монополисту всех прибрежных поселков «Иртышречторгу», второй, с громким названием «Заходи! Дешевле – только даром», – частному лицу, третий – Самаровскому потребительскому обществу. Именно о последнем и пойдет речь. Находится он в «старом» поселке, отнюдь не на бойком месте. В нем чисто и тихо, пахнет конской упряжью и печеньем.

По словам И. Спиридоновой, в одном лице совмещающей должности завмага, продавца и технички, за день сюда приходит до десяти покупателей. Наибольшим спросом пользуются крупы, табачные изделия, колбаса – ее удобно брать на покос или на рыбалку. Часто заходят поболтать бабушки – где же еще можно встретиться деревенскому человеку с соседом! Обычной практикой в работе магазина является выдача продуктов «под запись». На вопрос – честно ли отдают потом долг, Спиридонова смеется: что вы, пенсионеры не обманывают...

Лесничего Урманного лесничества М. Архипова я застал во время составления сметы на продукты. Михаил Васильевич в лесхозе трудится уже 26 лет, в его трудовой книжке всего одна запись – о приеме на работу. В его ведении находится 258 тысяч га тайги, разбитый «УАЗ», моторная лодка и три подчиненных – помощник и два лесника. «Сейчас готовимся к пожарам. В нашем лесничестве второй год нет ни одного пожара, а в Троице, Кедровом, Нялино горит много». Лесники помогают тушить территорию, освещают тайгу, делают прочистки. В этом году освоили новый вид деятельности, и в Урманном заработало школьное лесничество. Под руководством специалистов дети огораживают муравейники, мастерят скворечники, вешают аншлаги.

Главными проблемами лесников остаются низкая заработная плата, отсутствие жилья, изношенная техника. «В этом году нам почему-то выдали весь положенный инвентарь, спецовки, даже сапоги. С чего бы это?» Да, крепко прижали русского мужика, если он радуется тому, что ему обязаны дать по закону...

Здесь же, в лесничестве, я познакомился еще с одним интересным человеком. Помощник лесничего Александр Герасимов родом из Горного Алтая, закончил Бийский лесотехникум, четыре месяца назад приехал сюда на практику. А теперь хочет остаться постоянно, собирается строить дом, если поможет администрация.

Спокойный, немногословный парень смотрит улыбочиво. «Как приняли? Хорошо. Чем увлекаюсь? Рыбалка, книги. Почему хочу остаться? Интересно начать новую жизнь с двумя чемоданами. О войне? Знаете, не хочу говорить...» Саша полгода воевал во время первой чеченской кампании. По отзывам односельчан, если видит сюжет из Чечни по телевизору, хмурится и сразу уходит...

Вот так и живет сегодня уютный поселок Урманый. В его судьбе, словно в миниатюре, отразилась жизнь всей России. Сколько тысяч городов и поселков построено руками заключенных? Кто считал, сколько миллионов гектаров бывших пшеничных и ржаных полей зарастает сегодня лебедой? Сколько вчерашних передовых механизаторов и ударниц-доярок потерялось в сегодняшней жизни? Сколько хороших деревенских парней и девушек сгинуло в городе?

А Урманый – поселок-сказка, лубочная картинка из детской книжки, неторопливо считает свои дни и годы. Что его ждет дальше, кто знает?

2000

Послесловие

Командировки в деревню привлекают меня еще и тем, что каждый раз дарят новые неожиданные знакомства и яркие эмоции.

...Будучи однажды в поселке Кышик, увидел у берега катер «Ярославец», который собирался отчаливать. Я решительно залез на борт, показал капитану журналистское удостоверение и попросил взять меня с собой. Кэп кивнул на группу людей, стоявших на палубе, – мол, я человек маленький, если разрешат, то милости прошу. Как оказалось, катер обслуживал администрацию округа, а в данный момент на нем катали членов делегации правительства Канады. Демонстрировали, так сказать, «рашен экзотик».

Получив милостивое разрешение на проезд, я уселся на лавочку, которая была установлена на носу, у самой рулевой рубки, вытянул уставшие за день ноги и принялся любоваться панорамой Оби, по которой мы неспешно шли. Правда, в какой-то момент я отметил, что шли мы странным зигзагом, как будто совершали противолодочный маневр. «Ярославец» заметно рыскал из стороны в сторону, то и дело кренился, проходя в опасной близости от бакенов.

Я обернулся, взглянул в стекло рулевой рубки и вздрогнул – за окном на меня со счастливой улыбкой тарацилось пучеглазое красногубое и большеформатное, черное, как вакса, лицо... Оно принадлежало канадской тетеньке-министру – не то природных ресурсов, не то по делам национальностей. Уж очень ей, оказывается, хотелось порулить «яхтой».

Представьте себе: вокруг – Сибирь, Обь, комары, язи и халеи. А посреди всего этого великолепия негритянка за штурвалом упорно пытается потопить «Ярославец» – вместе с экипажем, своими помощниками, переводчицей и случайно оказавшимся на борту журналистом. Сюрреализм чистейшей воды...

...Село Троица Ханты-Мансийского района. Основные задачи командировки выполнены, можно ехать домой, но «Заря» приходит лишь поздно вечером. Почесав в

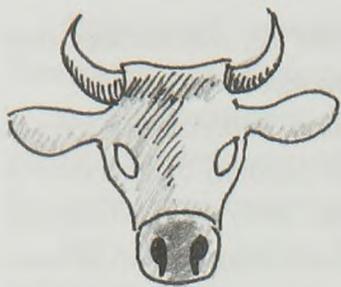
раздумьях затылок, я решительно вышел за околицу и двинулся на юг, где должен был находиться поселок Луговской. Для бешеного зайца десять километров – не крюк.

Сама дорога по берегу Оби, по буеракам, валежинам, грязи пересоших ручьев ничем особенным не запомнилась. Через пару часов я вышел на окраину Луговского и сразу же напоролся на группу странных мужчин, одни из которых явно были большими начальниками, другие – крепкими коротко стриженными молодцами. Мужчины насторожились и долго смотрели мне вслед. Тем временем я протопал в поселок, заглянул в местную администрацию, магазин, потом усмотрел у причала белоснежный «Ярославец» и, конечно же, целеустремленно полез на него...

Оказалось, что катер принадлежит тем самым «начальникам», которых я видел на окраине. При моем появлении те, что помоложе, стали заслонять тех, что постарше, причем раздались звуки, весьма похожие на щелчки передергиваемых затворов. В принципе, я их понимаю: сначала некий подозрительный субъект появляется из пустынной и безбрежной поймы, затем пытается взять их катер на бордаж. Тем не менее они не стали стрелять или выбрасывать меня за борт. Проверили документы, посмеялись и взяли с собой.

Устав за день, я блаженно сидел на палубе и записывал в блокнот дневные впечатления. Гостеприимные хозяева по очереди подсаживались ко мне, расспрашивали о работе, угощали арбузом. По возвращении в Ханты-Мансийск мы вежливо раскланялись, и я убежал. В то время (2000-й год) я еще не знал в лицо первых руководителей УВД округа, равно как и заместителя Генерального прокурора РФ, приехавшего курировать расследование только что произошедшего в Ханты-Мансийске убийства прокурора округа Юрия Бедерина...

Так и получается – стоит приехать в самую захолустную югорскую деревушку, как тут же напорешься или на импортного министра, или на отечественного замгенпрокурора... Тенденция, однако...

ДЕРЕВНЯ В ГРАФЕ «УБЫТКИ»

У каждого населенного пункта своя судьба. Растут и богатеют вчерашние поселки вахтовиков, хиреют некогда богатые и вольные села, появляются новые города, исчезают деревни... Но если у городов есть будущее, хорошее или не очень, то завтрашний день малых поселений проблематичен. Этого самого «завтра» вообще может не оказаться, если сегодня не сделать реальных шагов для подъема сельского хозяйства, не оказать помощи деревне.

Мы с тобой – два берега...

Когда-то Ханты-Мансийский район был исключительно сельскохозяйственным. Мясо, молоко, рыбу, пушнину давал Родине тысячами пудов, литров и штук. Тогда и сами деревни были веселыми – с сельповским изобилием, кино, танцами, неплохой зарплатой.

Перестройка сломала все, что только можно было, моровым поветрием прошлась по Руси. Деревня за несколько лет состарилась, обнищала, оказалась никому не нужной, прочно заняв место в графе «убытки». В последнее время с помощью нефтедоллара положение в глубинке нашего округа несколько стабилизировалось. Остановился камушек на самом краю, замер в хрупком равновесии. Куда дальше – вниз, уже безвозвратно, или?..

Поселки Белогорье и Кирпичный находятся рядышком, разделенные лишь обской гладью. У каждого из них есть свои особенности. Белогорью уже не одна сотня лет («С татарского ига здесь живем», – сказанул один из местных), Кирпичный или Кирзавод, как его до сих именуют, начал свой отсчет с тридцатых годов прошлого века. Он почти в два с половиной раза больше по численности своего соседа, вытянулся вдоль берега на добрую версту. Белогорье же рассыпало свои домишки компактно и прихотливо. На этом, пожалуй, крупные различия и заканчиваются. Общего у них куда больше.

О бедном Кирпичном замолвите слово...

Вопреки названию, в поселке практически нет капитальных зданий. Пара каких-то сараев да развалившийся туалет – вот и все следы более чем полувекового производства кирпича. Обычные бревенчатые избы, две-три поновее, с мансардами и верандами.

На улице идет своим чередом обычная жизнь. У магазина отрешенно уставилась в пространство лошадь, впряженная в сани, рядом трактор безуспешно пытается прочистить дорогу, за домом рвет движок застрявший в снегу заезжий джип. Прошлое, настоящее и эфемерное будущее, которое выкарабкается из заноса и умчится в другие края...

В здании с флагом на крыше оживленно. Оказывается, в этот день намечался сход, на котором должны выбрать старосту поселка. Пока же власть здесь олицетворял мастер ЖКХ Юрий Владимирович Углич – кряжистый, основательный мужчина. Он и рассказал о том, чем живет сегодня Кирпичный.

Начало ему, как и многому другому в Сибири, положили спецпереселенцы. В начале 30-х годов у подножия крутых увалов, на месте летних юрт ханты, были поставлены первые бараки. Специалисты давно отметили высокое качество местных глин, поэтому тут сразу наладили изготовление кирпича, столь востребованного на стройках молодого округа.

Производство процветало до самых последних времен. Объединение «Главтюменьгеология», на которое было нацелен выпуск продукции, нуждалось в стройматериалах. В лучшие годы местный Усть-Иртышский леспромхоз заготавливал до 40 тысяч кубометров леса, из них 10-15 тысяч перерабатывалось на месте, завод выдавал по

4-5 миллионов штук кирпича в год. В середине 80-х поставили современное оборудование, запустили новую линию, но тут подкрались реформы и от души шмякнули селян рыночной дубиной.

Завод и леспромхоз были быстренько признаны банкротами, к управлению ими пришли коммерческие структуры. И начался развал. Прекратилось производство, неведомо куда увезена значительная часть оборудования. Сегодня в дырявом ангаре ржавеют остовы лесовоза и двух самосвалов, оставшихся от сотни единиц автотехники...

В поселке проживает восемьсот человек – на треть меньше, чем десятилетие назад. Официально зарегистрировано 25 безработных, еще примерно столько же по разным причинам не хотят вставать на учет. Основными работодателями являются жилищно-коммунальная сфера, школа, детский сад, врачебный пункт с хосписом, где нашли приют инвалиды со всего района.

– Мы занимаемся исключительно самообразованием, – сокрушается Углич. – Поселок является потребителем, не производя ничего.

Когда начали создавать участок ЖКХ, чтобы делать ремонт домов, поддерживать дороги, следить за состоянием тепло- и электросетей, то вдруг оказалось, что для этого нет базы. Варварски раскурочены щитовые, электродвигатели, станки, лесопильные рамы – иногда ради нескольких килограммов меди или алюминия. Чтобы выточить пустяковый болт или гайку, теперь нужно ехать в город... Из-за плохого качества воды часто выходит из строя система теплоснабжения, больше двух сезонов не выдерживают котлы. А имеющаяся станция химводоочистки нужного эффекта не дает – нужно менять трубы...

ЗАО «Ханты-Мансийсклес» собирается открыть здесь участок с перспективой заготавливать до 30 тысяч кубометров леса. Лесобаза для этого хорошая, деляны будут располагаться всего в 6 километрах от поселка. Если найдут работу хотя бы два десятка жителей поселка, то это будет уже прорывом вперед. А там, чем черт не шутит, и столярка откроется. И вернутся мужики домой из вахтовых поселков Приобского месторождения, нефтепромыслов Самоглора,строек Ханты-Мансийска... Устал от всей этой свистопляски народ, работать хочется...

Если у лесного промысла наметились кое-какие реальные перспективы, то у кирпичного все происходит с точностью до наоборот. Под боком имеются большие запасы глины, качеством которой восхищались заезжие специалисты из Болгарии и Хорватии. Ее можно добывать открытым способом, выпускать неплохой кирпич, керамические изделия. Только вот, кроме глины, ничего больше от производства не осталось...

Рашиен экзотик

В который уже раз удивляюсь, как быстро ветшают постройки без человеческих рук. А если эти самые руки еще и помогут ветру да дождю, то через десяток лет здесь даже археологам делать будет нечего.

Завод находится несколько в стороне от поселка. Больше всего он похож на взятый штурмом рыцарский замок – та же полуобвалившаяся главная башня-донжон, выщербленные зубчатые стены с бойницами, загадочные подземные ходы с ржавыми цепями и неясными тенями, воронье на скрипучих воротах... Здесь получились бы великолепные натурные съемки любого боевика или фильма ужасов.

До боли жалко смотреть на остовы некогда могучих станков, конвейеров, печей, безжалостно изувеченные двигатели, вырванные кабели. На стенах запечатлены философские размышления местного подрастающего поколения: «Мы не рабы, рабы

не мы», «Мы – дети подземелья. Нам здесь живется хорошо». Куда уж до подобной экзистенции городским банальностям вроде «Вася – лох» или «Децл – это круто». Что вырастет на этих «графских развалинах»?

Реанимировать бранные останки производства нечего и пытаться. Ко всему прочему, завод стоит в логу, на живуне. Когда-то имелась система откачки воды, позволявшая нормально работать. Когда-то...

Но ведь не разучился народ работать за последние пятнадцать лет. Наоборот, нужда заставила думать и действовать неведомыми прежде путями, искать новые способы выжить. Скажем, про таких, как А. Гаиль, прежде говорили «Мастер – золотые руки». Купил, по сути, металлолом, восстановил из него трактор, сделал подъемник, нож, теперь после основной работы помогает соседям. Вон в прошлом году вывез всему поселку сено, подбрасывал дрова, заливал переправу через Обь. Такой же труженик и его брат, у обоих имеется по несколько рабочих специальностей.

Зато подросткам после уроков заняться нечем. Впрочем, как почти в любом маленьком населенном пункте. Нет, клуб, конечно, имеется, только кино давненько уже не показывают, а на танцы под магнитофон ходит лишь десяток энтузиастов...

Тайна «Белой горы»

На противоположном берегу реки который уж век уютно дремлет деревня Белогорье. Который именно – об этом с уверенностью не мог сказать ни один из опрошенных местных жителей. Впрочем, такой же тайной было для них и само название деревни – никакой «Белой горы» они отродясь не видывали. Зато показали относительно крепкий домик, возраст которого, как утверждают, сто двадцать пять лет.

То, что здесь нет никакой «советской власти», стало ясно уже на околице, где бедный редакционный «Соболь» с трудом осилил переметенный ложок, а застрял прямо на «центральной площади» деревни.

Тишина, патриархальность, запустение царят в Белогорье. Триста жителей, фельдшерский пункт, непрменные школа-детсад, четыре магазина и крестьянско-фермерское хозяйство «Белогорье». О наличии последнего свидетельствовали высокие шапки стогов сена и далеко слышное призывное конское ржание. К сожалению, директора Е. Остера на месте не оказалось. О делах хозяйства немного рассказала одна из работниц – инспектор отдела кадров, по совместительству кассир Т. Кугаева.

Кроме нее, здесь трудятся еще тридцать человек. На их попечении находится сотня коров, чуть меньше лошадей, имеется и своя звероферма. Сметану, творог потребляет недалекий Ханты-Мансийск, а вот молоко туда не возят – слишком накладно. Непросто живется сегодня людям, собственным умом и руками строящим свое благополучие. Хотя какое тут благополучие – выжить бы. Трудно конкурировать местным производителям с засильем дешевого привозного товара, из-за этого невелика и заработная плата. Как следствие, не спешит деревенский люд устраиваться на работу скотниками, доярками, впрягаться в лямку тяжелого крестьянского труда. Многие предпочитают отхожий промысел.

В августе прошлого года у Татьяны Ильиничны случилась большая радость – из армии возвратился сын Александр, живой и здоровый, «только очень худой». Немало по сегодняшним временам, особенно если учесть место его службы – мятежная Чечня, десять месяцев в горячем Аргунском ущелье, которое едва ли не еженедельно упоминается в сводках новостей. Сейчас сын учится на водителя, но вот устроится ли

на работу – неизвестно, ведь найти себе приемлемый угол в столице округа гораздо сложнее, чем застолбить участок на Луне. Недавно чеченская мясорубка благополучно выпустила из своих жерновов еще одного белогорца – Евгения Трофимова.

Кажется, еще вчера люди и не помышляли о переезде в город. Здесь всегда было тихо, спокойно, стабильно. Сегодня многие говорят: «Построили бы нам в городе одну пятиэтажку и переселили сразу всю деревню. А над входом табличку повесили: «Деревня Белогорье»... Кто знает, есть ли резон в этих словах? До сих пор федеральные власти не определились – нужна ли им вообще российская деревня? Во всяком случае, заботу о себе сельчане видят лишь от окружных и районных структур.

А ведь будет очень жаль, если карта округа пополнится новыми приписками к названиям поселков и деревень: «нежил.», «нежил.», «нежил.»...

2001

Послесловие

Прошло тринадцать лет с момента написания этой зарисовки. Изменилось ли что-нибудь с тех пор в жизни поселков? Почти ничего. По-прежнему нет работы, местных жителей кормят бюджет и рыба. О возрождении хоть какого-нибудь производства здесь и не помышляют.

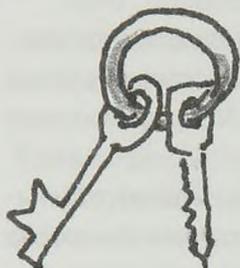
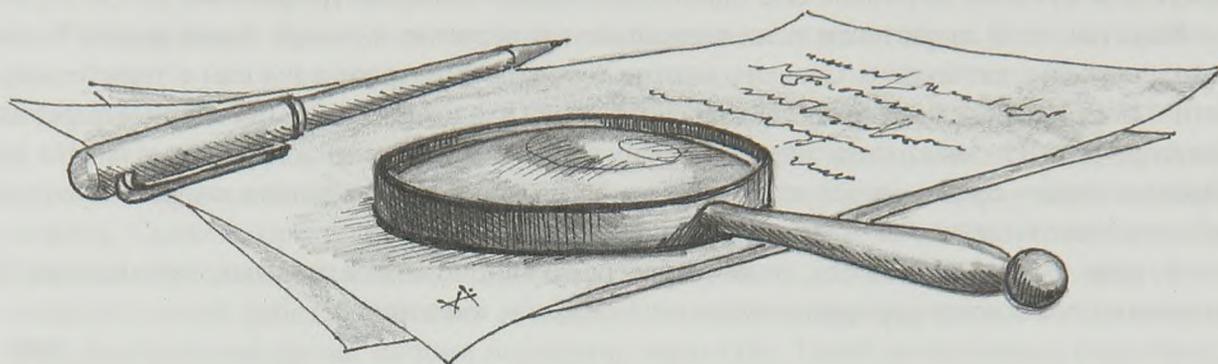
Правда, в последнее время стали появляться новые жители – дачники. Ушлые ханты-мансийцы, пользуясь сравнительной близостью поселков, принялись скупать некогда добротные домики. Летом они приезжают в свои владения, выращивают экологически чистую редиску и жарят шашлычки. Ну, во всяком случае, аборигенам теперь есть кому продавать молоко.

Реализована и высказанная мной идея переселения крестьян. В позапрошлом году под нож бульдозера пошли две «неперспективные» деревни в Ханты-Мансийском районе. Правда, для тамошних жителей выстроили не пятиэтажку, а пару рядов стандартных домиков, обшитых молдингом. В деревне Ярки – под боком окружной столицы.

Постигнет ли эта судьба Белогорье и Кирпичный? Искренне надеюсь, что нет.

Эта местность своими корнями уходит в глубокую древность. Много веков существовало сильное Белогорское остяцкое княжество. По данным летописей и изустным воспоминаниям, где-то неподалеку хранилась Золотая Баба – самый легендарный и баснословный артефакт Сибири. А практически на месте современного Кирпичного некогда находился Белогорский городок – первое русское поселение за Уралом.

Казалось бы, грех не воспользоваться столь весомым историческим «наследством» и близостью Ханты-Мансийска. На Западе ушлые господа уже давно бы проложили сюда туристический маршрут, поставили «на тихом берегу Иртыша» камушек, на котором якобы сидел Ермак, «объятый думой», и стригли купоны. Но мы предпочитаем прозябать, пить и ждать милостей – от природы, бюджета и Господа Бога...

КВАРТИРУ – ЗА «ПУЗЫРЬ»?

Все-таки мы с вами живем в относительно благополучном регионе. Многие социальные язвы «большой земли» нам неведомы, или их проявления встречаются столь редко, что превращаются для нас в элемент детективного романа. Скажем, каждый слышал о деятельности «черных риэлторов», скупающих квартиры у стариков или у асоциальных типов. Прежних хозяев в лучшем случае находят на свалке, в худшем – вообще не находят. У нас в Ханты-Мансийске «черных риэлторов» нет. Все совпадения их примет с героями нашего рассказа – случайны...

«Полюбовное соглашение»

Двухкомнатная квартира № 17 в деревянном доме № 184 по улице Гагарина принадлежала М.П. Крыловой. Она скончалась в июле 2007 года, через полгода умерла ее сноха Людмила. В квартире остались проживать сын Марии Павловны – Валерий и внук Петр, граждане, мягко говоря, пьющие и живущие несколько в иной реальности, чем мы с вами. И не торопитесь их осуждать, читающие. Знаете ли вы, например, о том, что Валерий воевал в Афгане? А его сын Петр в 1994 году получил контузию в кровавой Чечне? Чужая душа – потемки...

Впрочем, не всегда и не для всех. Нашелся в городе человек, который глубоко проникся искренней любовью к Крыловым. Зовут этого самаритянина Сагиф Вагиф-оглы Аллахвердиев. Мужики часто подрабатывали в его лавке, продукты разгружали, делали мелкий ремонт. Присмотревшись к ним, Сагиф Вагиф-оглы стал их привечать и каждый раз по доброте душевной «пузырек» ставить.

Через полгода регулярных и обильных возлияний Валерий Крылов (как получатель наследства от своей матери Марии Павловны) написал доверенность на некую 30-летнюю жительницу города Татьяну Черных, предоставив ей право безраздельно распоряжаться его квартирой. Которая и была продана 7 апреля 2008 года гражданину Аллахвердиеву за 500 тысяч рублей.

В июне того же года новый собственник по решению суда снял Крыловых с регистрационного учета в данной квартире и тут же перепродал ее гражданке Басковой (по словам ее мужа – за 2,5 миллиона рублей). Это факты, подтвержденные документами. А дальше мы с вами переходим в область мнений, доводов и слухов.

Как рассказывают Крыловы, с Аллахвердиевым они заключили полюбовное соглашение. Согласно ему «новый друг» должен был купить им однокомнатную квартиру, а разницу в стоимости выплатить наличными. Безраздельно доверившись добросердечному другу, Валерий не глядя подписывал любые документы. Более того, подмахивал даже чистые листы бумаги.

«Продав» квартиру, Крыловы стали спокойно дожидаться денег и нового жилья. Правда, вскоре они не смогли попасть в свое прежнее. В двери стоял новый замок, а все их вещи были выброшены на ближайшую «мусорку». Погоревав и распив очередную бутылочку, папа с сыном разделились – с началом морозов Петра приютила бабушка-соседка, а Валерий обосновался под лестницей в своем родном подъезде...

Как они живут? А вы попробуйте себе представить. Люди оказались без денег, крыши над головой, регистрации, без будущего. Если они завтра исчезнут, то их никто не хватится. Они никому не нужны.

Такие граждане беззащитны перед любым произволом.

Сейчас, например, межрайонная прокуратура проверяет показания Петра, согласно которым накануне Нового года его задержал сотрудник милиции М. и доставил в отделение. Там он сообщил Петру, что он подозревается в совершении изнасилования. Изъял у него паспорт, социальную карточку ветерана боевых действий и два сотовых телефона, один из которых Крылов только что купил в подарок своей квартирной хозяйке.

После этого М. велел парню два часа ждать. Добросовестно отсидев это время в коридоре, Петр... отправился искать по кабинетам «своего» милиционера. Не найдя, ушел восвояси. С тех пор он не видел ни М., ни документов, ни телефонов. Я несколько не удивлюсь, если завтра его обвинят в перепродаже Аляски китайцам или перевозке тонны героина. Нет человека – нет проблемы...

«Я все сказала!»

Ну, а нам пора дать слово стороне противоположной... извините, опечатка вкралась. Конечно – стороне противоположной. Противной, так сказать, стороне. Кто его знает, может быть, все, рассказанное Крыловыми, – ложь? Может быть, добросовестный покупатель Аллахвердиев выплатил всю сумму продавцам, теперь попросту наговаривающим на хорошего человека?

У нашего повествования есть еще один герой, вернее, героиня, о которой я до сих пор умалчивал. Честно говоря, попросту не знал, как полочнее подступиться к этому человеку.

Из показаний Крыловых явствует, что самое непосредственное участие в процессе продажи квартиры принимала родственница Аллахвердиева – адвокат Ольга Пириева. Некоторые бумаги Крылов даже подписывал в огороде у дома Ольги Николаевны. Именно к Пириевой я первым делом направил свои стопы. Кто, как не адвокат, расскажет мне правду об этом деле.

Захожу. Представляюсь. Интересуюсь, помнит ли она обстоятельства продажи квартиры Крыловых? Уверенная улыбка не сходит с уст Ольги Николаевны:

– Данный гражданин обратился ко мне с просьбой оказать юридическое сопровождение сделки по продаже его недвижимости. Я ему отказала. Больше я гражданина не видела. Если он сомневается в законности совершения сделки, пусть обращается в суд. Я все сказала.

Рот собеседницы захлопнулся и вновь растянулся в улыбку. Честно говоря, я растерялся. В моем портфеле лежали документы, неопровержимо свидетельствующие

о том, что Пириева принимала самое непосредственное участие в деле «квартиры №17» – но они были ничто по сравнению с этой улыбкой превосходства на лице Будды...

Оставим пока Ольгу Николаевну в нирване и перейдем к еще одной героине нашей истории – Черных. Найти ее телефоны оказалось несложно. Не ожидавшая звонка, Татьяна призналась, что принимала участие в продаже квартиры. Поначалу пообещала встретиться, но на следующий день от randevу отказалась, бросила трубку и с тех пор на звонки не отвечает. К чему бы это, а?

Удалось дозвониться и до господина Аллахвердиева. Он признал факт совершения сделки, сказал, что передал Крыловым через Черных 1 миллион 200 тысяч рублей, и пообещал назавтра приехать в Ханты-Мансийск, встретиться со мной лично и предоставить все документы, которые якобы находятся у Пириевой.

– Ольга Николаевна является вашей родственницей?

– Да, она жена моего брата.

Однако минут через десять Сагиф Вагиф-оглы перезвонил мне сам:

– Извинит, я не смогу приехать. Я живу в другом город. И говорыт не могу. Щас я буду для вас недоступен. Все, щас... Бып-бып-бып...

Что подделаешь, абонент с тех пор находится вне зоны журналистского доступа. Зато остается в зоне доступа других структур, которые могут проверить все обстоятельства данного загадочного дела.

Вопросы без ответов

А вопросы, согласитесь, возникают. Во-первых, сделку совершали от лица Валерия, на основании его права на наследство своей матери – по закону. Но, оказывается, еще в декабре 2003 года нотариус О. Дериш удостоверила завешание Марии Павловны – свое имущество она оставила снохе Людмиле. Естественно, после смерти последней в разряд первоочередных наследников должен попасть и Петр Крылов. Но об этом завешании родственники узнали лишь после продажи квартиры. Интересно, можно ли в связи с этим обстоятельством опротестовать совершение сделки?

Во-вторых, совершенно непонятна позиция граждан, выступавших на стороне приобретателей жилья: Аллахвердиева, Пириевой и Черных. Почему они столь упорно отказываются встречаться и рассказывать правду об обстоятельствах совершения сделки? Неужели не понимают, что такая позиция наводит на закономерные выводы о наличии признаков противоправных деяний?

Надеюсь, правоохранительные органы во всем разберутся и раздадут «всем сестрам по серьгам». В данном конкретном случае. Но, по словам Петра Крылова, за последний год он уже встречал в Ханты-Мансийске людей, которые стали жертвами «черных риэлторов» и лишились жилья. Один из них летом жил в землянке за городом, с наступлением холодов его следы затерялись...

2009

Послесловие

Даже спустя год после опубликования данной статьи ситуация у Крыловых не изменилась. Дело все так же вяло полоскалось в недрах правоохранительных органов. Интересно другое: ни Аллахвердиев, ни Пириева, ни Черных даже не попытались возмутиться этой публикацией, обелить свои «честные имена» и подсушить подмоченную репутацию. Выходит, не бывает дыма без огня.

ТАЙГА НА ВЫНОС

В средние века сюзерен (король, царь, хан и т.д.) раздавал свои земли особо выдающимся приближенным. Скажем, если боярин какой на войне руку терял, то царь за то ему деревеньку отписывал, для вечного кормления. Отличился в бою воевода – получи уголья пашенные али лес с бортями. В XXI веке государство Российское раздает свои земли кому попало. Просто так...

Прокурор – медведь...

В редакцию пришло письмо от одного из читателей, Евгения Краснова: «С 1992 года я провожу свой отпуск, занимаясь охотой и рыбалкой на угодьях за поселком Пырьях. За эти годы выстроил четыре охотничьих избушки в местах охоты, достраиваю домик в Пырьяхе. С местным населением контактирую нормально, ни с кем не ссорюсь.

После принятия нового Лесного кодекса уголья, которые я осваивал 17 лет, оказались в аренде у ОКМНС «Нарь-Ях», председатель С. Сагиров. В прошедший сезон 2009-2010 гг. я заехал охотиться в уголья без лицензий и путевок, т.к. у Сагирова их не оказалось. Выйдя в поселок за продуктами 10 ноября, я все-таки купил у председателя общины путевки на боровую дичь и соболей, лицензий на соболей у него опять не было. Перед самым наступлением морозов, 5 декабря, я закрыл ловушки и выехал в город.

3 марта я заехал в уголья, чтобы прибраться в избушках, заготовить на следующий сезон дрова, порыбачить и просто отдохнуть, был без оружия. У моей избушки находились Сагиров и двое молодых людей, три собаки, стены избушки были увешаны оружием. На мое замечание о том, что мне в моей избе с ними будет тесно, Сагиров отреагировал негативно, начал пугать меня влиятельными людьми из районной и окружной администраций, правоохранительных органов. Избу освободить отказался, сказав, чтобы и в другие избы я тоже не ездил.

Кроме того, со стороны Сагирова были попытки брать плату с приезжих охотников и рыбаков за транзитный проезд по бывшей лесовозной дороге, проходящей через уголья общины и являющейся фактически дорогой общего пользования в сторону г. Лянтора. Также были попытки брать плату за рыбную ловлю на реке в границах угодий. Сагиров просто не пускал жителей Пырьяха на реку. На угодьях за два года существования общины не сделано ничего для их освоения. Из моих избушек пропадает инвентарь, ГСМ, продукты.

Прошу вас помочь вернуть Сагирова в законные рамки, т.к. люди могут устать от его выходок и сделать это сами. А также, во избежание повторения конфликтных ситуаций на территории общин, считаю необходимым обеспечить прозрачность их деятельности. То есть обеспечить законное право населения знать, какие права, на какие виды природопользования имеет конкретная община, какие права остаются у остального населения. Общины являются «темной», закрытой территорией. А остальным как жить? Где ловить рыбу, собирать грибы, охотиться?»

Пока «люди не устали», надо было ехать на место и выяснять – неужели и вправду объявился в поселке новый «хозяин тайги»?

«Человек законности»

Надо сказать, что все жители Пырьяха (за исключением местного старосты) были единодушны в оценке деятельности Сергея Сагирова. По их словам, новоявленный

«хозяин» появился в тайге больше года назад и сразу принялся наводить порядок, заявив, что теперь все будет «строго по закону». Точно как волк из старого советского мультика: «Если кто в лесу что найдет – это я потерял!» Сагиров пожелал жестко контролировать даже сбор дикоросов, посулив запретить местным жителям собирать грибы-ягоды.

Пырьяхские мужики утверждают, что новый рачительный хозяин взял под свою опеку не только тайгу. Один из них, ранее работавший на Сагирова, рассказал, что «начальник» выезжал на Обь, представлялся рыбакам «инспектором рыбнадзора», проверял лодки и конфисковывал рыбу. Пытался он брать плату и с автомашин, проезжавших по лесовозной дороге.

Самое время было идти знакомиться с «председателем общины коренных малочисленных народов Севера». Ба-а-а, знакомые все лица! Вот только совсем не похожи они на представителей «коренных малочисленных».

– Да, к ним я не отношусь, – признается Сергей Сагиров. – Но в нашу общину входят еще четыре жителя Кышика, которые являются аборигенами. Мы образовали «Нарь-Ях», чтобы вести традиционное природопользование. Местные тут привыкли бесконтрольно всем пользоваться, птицу поголовно выбивают, зверя. А теперь хозяева появились, то есть мы. Сейчас изучаем территорию, подсчеты ведем. Вскоре займемся хозяйством, базу построим, перевезем сюда оленей, человека вон собираюсь учить на егеря.

Да, с местными конфликты были. Взять, скажем, Краснова – избушки построил незаконно, лес на них не выписывал, лицензии мне до сих пор не сдал. И перестрел у него был. Да, в марте я с друзьями жил в его избушке – они же стоят на угодьях нашей общины. Так он выгонять нас начал, друзьями своими страшать.

Да, я предупреждал местных, что грибы и ягоды на наших угодьях собирать нельзя. Если хотят, то пусть собирают и нам сдают, а мы им за работу заплатим.

Да, я проезжающие машины останавливал. Нет, денег за проезд не требовал, а лишь предупреждал, чтобы здесь не ездили. Какие могут быть деньги, ведь я – человек законности!

По Маврикию на человека

Закон автономного округа об охоте гласит: преимущественное право на получение угодий отдается лицам, принадлежащим к коренным малочисленным народам Севера. Именно поэтому председатель районного комитета по делам народностей Севера П. Лозвин в 2008 году обратился в окружное управление по использованию рыбных и охотничьих ресурсов с официальным письмом: «В с.п. Кышик зарегистрирована и готова осуществлять традиционные виды деятельности, обеспечивая при этом трудозанятость коренного населения поселка, национальная община «Нарь-Ях», имеющая для этого необходимую материальную базу. Учитывая отсутствие претензий других национальных общин на заявленные охотугодья, прошу закрепить охотничьи угодья НО «Нарь-Ях» для обеспечения трудозанятости коренного населения п. Кышик».

И в ответ на это душевное письмо господин Сагиров (а других «членов общины» в этих местах отродясь не видывали) за 200 рублей сроком на 10 лет получил в безраздельное пользование почти 30 тысяч га тайги. А всего общине «Нарь-Ях», напомним, состоящей из 5 (пяти) человек, выделено 5 участков общей площадью... 128 600 гектаров! Это чуть меньше острова Маврикий, но гораздо больше Сан-Томе и Принсипи, на этой территории запросто могут уместиться такие государства, как Сингапур, Андорра и Мальта...

Задумана эта система федеральным центром была неплохо. Охотпользователь – прежде всего инвестор, вкладывающий средства в развитие полученных им угодий.

Он строит базу, прокладывает дороги, заботится о расширении поголовья животных – как это происходит в некоторых других регионах России. Там серьезные хозяева сами содержат штат квалифицированных егерей, закупают и подкармливают кабанов, оленей, косуль, зарыбляют водоемы, успешно борются с браконьерством.

В результате охотники за весьма кругленькую сумму получают возможность отдохнуть в комфортных условиях. Их встречают, доставляют на уголья, кормят, укладывают баиньки, обеспечивают гарантированную дичь, а потом обрабатывают трофей. Это и называется цивилизованным сервисом. А у нас наблюдается совершенно иная картина.

Новые помещики

Почему наши власти бездумно и бесконтрольно раздают тайгу? Единственный критерий, который они соблюдают, это сохранение 20% охотугодий в качестве территорий «общего пользования». Но никто не думает о том, что эти территории находятся в глубине тайги, куда можно долететь только вертолетом. Скажем, в лесах вокруг того же Пырьяха нет ни одного свободного гектара, все роздано либо «родовикам», либо охотпользователям. В результате любой другой охотник либо вынужден платить мзду арендаторам, либо автоматически становится нарушителем закона.

Простите, а за что платить? Второй год владея угольями, «Нарь-Ях» под чутким руководством господина Сагирова ничего не сделала для обустройства территории. «Хозяин» живет в чужих избушках, «строит» только местное население и пытается получить за это деньги. За это время он ни разу не собрал сход граждан, не объяснил народу причины своего внезапного появления в качестве «воеводы», не попытался договориться с обществом. А государственная власть, получается, ничего не может с этим поделаться, более того – попустительствует «помещикам».

Серьезность данного положения прекрасно осознают чиновники, в глубине души даже возмущаются, но вслух об этом не говорят. Что толку, Москва все уже решила, а плевать против ветра небезопасно.

По некоторым данным, в прошлом году в одном из районов нашего округа уже было совершено тяжкое преступление на почве конфликта между охотниками и охотпользователями. Конфликты наверняка будут множиться, пока наше государство не отремонтирует порочную систему раздачи земель в первые попавшиеся руки...

Послесловие

Если взглянуть на карту, то выяснится, что все более-менее лакомые кусочки тайги отданы государством таким вот горе-арендаторам. Урманы давно и прочно оккупированы сагировыми. Простому охотнику, вздумавшему съездить за рябчиками, вряд ли удастся оставить машину на трассе и войти в лес – кругом понатыканы анишлагги «Охота запрещена, уголья нового помещика».

Скорее всего, когда-нибудь государство спохватится, решится навести порядок в сфере лесопользования и повыгоняет сагировых из тайги. Если, конечно, к тому времени тайга еще сохранится...

СОБАКЕ – СОБАЧЬЯ СМЕРТЬ?

На улице Труда в Ханты-Мансийске царят страх и ужас. И смерть. Сюда она не приходит – приезжает. На сером «уазике-таблетке». Едва завидев его, рыжая красавица Лиска с поджатым хвостом прячется под крыльцо. Туда, где совсем недавно умирала ее подружка Нюся.

Собачья смерть орудует не допотопной косой, теперь она вооружена современной мощной винтовкой, плюющей страшными иголками. Подъезжает к ничего не подозревающей псине эта «таблетка», открывается у нее окошко, появляется ствол. Секунда – и в лохматое собачье тело втыкается игла.

Собачья смерть выглядит совершенно буднично. Носит штаны и куртку, получает зарплату в МУП – «Дорожно-эксплуатационное предприятие». И даже выполняет якобы благородную миссию – очищает город от бродячих псов, порой действительно создающих нешуточную угрозу для людей. И укусить они запросто могут, и заразу разносят, и давят пернато-меховую мелочь в парках да окрестных лесах.

Но смерть, как ей и положено по статусу, не разбирает псов на бродячих и домашних, злых и добрых, имеющих ошейник или одних только блох. Любое четвероногое, оказавшееся в пределах прицельной дальности, рискует получить заряд в бок.

Первое прикосновение смерти люди и звери почувствовали минувшей зимой. Тогда у соседей стали пропадать дворовые собаки. Вроде только что была рядом, ластилась у ног, потом погналась за сорокой – и больше ее никто не видел. Вернее, нет, увидели – но уже весной, когда начал сходить снег. Сначала вытаял один Шарик, потом – Дружок, следом нашли под забором сразу нескольких щенков. Они хорошие были, упитанные и лохматые, все соседи их подкармливали, ребятишки с ними тетешкались.

Мертвых собак находили во дворах и даже посреди улицы. Дети подходили, трогали – а чего это наш Бобик голову не поднимает? Один из соседских мужиков даже подрядился убирать трупы с глаз долой. Хоть и не слишком приятное это занятие, зато на пузырьке-другой стабильно зарабатывает.

Осенью пропала Нюся. Хозяева с ног сбились в поисках своей любимицы, ближайшие улицы на сто раз обошли, в лесу голос сорвали, подзывая собаку. А через пару недель почувствовали в сенях запах – гнилостный, трупный. Еще через какое-то время определили источник запаха, стали поднимать половицы. Решили, что под полом сдохла крыса.

Но там лежала Нюся. Вернее, то, что от нее осталось после месячного пребывания в тепле. Можете себе представить это зрелище? Умирать она прибежала под крыльцо родного дома...

Подлежит ликвидации

Лиска вместе с хозяйкой отправилась на колонку, по воду. Пока женщина заносила ведра домой, собака и получила заряд в живот. Правда, на этот раз рука стрелка была нетверда, поэтому конец иглы, пробив шкурку, оказался снаружи. Ее извлек вызванный хозяевами ветеринарный врач. И сказал при этом, что таких игл из собачьих тел достал нынче уже несколько.

К этому времени жители окрестных улиц уже узнали про ведомственную принадлежность собачьей смерти. Они стали звонить в диспетчерскую ДЭПа, узнали телефон некой Татьяны Михайловны, отвечающей за функционирование службы собачьих ликвидаторов. Люди спрашивали: почему ведется отстрел псов, имеющих

ошейники – несомненную принадлежность домашней живности? На это Татьяна Михайловна ответила, что домашняя животина должна быть не только в ошейнике, но еще в наморднике и на поводке у хозяина. А все прочие подлежат ликвидации.

Во всем цивилизованном мире ведется отлов бродячих собак, иногда – с помощью усыпляющих средств. Но животные при этом не дохнут. Псов стерилизуют и либо отпускают на свободу, либо помещают в специализированный приют. А у нас с четвероногими разговор короткий.

По утверждению ликвидаторов, в своей «работе» они используют исключительно снотворное. Почему же тогда на одной только улице Труда после «зачисток» специалистов ДЭПа осталось как минимум пять собачьих трупов? Почему никто не озаботился если не похоронами, то хотя бы их утилизацией?

Как в ДЭПе налажен процесс учета сильнодействующих, опасных для людей веществ? В больницах медсестры несут персональную ответственность за каждый миллиграмм наркотика или транквилизатора, а здесь бесконтрольно теряются десятки единиц отравляющих веществ. Кто будет отвечать за последствия?

Кто занимается отстрелом собак, есть ли у этих людей по крайней мере стрелковая подготовка? Какова технология процесса ликвидации? Почему перед выездом в какой-то из микрорайонов города об этом не предупреждаются его жители? Все эти вопросы мы задали первому заместителю директора «Дорожно-эксплуатационного предприятия» Татьяне Фадиной. Вот что она рассказала:

– Выиграв конкурс на выполнение этого вида деятельности, по договору мы ведем отстрел безнадзорных животных. И виноваты в этом в первую очередь горожане, безответственно относящиеся к содержанию животных.

Собаки, выпущенные на улицу, вынуждены сами искать себе пищу. Чаще всего в мусорных контейнерах, разбрасывая по улице объедки. А когда у них начинается сезонный гон, они собираются в стаи и могут нападать на людей. К нам регулярно приходят обращения прокуратуры, медработников, почтальонов, жалующихся на укусы животных. В городе сейчас находится не менее 2-х тысяч бесхозных псов. Так что бродячие собаки – это проблема общества.

У нас создана маленькая бригада из двух человек. Врач-ветеринар (с высшим образованием и лицензией на выполнение этого вида деятельности) ведет отстрел собак, а рабочий собирает животных. Вещество, используемое ими, – снотворное. Да, в результате попадания чаще всего собака умирает. Нет, название вещества сообщить не могу. Сколько собак отстреливается ежемесячно – тоже. И познакомиться с бригадой нельзя. Нет, я думаю, что вещество, используемое при отстреле, для человека не опасно.

Почему трупы не убирают? Понимаете, иногда после выстрела собака убегает куда-нибудь, а люди не всегда могут отследить – куда.

Смертоносный адепин

Бродячие собаки – безусловное зло. И с ними надо бороться. Но как и чем? Не являются ли методы, используемые в нашем городе, еще большим злом – в первую очередь для человека?

Во-первых, поговорим о физиологии. Методика работы ликвидаторов оставляет за собой трупы. Думаю, не нужно объяснять, чем чреват данный факт для окружающих. Кроме того, определенные сомнения вызывает нежелание работников ДЭПа назвать вещество, используемое для отстрела. По информации специалистов Госветнадзора, оно

называется «аделин». Вот что о нем рассказывается в Интернете: «Препарат «Аделин-супер» – 4 мг его способно убить человека весом в 90 кг за 4 секунды». «Аделин является сильнодействующим и относится к списку «А». При попадании в организм он вызывает паралич дыхательной мускулатуры и смерть от удушья за 5-15 секунд».

Что произойдет, если иглой, в которой находятся остатки аделина, оцарапается ребенок? Кто гарантирует, что у него – тьфу-тьфу-тьфу! – не произойдет «паралич дыхательной мускулатуры»?

Как выяснилось, ни одна(!) из многочисленных контролирующих структур не осуществляет контроль над процессом ликвидации собак. Почему – этот вопрос следует адресовать нашему государству. Видимо, оно априори уверено в полнейшей безопасности данного процесса.

Во-вторых, почему-то никто не задумывается о моральном аспекте данной проблемы. Уничтожение животных ведется практически на глазах у людей, в том числе – и детей. Какой урок (или какую психологическую травму) получают они в результате лицемерия такой вот сцены? Что поймут и чему научатся?

Не хочется заниматься излишним морализаторством и изречением прописных истин. Тем более что отцы города прекрасно осведомлены о цивилизованных и гуманных правилах борьбы с бродячими собаками, которые заключаются в усыплении собак, содержании в течение нескольких дней в пункте передержки и дальнейшей стерилизации. У города попросту нет на это денег. И у округа – тоже. Мы же бедные. «Мсье, же не манж па сис жур!»

...Лиска в очередной раз со всех ног влетела в калитку и вжала морду в колени хозяйки. На улице разворачивался «УАЗ-таблетка». На этот раз – не ТОТ. Не вестник собачьей смерти...

Послесловие

А эту «собачью» историю рассказал мне один «афганец», бывший сапер. И у меня нет оснований ему не доверять...

– Однажды мне из дома пришло очень нехорошее письмо. О сути его распространяться не буду – это к делу не относится. Но в результате в тот момент я настолько разозлился на весь белый свет, что мне просто необходимо было выплеснуть куда-нибудь этот заряд ненависти. И тут я заметил Султана – одну из наших собак.

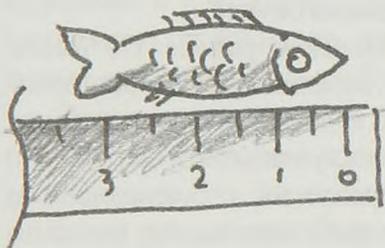
У меня вроде как в голове помутилось – сдернул я АКМ с плеча, перевел флажок на одиночный огонь, прицелился в Султана и нажал спуск. Но затвор сухо щелкнул по бойку – осечка. Тогда я отсоединил магазин, передернул затвор, заново загнал тот патрон в ствол и повторно нажал на курок, теперь уже целясь в небо. Эхо выстрела было звонким...

Понимаешь, за тот афганский год я расстрелял не одну тысячу патронов – и ни разу, ты слышишь – ни разу «калаш» меня не подвел. А тут – стрелять отказался... Может быть, потому что за время службы Султан нашел десятки мин и фугасов, спас множество солдатских жизней. Теперь вот думаю – может, он был ангелом?..

К ВОПРОСУ О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОЛОВОЗРЕЛОСТИ

Тяжела жизнь судьи: по роду занятий приходится разбирать сложные проблемы, с отбросами общества общаться. Но в его работе существует еще одна опасность – помереть от смеха. Особенно судье из Березово С. Блуднину, вынужденному рассматривать дела, которые возбуждает местная милиция...

Миграционные пути милиционеров

Май – месяц запрета на вылов нерестующих видов рыб. В это время нельзя «баловаться» сетями, потому что в результате бесконтрольного вылова икрающей ихтиофауны мы вскоре рискуем вообще оказаться без таковой. Справедливо? Вроде бы вполне. Но только здесь, как и любом другом деле, возникает масса тонкостей и нюансов.

А как быть с опасностью исчезновения другого представителя «животного мира» Земли – российского пенсионера? На положенную ему пенсию, конечно, выжить можно, если кушать только черный хлеб с картошкой. А ведь ему иногда хочется еще и рыбки...

Вот и пенсионер Александр Васильевич Матаев утром 2 мая выехал на протоку Горная Вогулка, что протекает в трехстах метрах от окраины Березова, и установил там сеть. Да какую там сеть – курам на смех, длиной всего 25 метров. И успело-то запутаться в нее всего три щучки, когда на горизонте показались доблестные защитники природы в погонах.

Впрочем, я отнюдь не склонен издеваться над милиционерами. Служба у них такая – им приказали охранять «миграционные пути весенне-нерестующих видов рыб», они и охраняют. Как могут. Увидели на реке человека, склонившегося к сетке, – все, есть материал для протокола, галочка в отчете, показатели раскрываемости...

Доблестные милиционеры произвели задержание злостного браконьера-пенсионера, оформили протокол, согласно которому Матаев «причинил материальный ущерб водным биологическим ресурсам РФ на общую сумму 750 рублей». Вам кажется данная сумма ущерба незначительной? Тогда вот вам еще один характерный случай.

Через месяц после Матаева на ту же самую Горную Вогулку выехал другой березовчанин – ханты Илья Рябчиков. Его снасть была вообще смехотворной по размеру – 20 метров. И попал в нее 1 (один!) несчастный чебак. Как указано в протоколе, «...весом 200 грамм, длина рыбы составляет 27 сантиметров, ширина 3 сантиметра, наибольшая высота (от нижнего до верхнего плавника) 8 сантиметров». Жалкое, согласитесь, зрелище...

Тем не менее существует «такса по ущербу за незаконный вылов одного экземпляра» данной породы. Она составляет – вы только не смейтесь! – 10 (десять!) рублей.

Закон есть закон, по факту правонарушения прошли все следственные действия: протокол, изъятие, сдача вещественного доказательства на ответственное хранение в ОАО «Сибирская рыба». И в результате было возбуждено уголовное дело по части 1 статьи 256 пункта «в» УК РФ.

На следующий день после Ильи Рябчикова на речку Голченскую, протекающую рядышком с Горной Вогулкой, выехал другой Рябчиков – Сергей Петрович, пенсионер, по национальности ханты. Уж больно захотелось ему ушицы свежей испробовать... Но мы-то с вами знаем, что милиционеры из Березово бдительно стоят на страже местной ихтиофауны и регулярно «мигрируют» вдоль береговой полосы. Они-то и пресекли преступные поползновения пенсионера, изъяв у него 30-метровую сеть, трех окуней и шесть щук.

Что показало вскрытие?

Не завидую я судьбе Блуднину... Три данных дела он был вынужден рассматривать три дня – 10, 13 и 14 ноября, изучать «пути миграции» рыб, особенности их физиологического строения и возраст, с которого начинается период полового созревания окуней...

Но С. Блуднин недаром много лет трудится именно в Березовском районе. Он имеет огромный опыт в рассмотрении дел по браконьерству. На заседании все обвинения рассыпались, как карточные домики. Выяснилось, в частности, что водоемы, на которых были задержаны березовчане, совсем даже не относятся к категории нерестующих.

Более того, по словам специалистов Нижне-Обского управления по сохранению, воспроизводству водных биологических ресурсов и организации рыболовства, эти водоемы вообще являются «оврагами, заполняемыми в весеннее время водой». Кроме того, щука и окунь не относятся к ценным видам рыб, которые нуждаются в охране. А чебак так и вовсе «отнесен к виду малоценных сорных рыб, мешающих развитию других рыб. Его вылов желателен с целью мелиорации водоемов в любое время запрета». Жаль, что об этом не подозревают березовские милиционеры...

Трудно удержаться от улыбки при чтении материалов дел. Взрослые люди всерьез обсуждают возможность проведения «вскрытия рыб на предмет обследования их половой зрелости». Но – закон есть закон...

По всем трем делам суд оправдал наших «браконьеров» – за отсутствием в их действиях состава преступления. Кроме того, он признал за ними право на реабилитацию за незаконное привлечение к уголовной ответственности. Но мне больше всего понравился следующий пункт приговора: «Вещественные доказательства: рыболовную сеть, рыбу в количестве одной штуки вернуть Рябчикову И.А.» Интересно, скушал «браконьер» свой мумифицированный улов или сдал в местный музей – на память о доблестных защитниках березовской ихтиофауны?

Послесловие

С каждым годом крепчает маразм в головах российских чиновников. Для них параграф является Библией, а каждое распоряжение свыше – Божественным откровением. Ты – начальник, я – дурак...

ПОИМЕЙТЕ СОВЕТЬ, ГОСПОДА!

Спасибо тебе, пыть-яхская Фемида! Давно я не хохотал столь искренне, как прошлым вечером над одним из приговоров местного суда. Очень уж забавно смотрятся попытки доморощенных юристов уложить понятия «честь» и «достоинство» в прокрустово ложе закона (по крайней мере, в их понимании). Выглядят эти попытки точно так же, как забойщик скота на съезде «Гринпис»

или борец сумо в детской песочнице. Оно и понятно: судить изобличенного карманника или взяточника легко. Правильно квалифицировать действия, затрагивающие категорию морали и нравственности, неизмеримо сложнее. А что в итоге? В итоге получается сплошной анекдот...

В изоляторе временного содержания славного города Пыть-Яха пребывал некий гражданин, назовем его Воеводиным. За что он там содержался – не суть важно, не о тех его прегрешениях пойдет речь. Повествование наше начнется с того момента, когда Воеводина завели в одну из комнат для свидания с матерью. При этой трогательной сцене в помещении присутствовал еще один человек – конвоир Тихонов (*фамилия изменена – А.Р.*).

В момент воссоединения семья Воеводиных не церемонилась в проявлении чувств, и воздух то и дело оглашался «грубой нецензурной бранью». Когда милиционеру надоело слушать мат, он попросту прервал свидание и вывел женщину из комнаты. И в ту же минуту узнал о себе много нового. По словам Тихонова, задержанный назвал его «уродом» и «дебиллом», один из свидетелей запомнил слова «лох» и «чмо». И все как один четко расслышали, что Воеводин «послал» сотрудника милиции. В смысле – на те самые три «сакральные» буквы.

Теперь давайте на минутку прервемся, воскурим фимиам отечественным правоохранительным органам и пропоем осанну югорской милиции. По всем канонам обывательских «ужастиков» после такого унижения злой милиционер должен был схватить резиновый «демократизатор» и отбить у несчастного почки, зубы и всякое желание оскорблять представителя органов внутренних дел. Но вместо этого он всего лишь... подал в суд на своего обидчика. И попробуйте после этого заикнуться о произволе в системе МВД!

Уголовная составляющая данного дела нам известна, теперь давайте перейдем к лингвистическому компоненту. И он будет не менее увлекательным – уж поверьте. Мировой судья О. Беляева добросовестно попыталась разобраться в законах морали и русской ненормативной лексики. И пришла к поразительным выводам. Давайте их процитируем (сохранена орфография оригинала):

«Установлен факт выражения Воеводиным словами в неприличной форме, однако данное выражение «послан на...» **суд не расценивает** как оскорбление, так как в нем не содержится отрицательной оценки личности потерпевшего, которая подрывает его престиж в глазах окружающих, как представителя власти, и наносит ущерб уважению к представителю власти при исполнении своих должностных обязанностей».

Заявив подобное, судья оправдала Воеводина за отсутствием в его деянии состава преступления... Не согласившись с приговором, представитель прокуратуры обратился с апелляцией в Пыть-Яхский городской суд. Новый вердикт вынес судья В. Петухов. Мне не хочется пересказывать его выводы, ими надо лично наслаждаться,

упиваться и вдохновляться. Стилистика, орфография и пунктуация сохранена полностью:

«Мировой судья дал верную оценку показаниям потерпевшего и свидетелей, поскольку показания потерпевшего противоречивы, так в судебном заседании он показывал, что подсудимый Воеводин послал его на... , после оглашения его показаний, из которых следует, что Воеводин послал его на... и назвал морально опущенным человеком, отвечая на вопросы прокурора, показал, что он под морально опущенным человеком понимает значение слов урод, дебил, недоразвитый, но указанное понимание является пониманием именно потерпевшего, подсудимый же не назвал потерпевшего ни уродом, ни дебилем, ни недоразвитым человеком, что подтверждается показаниями свидетелей... подсудимый называл Тихонова словом «чмо», однако, потерпевший не показывает, что подсудимый называл его именно таким словом... следует считать установленным факт того, что подсудимый послал потерпевшего на... Вольный же перевод государственным обвинителем слова «чмо» по его аббревиатуре: человек морально опущенный, является вольным переводом именно государственного обвинителя, таким же образом слово «чмо», исходя из логики государственного обвинителя, можно расшифровать как человек материально обеспеченный или человек мирового общества, кроме того, что подсудимый называл потерпевшего таким словом».

Уф-ф! Такие тексты неплохо давать ученикам пятого класса на проверку – тогда удалось бы избежать доброй половины содержащихся в нем ошибок. Но не это главное.

Хочется позать руку пить-яхской Фемиде. До таких высот демократии и свободы, по-моему, еще не добирались ее коллеги из других городов. Вы только вдумайтесь: пить-яхский суд практически разрешил обращаться к представителям государственной власти со словами «лох» и «чмо», и отправлять их куда подальше. И ничего вам за это (по крайней мере в Пить-Яхе) не будет. Интересно, следует ли из всего этого, что столь же терпимыми будут и сами судьи, если на заседании их открыто и публично послать на три заветные буквы?

Впрочем, далеко не все судьи разделяют подобную точку зрения. Коллегия по уголовным делам окружного суда в своем кассационном определении отменила предыдущий приговор и направила дело на новое рассмотрение. На сей раз суд нашел подтвержденной вину Воеводина, квалифицировав его действия как оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме: «Воеводин выразился нецензурной бранью в адрес Тихонова и таким образом унизил его честь и достоинство. Нецензурная брань сама по себе содержит неприличную форму».

Послесловие

Через неделю после опубликования статьи в редакцию пришло письмо от В.В. Петухова, судьи Пить-Яхского горсуда:

«Г-н Рябов, в своей статье Вы говорите о том, что суд Пять-Яха разрешает «посылать по матушке» представителей власти, говорите о моей неграмотности.

Мне понятны Ваши эмоции, однако полагаю, что Вы излагаете события так, как нравится Вам, моя же позиция основана на нормах УПК, а именно ст. ст. 87, 88 УПК РФ, обязывающих суд производить проверку доказательств, давать им оценку.

Так вот, в судебном заседании было установлено, что гр-н Воеводин не называл представителя власти словами чмо, лох, также было достоверно установлено, что он послал представителя власти на мужской половой член.

Абсолютно с Вами согласен, что это не допустимо, однако я обязан знать, что понимается под преступлением (ст. 14 УПК РФ), а что понимается административным правонарушением (ст. 2.1 КоАП РФ). Понятие оскорбление, в его юридическом значении, изложено в ст. 130 УК РФ – оскорбление, т.е. унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. В разъяснениях Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.09.1979 г. № 4 «О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч.1 130 и 131 УК РСФСР» указано, что оскорбление представляет собой выраженную в неприличной форме отрицательную оценку личности потерпевшего, имеющую обобщенный характер и унижающую его честь и достоинство.

Согласен с Вами, что «посыл по матушке» унижает честь и достоинство представителя власти, но вряд ли содержит в себе отрицательную оценку личности представителя власти, вместе с тем полагаю, что Вы, как человек, хорошо знающий орфографию, можете истолковать указанное Постановление Пленума Верховного Суда РФ по своему усмотрению, я же сделать этого не мог.

Считаю, что представитель власти мог бы защитить свою честь и достоинство, но не резиновым «демократизатором», а в порядке предусмотренным ГК и ГПК РФ. Мое же убеждение заключается в том, что в действиях Воеводина имеются признаки административного правонарушения, но не преступления».

Без комментариев...

ОБЫКНОВЕННЫЙ САДИЗМ

В каждой семье есть некий главный предмет, расположенный на самом видном месте. Иногда это икона, порой – книжный шкаф, гораздо чаще – телевизор. Для Ивана Янцевича предметом особой гордости была висящая на оленьих рогах плеть-пятихвостка из упругой сыромятной кожи.

Эту плеть Янцевич делал любовно, не торопясь, предвкушая сладостный звук удара и набухающие слезами глаза своих жертв: десятилетнего Дениски, восьмилетней Вики, пятилетнего Антошки, двухгодовалого Вани и родившегося в июле прошлого года Валерки.

Он хорошо знал имена и возраст тех, кто вскоре должен был на себе испытать качество работы «заплечных дел мастера». Ведь отцу полагается знать своих детей...

Эх, веселись, рабочий класс!

Семья Янцевичей живёт в посёлке Сосновка Белоярского района. Папа, тридцатилетний Иван, трудится стропальщиком в РСУ-8. Его жене Татьяне работать на производстве некогда, все силы и время уходят на воспитание пятерых ребятишек.

Окружающие умилялись: как же, многодетная семья, «рабочая косточка», ячейка общества. Практически никто не обращал внимания на некоторые странности в поведении её членов. Лишь соседи порой замечали частые синяки и ссадины на лицах ребятишек да просыпались ночами от криков за стеной...

Гром грянул неожиданно. Терпение лопнуло у Татьяниной сестры, рассказавшей о «странностях» родственника милиции. И постепенно пасторальный портрет дружной рабочей семьи сменился на кадр из триллера вроде «Молчания ягнят» или «Люди под лестницей»...

Макаренко и не снились...

Янцевич любил наказывать детей. Но его умысел «был направлен на причинение телесных повреждений с воспитательной целью, а не на причинение детям особо мучительной боли» – это особо отмечено в материалах дела. Оказывается, просто так воспитывал их – по-отцовски, любяще и незлобиво.

Вот как он сам описывал следователю очередной выходной: «Когда стали накрывать на стол, я увидел, что хлеб кто-то расковырял, то есть съел мякушку. Вика сказала, что это сделала она, я решил наказать её. Для этого взял плётку и ударил несколько раз по ногам, спине. После чего мы сели кушать. Вика неаккуратно подвинула тарелку и разлила суп. Я дёрнул её за руку, она упала на пол, я ударил её ногой. Куда попал, не видел, но Вика при этом ударилась головой о железную ножку стола. Встав, она начала убегать от меня. Я догнал её и решил проучить. Для этого взял плётку в руки, нанёс несколько ударов по голове, и пошёл кушать... В этот же день я побил Антона за то, что он велосипедом наехал на ногу Ивану, и тот стал плакать. Я взял плётку и ударил несколько раз по лицу, спине... Плётку я сделал зимой для того, чтобы наказывать детей, когда они балуются или не слушают. Иногда бил ею жену. Ранее я неоднократно применял плётку и ремень для наказания детей».

Знаете, что самое страшное в этих словах? Даже не беспрецедентная жестокость по отношению к детям, а обыденность признания в этом. Искреннее недоумение, которое сквозит в словах домашнего мучителя: чего привязались, я ведь просто слегка повоспитывал! Правда, в результате эксперт зафиксировал у Вики «гематомы в

области переносицы, левого виска, кисти, лопатки, спины, правой ягодицы, бедра» и «телесные повреждения в виде множественных ссадин в области спины, правого виска, множественных кровоизлияний в области спины, предплечий» у Антона...

Слёзы капали

Сухие строки протокола зафиксировали не только циничные показания изувера, но и горькие слова детей. Вот что рассказывал Дениска:

«Я не люблю оставаться с папой, так как он очень часто бьёт всех нас и даже маму. Иногда из-за того, что у него было плохое настроение или не получалось что-нибудь на работе. Бил за то, что мы громко играли в мяч. Однажды я и Вика опоздали домой с улицы. Он положил нас на пол, взял ремень и стал бить нас. В другой раз мы уже легли спать, а он выгнал нас из кроватей, повёл на улицу и на пороге подъезда поставил на колени. С Викторией я простоял очень долго, замерз, так как на улице была зима. Ивана он тоже бьёт. Ночью иногда брат просыпается и плачет, так как хочет пить. Если мама не успевает напоить Ивана из бутылочки, он бьёт маму, а Ивана хватает за шею и бросает на пол либо бьёт о стену. 12 августа он всех нас поставил рядом с диваном, велел положить руки на спинку и стал бить по рукам плёткой».

Антон: «Меня он бил плёткой за то, что я якобы выпил газировку, хотя это он сам выпил».

Вика: «Папа стал бить нас с Денисом плеткой, потом поставил в угол, где мы стояли около двух часов, потом вывел на улицу в трусиках и маечках, и поставил возле входа на колени. Папа почти никогда с нами не играет, а если играет, обычно больно кусается и тыкает под рёбра деревянной палкой. Маму он может бить, если Валера или Ваня просыпаются ночью и кричат. С Валерой в комнате сплю я. Если он хочет кушать, я ночью раза 3-4 встаю, чтобы сделать ему смесь, укачиваю его».

Вика – удивительный человек. Мало того, что она ухаживает за малышами, так ещё сознательно берёт на себя чужую вину, бесхитростно объясняя причину: «Побоялась, что он сильно побьёт Ваню». А ещё Вика не по годам мужественна. Именно о ней братья рассказывают: «Вика вообще не плачет, когда папа бьёт её». Это как же надо «закалить» девчоночью душу, чтобы удары кнутом уже не могли облегчаться слезами...

А у нас в квартире газ. А у вас?

Очень примечательными в этой истории явились действия окружающих. Почти все соседи замечали «частые крики в квартире, ссоры супругов, синяки у Татьяны и детей». Так, одной из соседок Татьяна говорила, что Янцевич бил Антон ногами, когда сын лежал на полу.

Зато школьные учителя оказались на удивление невнимательными и нелюбопытными. Они в один голос утверждали, что никогда не замечали синяков у детей. Оно и понятно: зарплата маленькая, ученики распустились, директор планы квартальные требует. До чужих ли тут шишек?

Естественно, забавы Янцевича оказались вне поля зрения и участкового, и комиссии по делам несовершеннолетних, и прочих официальных структур. Скажите, кому в наше время нужны чужие дети? Взаимоотношения за стенкой находятся вне зоны наших интересов. И соседа неохота обижать, и не суются в чужой монастырь со своим уставом.

При желании оправдание можно найти всему. Например, действиям (вернее, бездействию) Татьяны Янцевич. Вот что о ней говорят дети: «Мама нас жалеет, когда

папа не видит... Она устраивала нам дни рождения. Но если папа был дома, у нас не было праздников». Татьяна не раз вступалась за детей перед мужем, пыталась оградить от плети. Но тем самым только злила мужа. Что ей было делать? Уходить? Только кому она будет нужна с пятью детьми в маленьком посёлке? Да и дети вроде притерпелись к побоям, вот и плачут меньше...

Холостой залп Фемиды

Надо отдать должное правоохранительным органам, и в первую очередь – прокуратуре города. Поначалу маховик государственной машины раскрутился в полную силу. Узнав о «воспитательном методе» Янцевича, Фемида разошлась, разозлилась, размахнулась... и обнаружила, что вместо смертоносного меча у неё в руке тоненький прутик. Таким даже высечь не удастся, только комаров гонять...

Выяснилось, что Янцевич своими действиями совершил преступление, предусмотренное статьёй 156 УК РФ «Ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего родителем, если это деяние соединено с жестоким обращением с несовершеннолетним» – и только.

На суде подсудимый полностью признал свою вину, раскаивался и сожалел. В результате приговором мирового судьи от 18 декабря 2003 года он был признан виновным и ему назначено наказание в виде исправительных работ сроком на восемь месяцев... Через месяц из-за новшеств в законодательстве приговор был изменён, а Янцевичу назначено наказание в виде штрафа в размере 9 тысяч рублей.

И снова благодать опустилась на Сосновку. Тишина. Лишь городскому «оку государеву» почему-то неймётся. В марте прокурор Белоярского И. Сёмочкин направил в суд исковое заявление о взыскании компенсации морального вреда с Янцевича. А следом ушло и второе заявление – о лишении его родительских прав и взыскании алиментов. Слава Богу, что хоть кому-то не безразлична судьба малышей.

Я не вправе ставить под сомнение логику законодателей, установивших смехотворное наказание за внутрисемейные «разборки», не могу оценивать и действия правоохранительных структур, инкриминировавших Янцевичу лишь статью 156. Но почему, скажем, не 117-ю – «Истязание»? По ней хотя бы предусмотрен реальный срок лишения свободы.

Закон Линча (к счастью или сожалению?) – не наш метод. Поэтому остаётся уповать на Божий суд, которому не указ конвенции, декларации, Европарламент и правозащитники. Надеюсь, рано или поздно Янцевич ответит за свои прегрешения по всей строгости если не закона, то совести.

Да, физически он не успел никого убить, но морально уничтожил многих. Убил в своих детях любовь к отцу, убил веру в сказку, убил надежду на счастливую семью. Исполосовал все лучшие чувства плетью-пятихвосткой, выкинул обнажёнными на мороз, продал за мгновения собственного всемогущества над дрожащими детскими телами. Но власть над их душами он так и не получил...

Послесловие

Жаль, что у нас до сих пор действует мораторий на смертную казнь. Жаль, что с каждым годом все более гуманным и либеральным становится российское законодательство. Жаль, что подонки, подобные Янцевичу, спокойно живут рядом с нами.

ТЯЖЕСТЬ МАТЕРИНСКОЙ НЕЖНОСТИ

Страх – постоянно присутствующее в нашей жизни чувство. Вот, нагоняя жуть на экране, машет своими ржавыми ножницами Фредди Крюгер, скачут блохастые оборотни и дурно пахнущие вампиры. Хлещет рекой синтетическая кровяшка, воеет нечисть, будто прищемленная дверью, – а я почему-то все никак не ужасаюсь. Зато очень страшно становится после ознакомления с некоторыми уголовными делами, когда между строк вдруг выглянет рыло настоящего вурдалака, не отбрасывающего тени...

В больницу города Лангепаса поступила молодая мамаша Светлана Влагина (*фамилия изменена – А.Р.*) с месячным сынишкой Максимом. Улыбался персонал, глядя на умильную картину кормления младенца, медсестрички то и дело норовили потетешкать симпатичного пупсика. Что ж, это нормальная реакция нормальных людей при виде маленького собрата по планете.

Вот только чуть погода окружающие стали замечать некоторые странности. Выяснилось, что Светлана «грубо обращается со своим сыном, бросает на пеленальный столик, кричит на ребенка». Врачи и медсестры неоднократно делали женщине замечания, пытались урезонить, но вновь и вновь оказывались свидетелями чрезмерной «раздражительности» Властиной.

На следующий день медсестра заметила во рту у ребенка кровь. Врач осмотрела Максима и сказала, что травмирована уздечка между небом и верхней губой. Но тогда мамаша отговорилась, сославшись на слишком грубую соску.

Дальше я приведу цитату из протокола: «Ночью она (*медсестра – А.Р.*) услышала, что Максим плачет, а Влагина ругает ребенка за то, что тот рано проснулся. Зайдя в палату, она напомнила Властиной, что ребенка пора кормить, поэтому он плачет, приготовила смесь и дала Властиной. Около четырех часов она снова услышала, что ребенок плачет, а та кричит на него. Она сказала Властиной, чтобы та взяла ребенка на руки и успокоила. Влагина отказалась. Тогда она сама взяла Максима на руки, покачала его, тот быстро успокоился и уснул. Около пяти часов ситуация повторилась». Так описывает одна из дежурных медсестер пребывание в больнице «заботливой» мамаша.

А однажды утром в палату к Властиной зашла педиатр и заметила на лице и головке Максима синяки. Откуда они взялись, мамаша ответить не смогла, зато внезапно засобиралась домой, написав отказ от дальнейшего лечения. Врачи говорили, что этого делать нельзя, ребенок может погибнуть. И надо отдать им должное – они не позволили Властиной уйти. Оперативно проведенные рентгенографические исследования и осмотр специалистов позволили поставить диагноз: черепно-мозговая травма, закрытый перелом левой теменной кости, ушиб головного мозга, судорожный синдром, отек головного мозга. И это у месячного младенца, еще не научившегося улыбаться...

Опустим описание дальнейших событий. Не столь уж важны для нас детали следственных действий. Лично мне хотелось бы заглянуть в душу матери, способной сотворить со своим ребенком такое. Понять, как можно желать зла частичке своей души и тела, своему продолжению на этом свете?!

Можно, конечно, найти причину жестокости Властиной в ее прошлом. Слишком рано она осталась сиротой, похоронив отца и мать. Отсутствие должного контроля и родительской поддержки способствовали формированию определенного характера. Как говорят, в школе Светлана училась неплохо, легко поступила в институт, который бросила, потом второй. Вместо этого девочка нашла себе хорошую работу – в ночном клубе. Впереди уже маячили блестящие перспективы, безоблачная жизнь. И вдруг все это перечеркнуло вечно орущее краснолицее существо, не дающее спокойно спать по ночам!

Вот что зафиксировано в материалах дела: «После рождения ребенка у нее усилилась раздражительность, из-за плача ребенка и невозможности выспаться она стала агрессивной. Когда Максим долго плакал, она шлепала его по ягодицам, ручкам, ножкам... Утром после кормления и взвешивания Максим долго не успокаивался. Она расчиховалась и ударила его ладонью по лицу. Максим отвернулся и стал кричать еще больше. Тогда она, взяв его за теменную область головы, сдавила голову пальцами и повернула к себе. После этого Максим успокоился...»

Судебно-медицинская экспертиза показала, что даже эти кощунственные показания не отражают всей правды: «Обстоятельства нанесения черепно-мозговой травмы, описываемые подсудимой, не соответствуют характеру имевшихся у ребенка повреждений. Череп ребенка в возрасте одного месяца состоит из эластичных подвижных пластин. Проломить череп ребенка труднее, чем череп взрослого человека. Даже сильным сжатием пальцев повредить череп ребенка невозможно. Черепно-мозговая травма Максиму была причинена ударом значительной силы тупым твердым предметом с ограниченной поверхностью соударения». И еще одна цитата из показаний свидетельницы: «Влагина сказала, что ей наплевать на ребенка, все равно, выживет он или нет».

Обстоятельства этого дела мало кого оставили равнодушным. Оно и понятно – не укладывается в голове, как можно поднять руку на грудного младенца, доверчиво смотрящего на огромный мир, на женщину, которую должен любить больше всех на свете...

Суд первой инстанции признал Влагину виновной «в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, совершенном в отношении лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии». Санкция этой статьи предусматривает наказание до 10 лет лишения свободы. Однако в действиях женщины суд нашел смягчающие обстоятельства. Поводом для этого послужила судебно-психиатрическая экспертиза, подтвердившая вменяемость Властиной, но обнаружившая у нее «состояние эмоционального напряжения». На этом основании суд назначил ей наказание в виде лишения свободы сроком всего на... два года.

С данным приговором не согласилась городская прокуратура и направила представление в кассационную инстанцию. В середине июля судебная коллегия приговор отменила – вследствие чрезмерной мягкости наказания. И позже Лангепасский городской суд приговорил Влагину к четырем годам лишения свободы.

Справедливость восторжествовала, но почему-то легче от этого несколько не становится. Быстро пролетят оставшиеся три с половиной года за решеткой (если раньше не объявят очередную амнистию), Влагина выйдет на свободу и заживет прежней беззаботной жизнью. Быть может, лишь иногда придут к ней смутные воспоминания о чем-то докучливом и неприятном.

А вот жизнь Максимки уже никогда не будет прежней. Физические последствия травмы у него сказываются до сих пор, а психические, возможно, не исчезнут никогда. Хочется надеяться лишь на то, что вместе с молоком той женщины, которая была его биологической матерью, он не впитал смертельный вирус жестокости, эгоизма и равнодушия.

Живи, Максимка, и будь счастлив – назло всем!

Послесловие

Многое изменилось в нашей жизни с момента написания этого материала. Конечно, и сегодня нередко случаются трагические истории, подобные Максимкиной. Только за минувшие десятилетия государство создало множество специальных служб и учреждений, чья деятельность направлена на предотвращение случаев жестокого обращения с детьми.

Как часто это бывает, благая вроде бы система защиты малышей превращается в некую помесь инквизиции и полиции нравов, занимающуюся поиском потенциальных «врагов». И одновременно с высоких трибун нас уверяют, что ювенальной юстиции у нас в России нет. Система – есть, а названия у нее – нет...

ТРАГЕДИЯ БЕЛОЙ НОЧИ

Посмотрите на эту фотографию, люди. Это – Даша Беспалова, умница и красавица, гордость родителей и объект воздыхания всех окрестных парней. На снимке Даше семнадцать лет. А восемнадцать ей не исполнится уже никогда...

Перед грозой

В Югорске у Беспаловых большой и красивый дом. Строил его Валерий Иванович собственными руками – для жены, Анжелики Рамильевны, и дочерей, Даши и Алены. Сейчас в доме пусто и тихо, лишь потерянно бродят по комнатам две кошки. Наверное, они до сих пор недоумевают – куда же полгода назад пропала их веселая хозяйка? Иногда кошки садятся и смотрят на портрет девушки, стоящей на каминной полке. Возле него лежат колечко и сережка – Дашины...

Вечером 6 июня Даша и Алена Беспаловы вместе с соседкой и подружкой Юлей собирались на дискотеку. Наряжались, прихорашивались, весело болтали о каких-то забавных мелочах. До перекрестка, где начинался асфальт, их подбросил на машине брат Юли. Там девушки перешли дорогу возле местного виадукта и направились в центр.

Время едва перевалило за полночь, но было достаточно светло – как-никак, белые ночи. Вдали погромыхивало, собиралась гроза. Машин на дороге не было, лишь где-то далеко позади появились фары автомобиля, двигавшегося в попутном направлении. Юля и Алена шли по обочине дороги, а Даша – по краю проезжей части. Модница и чистюля, она не хотела марать высокие каблочки, поэтому и шла по асфальту. А почему бы и нет, ведь впереди нет ни одной машины?

Визг тормозов не было. Юля с Аленой лишь услышали глухой удар и с ужасом увидели, как подлетает вверх Дашино тело и падает на капот неведь откуда взявшегося автомобиля...

Он далеко утащил девушку. Потом остановился, из салона вылез мужчина в шортах и сланцах. Он подбежал к бездыханному телу, оглянулся на остолбеневших подружек и беспомощно проговорил: «Помогите...» Потом подхватил Дашу на руки, уложил в салон своего автомобиля. Престижная «Тойота Тундра» с «крутым» номером «888» резко рванула с места...

VIP-разборки

Только все уже было слишком поздно. Врачи Югорской центральной городской больницы могли лишь констатировать смерть пострадавшей. Услышав страшный приговор, водитель кинулся на улицу, прыгнул за руль и под визг покрышек скрылся в мареве белой ночи...

Через четыре с половиной часа его доставили в больницу уже официально – сдавать кровь на наличие в ней алкоголя. С большим любопытством рассматривал персонал этого очень даже влиятельного в городе пациента. Это был не кто иной, как Павел Волга, начальник Управления технологического транспорта и спецтехники ООО «Газпром трансгаз Югорск», к тому же – депутат городской Думы...

ДТП со смертельным исходом – жуткая вещь. Вдвойне страшная тем, что преступник забрал жизнь своей жертвы не по злему умыслу. С обычными убийцами все понятно – подонки должны отвечать по всей строгости закона (по моему мнению – вплоть до высшей меры). А как быть с виновными в гибели при ДТП? Их можно обвинять в

чем угодно: в глупости, пьянстве, легкомыслии, но не в осознанном лишении человека жизни.

Если бы мы жили в действительно правовом государстве, то не было бы смысла писать эту статью. У демократии западного толка есть одно несомненное достоинство, там неукоснительно соблюдаются законы, невзирая на чины и титулы. А у нас – Россия-с... Это у нас создали понятия «телефонное право», «лохматая рука», «честь мундира», «ворон ворону глаз не выклюет». У нас власть предержажших наказывают редко. В тех же Югорске и Советском ни одно СМИ ничего не рассказало о Волге, сбившем Дашу. Хотя все другие ДТП (даже уровня «попал под лошадь») освещаются весьма подробно.

Вполне возможно, что советско-югорское правосудие все-таки поднимется над интересами местного «истеблишмента», и Волге дадут по заслугам, по нормам и критериям нашего УПК. Тогда и родные девочки, и общество в целом в какой-то степени будут удовлетворены. Крови никто не хочет, крови было уже достаточно. Вот только есть определенные сомнения в том, что правосудие окажется справедливым.

Во-первых, следствие идет уже полгода, все время возникают новые обстоятельства и новые аспекты. Юлю и Алену вызывают к следователю и задают вопросы о длине Дашиных джинсов и цвете Волгиных шорт. А сам Волга тем временем по-прежнему заседает в Гордуме, руководит УТТиСТ, ездит за рулем авто и квадроцикла. Суда ведь не было, нарушителем ПДД и преступником он не назван.

Не представляется возможным...

Почему до сих пор нет суда? А потому что нет ответов на многие вопросы, поставленные следствием. Вот передо мной результаты автотехнической экспертизы, проведенной Уральским региональным центром судебной экспертизы.

Следствие задает вопрос: какова была скорость «Тундры» до момента наезда на пешехода? Оттолкнувшись лишь от слов виновника аварии и высчитав что-то по мудреной казуистической формуле (не учтя при этом ни массу авто, ни передачу, на которой оно двигалось), эксперт отвечает: «...скорость автомобиля перед наездом могла составлять около 63 км/ч». И это при том, что после удара начавшая торможение «Тундра» смогла остановиться лишь почти через 80 метров!

«Имел ли водитель техническую возможность предотвратить наезд на пешехода путем экстренного торможения?» Ответ: при скорости движения 47 км/ч и выше водитель не имел технической возможности предотвратить наезд. Так ведь он и не пытался, тормозного пути ДО столкновения просто нет...

«В каком положении находился пешеход Беспалова Д.В. (стоя спиной, стоя боком) в момент наезда?» Ответ: определить положение пешехода в момент наезда в категорической форме не представляется возможным...

«Имеется ли в действиях водителя грубое нарушение ПДД?» Ответ: решение вопросов о нарушении ПДД не входит в компетенцию автотехнической экспертизы. И – в тексте: «Сам факт наезда на проезжей части указывает на несоответствие действий пешехода требованиям ПДД». Но ведь девочки шли по ПРОТИВОПОЛОЖНОМУ(!) краю дороги и столкновение произошло на ВСТРЕЧНОЙ(!) для Волги полосе!

Так как результаты работы Уральского Центра экспертизы оказались, мягко говоря, неудовлетворительными, следователь назначил еще одно исследование, на сей раз в экспертно-криминалистическом центре окружного УВД. Перед экспертами на сей раз

поставили уже двадцать шесть вопросов, правда, три из которых повторяются дословно. Видимо, кто-то лишний раз нажал на клавиатуре Shift + Ins...

Еще один загадочный аспект данного дела – исследование крови Волги, взятой через пять часов после ДТП, на предмет наличия в ней алкоголя. Судя по заключению биологической экспертизы, водитель был трезв, как стеклышко. Вот только адвокат родителей Даши указывает на целый ряд существенных несоответствий. Кроме того, в Югорске ходят упорные слухи о том, что вместо Волги кровь для анализа сдавал совсем другой человек.

Недавно литовский суд приговорил к реальному сроку человека, сбросившего собаку с моста на асфальт. Некий 22-летний безработный из Каунаса получил за это преступление 8 месяцев тюремного заключения. Какое наказание отмерит Волге наш российский суд? Сказать трудно. Никто пока не сможет ответить, насколько он виновен. Никто, кроме самого Волги...

2009

Послесловие

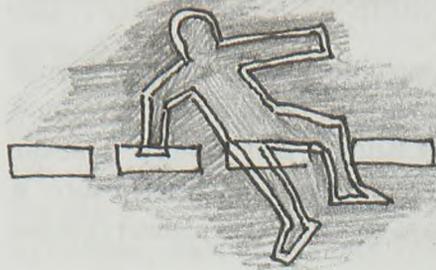
«Вынесен обвинительный приговор депутату Думы города Югорска Павлу Волге. Волга признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 264 УК РФ (нарушение правил дорожного движения, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности смерть человека).

Следствием и судом установлено, что в ночь на 7 июня 2009 года депутат города, управляя в состоянии алкогольного опьянения автомашиной «Toyota Tundra» и двигаясь с превышением скоростного режима, в районе транспортной развязки по ул. Железнодорожной выехал на полосу встречного движения и совершил наезд на 17-летнюю девушку, шедшую по краю дорожного полотна. От полученных телесных повреждений девушка погибла на месте происшествия.

Приговором суда Павлу Волге назначено наказание в виде лишения свободы на срок 3 года, с отбыванием наказания в колонии-поселении».

Сейчас Волга уже на свободе. Интересно, снится ли ему по ночам девочка Даша?

КРОВАВАЯ АРИФМЕТИКА

...Вечер 9 июня 2003 года в уютном поселке Игрим Березовского района ничем не отличался от других вечеров. Многие жители вышли прогуляться на сон грядущий, подышать свежим воздухом. По улице с поэтическим названием Кооперативная шла группа молодых людей. Они возвращались из кафе, где отмечали день рождения одной из девушек, Марины Кобылинской.

Весело болтали, перешучивались, обсуждая поселковые сплетни. Первые в этом году комары роились в воздухе, где-то звучала музыка, заходящее солнце умиротворенно освещало землю. И вдруг, как будто из-под земли, на дороге возникла светлая «девятка». Словно вестник смерти в белом саване...

Она на бешеной скорости вильнула из стороны в сторону, а потом врезалась в толпу людей. «Они разлетались как кегли», – с ужасом вспоминал очевидец. Проехав юзом несколько метров, машина, наконец, остановилась. Ее путь был отмечен восемью окровавленными телами...

Без преувеличения можно сказать, что в этот вечер весь Игрим огласился плачем и криками отчаяния. Погибли пять человек: Татьяна Бурмантова, Ирина Симонова, Екатерина Чепурная, Олег Губкин и именинница Марина Кобылинская. Старшему было двадцать шесть лет, младшей – только шестнадцать. Еще трое юношей и девушек получили тяжкие телесные повреждения.

За рулем «девятки» находился Евгений Бывальцев, 1978 года, работавший мастером ООО «Спецстройвод». Этот день, судя по всему, он проводил весело. Под вечер заехал в автосервис, где отмечали рождение ребенка, и присоединился к компании. Празднование, естественно, проходило не с цветами и конфетами, а с пивом и водкой.

Основательно «приняв на грудь», Бывальцев с приятелем спокойно уселись в машину. Более того, по словам очевидца, «перед тем, как уехать домой, Евгений позвонил в ДПС и попросил не останавливать две машины на посту». Эти показания есть в деле. Повернув ключ в замке зажигания, он выехал на улицу и утопил педаль газа.

Быстро ехал Бывальцев. Экспертиза показала – со скоростью не менее 130 километров в час. Если кто не знает, то более чем вдвое превысив предельно допустимый скоростной режим в населенном пункте. А дальше он не справился с управлением и вылетел на обочину, где на его пути возникла досадная помеха в виде каких-то фигур. И он устроил маленький Армагеддон на отдельно взятом участке дороги...

Выйдя из машины, Бывальцев не бросился к изувеченным им телам, не попытался оказать помощь. Он обнаружил на себе следы крови, поэтому побежал домой мыть руки. Там он вскоре и был задержан сотрудниками милиции.

Во время следствия он избрал наиболее удобную линию поведения: «Был сильно пьян, помню удар, куда-то врезались, больше ничего не помню». И вообще, может, и не я за рулем был, а еще провалы в памяти из-за приема лекарств, и психиатрическую экспертизу пройти надо...

Но слишком уж многие видели, что из-за руля вылезал именно Бывальцев, поэтому от наказания ему уйти не удалось. К тому же эксперты установили его полную психическую вменяемость.

Полгода длилось следствие. К суду обвиняемый и его защита успели подготовиться основательно. Одних только положительных характеристик представили пять штук. Из них явствовало, что Евгений «спокоен, застенчив, отзывчив, добросовестен, порядочен». Ну никак не может такой человек находиться на скамье подсудимых!

Ко времени заседания Березовского районного суда, состоявшегося 17 февраля 2004 года, все обстоятельства дела были уже практически выяснены. В последнем слове Бывальцев заявил: «Я признаю вину в том, что сбил, но что было дальше – не помню. Хотя знаю, что это бессмысленно – простите меня».

И вот, наконец, зачитан приговор: признать виновным по части 3 статьи 264 УК (нарушение ПДД, повлекшее по неосторожности смерть двух и более лиц). Обвинение по статье 125 (заведомое оставление в опасности) было снято самим прокурором, потому что оно «не может вменяться, если лицо, которое поставило потерпевшего в опасное для жизни состояние, не имело реальной возможности оказать помощь ввиду собственной травмы... или из-за боязни расправы со стороны очевидцев произошедшего или родственников потерпевших». В результате Е. Бывальцев был осужден к 6 годам 3 месяцам лишения свободы с отбыванием наказания в... колонии-поселении.

Из статьи 129 УИК: «В колониях-поселениях осужденные содержатся без охраны, но под надзором администрации, пользуются правом свободного передвижения в пределах колонии-поселения, с разрешения администрации могут передвигаться без надзора вне колонии-поселения, могут носить гражданскую одежду, иметь свидания без ограничений. Осужденным может быть разрешено проживание со своими семьями...»

В ответ потерпевшие написали кассационную жалобу, подкрепив ее несколькими сотнями подписей своих земляков, возмущенных мягкостью приговора. Удивительно, но возражения на нее поступили и от защиты, и от обвинения, которые единодушно нашли приговор «законным и обоснованным». Ведь Женя Бывальцев «ранее не судим, чистосердечно раскаялся, характеризуется положительно, у него имеется смягчающее обстоятельство – наличие малолетнего ребенка».

Поэтому нет оснований сажать его в обычную колонию. К тому же максимальное наказание, предусмотренное статьей 264 – всего 7 лет. Не вписывается в кодекс горе матери, которая опознала на асфальте волосы дочери, снятые вместе с кожей. Это «лирика», не имеющая отношения к делу.

Кроме того, суд не рассматривал иски родственников потерпевших о возмещении морального и материального вреда, посоветовав «рассмотреть их в порядке гражданского судопроизводства». А время идет. Тем временем одной из потерпевших девушек требуется срочная операция, однако у семьи нет денег на лечение...

И все-таки приговор по этому делу был отменен в надзорной инстанции. Президиум окружного суда детально изучил ситуацию и указал на ряд существенных недостатков. В частности, им отмечено: «Учитывая обстоятельства, справедливо было назначить наказание в исправительной колонии общего режима».

Заседание Березовского районного суда состоялось 1 сентября. Исправив ошибку, на этот раз были рассмотрены и удовлетворены иски пострадавших к Бывальцеву о возмещении морального и материального вреда. Но в остальном березовская Фемида стояла на своем: «С учетом того, что подсудимым совершено преступление по неосторожности и НЕБОЛЬШОЙ (выделено мной – А.Р.) тяжести, суд считает возможным назначить ему наказание в колонии-поселении». Правда, срок Бывальцеву добавили – аж на целых пять... месяцев.

Сегодня для федерального законодателя нет ничего важнее, чем гуманное отношение к преступнику, поэтому наши кодексы становятся все демократичнее. Говорят, что наказание должно быть адекватно преступлению. Только жизнь у нас за годы инфляции значительно подешевела. Считайте сами: за каждую из пяти человеческих жизней Бывальцев получил по году поселения, еще двадцать месяцев – за увечье трех человек. Страшненькая такая арифметика...

Послесловие

Понадобились несколько лет и тысячи человеческих жизней, пока в Москве наконец задумались над ужесточением уголовного наказания за преступления подобного рода. Беспринципные мерзавцы садятся за руль своих машин смерти, сознательно нарушают правила дорожного движения и убивают наших сограждан – а суд за это их журит и ставит в угол.

А я всегда мечтал купить танк и поехать на нем по городским улицам. Спокойно так поехать, в полном соответствии с ПДД, не обращая внимания на наглецов, которые вопреки закону и совести подрезают, не пропускают пешеходов, летят на красный и т.д.

Не знаете, где купить Т-34?

ЭТО БЫЛО БЫ СМЕШНО, ЕСЛИ Б НЕ БЫЛО ТАК ГРУСТНО...

ИДОЛ В РЯДАХ МАЖОРЕТОК

В четверг редакция вздрогнула от такого вот письма, разосланного пресс-центром природного парка «Самаровский чугас»:

«Акция «Помоги сборной России!» На тропе от Экспоцентра до Биатлонного комплекса сотрудниками природного парка установлено божество Торум. Для победы сборной России всем необходимо прикоснуться к верховному божеству, обратиться с молитвой о помощи нашим биатлонистам. Вся надежда на силу воли и духа ребят и на помощь свыше. Вместе мы победим!»

Честно говоря, ознакомившись с этим шедевром эпистолярного жанра, поначалу попросту не поверил в его подлинность. Ну, не могут же люди в здравом уме всерьез додуматься до такого! Но «акция» оказалась самой всамделишной...

Начнем с того, что Россия – многоконфессиональное государство, в котором мирно уживаются католики и мусульмане, буддисты и протестанты, а большинство населения исповедует православие. Но все это нисколько не беспокоит сотрудников «Самаровского чугаса», которые взяли да водрузили на тропе «божество Торум». Мало того, теперь они в ультимативной форме заявляют, что всем нам – православным, католикам, мусульманам, необходимо срочно прикоснуться к «верховному божеству». Простите, уважаемые, а кто это поставил его «верховодить» Буддой, Христом и Аллахом?

В последнее время в обществе идут споры о том, насколько оправданно решение ввести в школах изучение основ православия. Противники новшества вполне аргументированно указывают на ущемление прав других конфессий. Но вот в «Чугасе» подобные мелочи никого, похоже, не волнуют. Здесь правит бал дремучее язычество, призванное помочь «нашим спортсменам».

Для какой же цели взрослые и вроде бы вполне дееспособные люди из парка пошли на столь неадекватный шаг, способный спровоцировать самые серьезные последствия? Может быть, лишь для того, чтобы напомнить о своем существовании?

Между прочим, подобные «акции» по «установлению божеств» являются кощунством и с точки зрения традиций ханты и манси. Коренные таежные жители поклонялись целому пантеону духов, для чего в святых местах устанавливали идолов. Но к ним никогда не пускали людей даже из соседнего рода, и уж совсем страшным грехом было посещение святилища иноверцами.

«Вместе мы победим!» – утверждают организаторы. Интересная получается «команда»: лесники и биатлонисты во главе с деревянным болваном. Конечно, при виде ее немцы с норвежцами сразу побросают лыжи и разбегутся...

Должно быть, обидно и нашим биатлонистам. Узнав о такой «акции», то-то подняли бы их на смех коллеги из других сборных. Мол, в Ханты-Мансийске внедрены новейшие методики психологической подготовки спортсменов: камлание у костра и совместное поедание грибов-галлюциногенов...

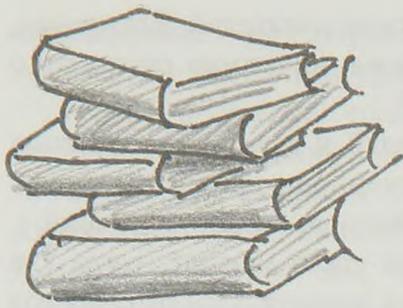
Послесловие

Это было бы смешно, если б не было так горько. Горько смотреть на то, как наши современники с удовольствием и счастливой улыбкой на устах кидаются совершать языческие обряды – даже не отдавая себе в этом отчета.

Не раз доводилось видеть, как на разнообразных «показах» подпившие гости славянского облика угощают хантыйских духов, участвуют в сакральных плясках, пытаются даже... камлать.

На Крещение эти же самые люди ползут за «святой водичкой» к иордани, в Пасху – красят яички и с наслаждением христосуются.

У среднестатистического российского обывателя очень лабильные моральные принципы и шаткая вера...

«МАРКИТАНТЫ» ОТ ЛИТЕРАТУРНОГО МАРКЕТИНГА

Вы знаете, что у нас в округе появился новый тандем писателей-юмористов, далеко обогнавший Ильфа с Петровым? Нет? Тогда я вам сейчас многое расскажу об их творчестве, а кое-что даже процитирую.

Мне легко писать эту статью, потому что писателя Николая Ивановича Коняева никак не назовешь моим «добрым другом». Лет десять мы с ним демонстративно не здоровались, более того, регулярно критиковали деятельность друг друга – каждый в своем издании. Так что в данном случае я буду абсолютно беспристрастен и непредвзят.

О пользе морковки

Попал мне на днях в руки фундаментальный труд неких Л. Лыткиной и В. Орлова «Маркетинговый анализ альманаха «Эринтур» как продукта отрасли художественной литературы Ханты-Мансийского автономного округа». Внутри – все, как положено в «маркетинговом исследовании»: таблицы, графики, схемы. Так, почитаем-почитаем...

Помните историю с Катонем Старшим, который все свои речи в сенате заканчивал фразой: «Карфаген должен быть разрушен»? Так и за всей этой 370-страничной шелухой таится одна-единственная идея: Коняев – враг всего прогрессивного человечества. Судя по логике авторов, он повинен в развале работы окружного отделения Союза писателей России (СПР), заодно в гонениях на Солженицына, Цусимском разгроме и в вымирании мамонтов. Значит, ату его!

Правда, некоторые сомнения в компетенции авторов возникают уже при чтении их «Введения». В серьезном научном труде не следовало бы взмахом клеймить позором «антирыночников от литературы, засевавших в окружном отделении СПР». Впрочем, это еще сравнительно мягкие эпитеты, которыми авторы награждают «бездарного»(!) Н. Коняева. В дальнейшем идет речь «об ущербности личности Коняева», «абсолютном непрофессионализме (на уровне дилетантства)», применении им «запрещенных технологий, так называемого «скрытого черного пиара», «разбазаривании бюджетных средств» и т.д.

Авторы опускаются до прямых оскорблений не только в адрес Коняева. Например, по их мнению, поэтесса Алла Цукор «слаще морковки нечего не кушала». Я бы посоветовал вам, Алла Ивановна, подать в суд на Лыткину с Орловым и доказать, что, кроме моркови, едите еще котлеты и шоколад. Иск выиграете!

Читаем дальше: «Комментируя книгу О. Ярошко «Православное наследие Сургута», главный редактор пишет: «В книге известной журналистки...» Если авторы известны Н. Коняеву, то это еще не значит, что они являются известными хотя бы в масштабах округа или региона. Мы (Л. Лыткина, В. Орлов), например, фамилию журналистки О. Ярошко встречаем впервые, и эта фамилия нам ни о чем не говорит».

Автором книги «Православное наследие Сургута» является действительно очень известная в округе журналистка Алла Ярошко. Если ее фамилия ни о чем не говорит орловым-лыткиным, то последним можно лишь посочувствовать. Читать надо больше.

«Ой, Вань, гляди, какие клоуны!»

А в чем конкретно обвиняют авторы главного редактора «Эринтура»? Например, в том, что подавляющее большинство площадей альманаха было отдано членам

СПР, и совсем немного – творениям членов Союза российских писателей. Есть у нас, оказывается, и такой. Ай да Коняев! Как посмел?! И вдобавок ничего не рассказал о бессмертных шедеврах членов Союза папуасских писателей!

В полном соответствии с известным принципом «разделяй и властвуй» Лыткина и Орлов пытаются столкнуть писателей лбами. Так, например, они приводят рейтинг наиболее печатаемых авторов альманаха: Луцкий, Коняев, Козлов, Мизгулин, Рябий... А вот произведений почтенных Шесталова и Анисимковой стало меньше, тогда как «читатели, подобно гурманам, ждут изысканных блюд лучших поваров, а им который год дают перловку». Что-то авторов все время на кулинарные сравнения тянет... По логике наших исследователей, Луцкий, Козлов и Мизгулин – это перловка?! Да вы, уважаемые, похоже, белены объелись, и вам напрочь отказали вкусовые рецепторы...

Складывается впечатление, что Лыткина и Орлов родом этак из 37-го года. Тогда каждая кухарка с мандатом позволяла себе указывать, как следует писать романы, сочинять оперы и принимать роды. Вот и наши герои, ничтоже сумняшеся, сами взялись проводить «анализ качественного уровня» обложки, форзаца, дизайна альманаха. И вынесли вердикт: «средний», «низкий»...

Цитирую: «В процессе маркетингового анализа обнаружилось некоторые показатели, которые настораживают». Блин, неужели наши бдительные товарищи нашли в «Эринтуре» китайский или румынский след?! В чем опять провинился Коняев? Оказывается, в том, что слово «правительство» написал не с заглавной буквы, а в названии «Ханты-Мансийский автономный округ» не дописал «Югра»... Значит, «Дана искаженная информация. Нарушены нормы деловой общечеловеческой этики». Расстрелять...

Наши герои, надо отдать им должное, с завидным тщанием проштудировали все выпуски альманаха и добросовестно выловили в нем всех «блох». А потом этих блох препарировали, раздули до размера слона и принялись гордо демонстрировать окружающим: любуйтесь, какие мы бдительные и мудрые дезинсекторы-дератизаторы! А ведь от ошибок никто не застрахован, тем более от орфографических. Лыткина с Орловым, например, отчего-то уверены, что существует колбаса «сОлями»... Что там народ говорит о бревне в глазу?

Ставят в вину Николаю Ивановичу, что в биографии одного из писателей он не назвал номер детского сада, который тот посещал. Следовательно, «в литературно-художественной отрасли Югры осуществляется дискриминация по отношению к некоторым категориям производителей». Кстати, «производителями» наши герои называют не быков, а поэтов и писателей, роняющих семя доброго-вечного в головы читателям.

«Если в кране нет воды, значит, выпили жида», – бессмертный афоризм, логики которого придерживаются наши исследователи. Если стихи Дмитрия Мизгулина не были размещены в рубрике «Дебют», значит, «...для Коняева имеет важность не литература, как таковая, а социальный статус автора... Главный редактор использует свое служебное положение в личных целях».

Где собака порылась?

А в чем здесь собака зарыта? Не в следующих ли словах наших героев: «Положение усугубляется неспособностью главного редактора построить конструктивные отношения с различными сегментами литераторов округа»? Подождите-подождите, а кто такие эти «сегменты»? Да вот же они! «В период с 1999 по 2001 годы нами (Л. Лыткина) на территории Ханты-Мансийска был проведен ряд маркетинговых исследований,

направленных на определение рыночного потенциала региональной отрасли художественной литературы».

Говоря по-русски, госпожа Лыткина составила рейтинг популярности местных авторов. По ее мнению, первые места заняли: М. Анисимкова, Г. Слинкина, В. Волковец, А. Игумнов, М. Волдина, А. Тарханов, Б. Зуйков, С. Мартовский, Г. Хорос, Л. Миляева. Акцентирую ваше внимание на 10-м пункте – Любовь Миляева, она же Любовь Лыткина... Именно она, оказывается, является объектом литературного вождения югорчан. Тогда как, скажем, Сергей Козлов занимает у нее 21 строчку, Николай Коняев – последнюю, 29-ю. А Сергея Луцкого и Дмитрия Мизгулина там нет и в помине...

Ненавязчиво, этак вскользь, автор подводит нас к выводу: гениев затирают! То бишь меня, такую красивую и талантливую! Пустите Дуньку в Европу!

Уважаемая Любовь Геннадьевна! Книжки Коняева занимают достойное место на моей книжной полке (только ему, пожалуйста, об этом не говорите, мы с ним до сих пор в контрах). И после ознакомления с вашим, прости Господи, творчеством, поднялись в моем рейтинге еще выше.

Вы совершенно правы, говоря о себе и своем напарнике В. Орлове «...работаем не один год в «литературном цехе». Может быть, вы действительно там работаете – «шабашниками-производителями». А Коняев – он писатель, причем хороший. Хотя и очень «царапучий» человек. И уж кому-кому, но не вам вешать на него всех собак и сравнивать свои поделки с его творчеством.

Но с одним вашим утверждением я согласен полностью: «...Второй путь требует наличия лишь двух качеств: этической индифферентности и честолюбия бесталанности. Симбиоз этих качеств подсказывает логику движения: если хочешь быть ярче других, туши окружающие огоньки, и тогда твое тление при известных пиар-ходах будет выглядеть как горение».

Ваш «противопожарный симбиоз» достоин всяческого уважения...

2010

Послесловие

Несмотря на все свое возмущение по поводу данной публикации, В. Орлов так и не рискнул прийти к автору «на разборки». А вот Л. Лыткина приходила, и даже не единожды. После бурных и продолжительных дискуссий критикесса получила согласие на публикацию собственной точки зрения в окружной газете и удалилась эту самую точку готовить. С тех пор в редакции ее не видели...

«ТЕХНИКА БЕЗОПАСНОСТИ» ДЛЯ ПРОСТИТУТОК

Недавно окружной Центр по профилактике и борьбе со СПИДом выпустил малоформатную брошюрку с незамысловатым названием «Техника безопасности». Адресована она (вы только не падайте!) «девушкам, оказывающим сексуальные услуги»...

Я не ханжа. Понимаю, что «жрицы любви» существовали всегда, что ни одно государство и ни один орган власти не смогли полностью искоренить «ночных бабочек». Но они хотя бы делали вид, что борются! А вот правительство Ханты-Мансийского автономного округа имеет собственную точку зрения на проблему и даже идет на то, чтобы оплачивать обучение проституток – посредством издания для них учебных пособий.

Не могу не привести некоторые из опубликованных там сентенций. «Может существовать много разных причин, по которым ты стала заниматься коммерческим сексом, но в любом случае это – твоя работа», «В нашей стране нет закона, запрещающего проституцию, поэтому ты, работая в секс-бизнесе, не нарушаешь его предписаний и имеешь полное право на защиту собственной жизни, здоровья и достоинства...» – почти по классику: тварь я дрожащая или право имею? Или вот: «Не надейся на то, что у клиента будет презерватив, всегда имей свой» – так сказать, слесарь, не пользуйся рабочим инструментом соседа...

Видимо, сексуальная жизнь руководства окружного департамента здравоохранения и центра медпрофилактики разнообразна и увлекательна. Иначе откуда бы взялся такой вот утверждениям: «Цивилизация идет вперед, и сейчас оральный и анальный секс – это часть интимной жизни многих и многих. Людей, ведущих исключительно гомосексуальный образ жизни, в обществе примерно 3-3,5 процента...»

Нельзя не отметить актуальность советов наших авторов. Интересно, правда, откуда у них столь глубокое знание предмета? Скажем, «Заранее обговори с клиентом рамки предоставляемых тобой услуг и цену за них». Или вот: «Сделай так, чтобы клиент кончил не внутрь тебя, а снаружи» – дескать, умываться, дети, надо по утрам и вечерам...

На мой взгляд, данная брошюрка служит только одной цели – романтизации и легализации «продажной любви». Как вы думаете, что поймут наши безбашенные студентки и школьницы из данного буклета? Только одно: проституция – это не грех, не противоестественная и противоправное занятие, а вполне уважаемый, хотя и нелегкий труд. Лишь на одной из последних страничек этого пособия для шалав вскользь упомянуто, что данное занятие не одобряется законом, а в Административном кодексе даже существует статья за занятие проституцией.

Брошюра, будь она неладна, заканчивается прям-таки материнским напутствием подзаборным «путанам»: «О тебе заботится окружная целевая программа «Анти-СПИД». А я, дурак, думал, что программа в первую очередь призвана заботиться об обычных, законопослушных людях, которые женятся, рожают, честно работают, платят налоги – на которые потом печатают пособия для «бабочек». Что поделал, окружной Центр по профилактике и борьбе со СПИДом гораздо лучше меня знает, куда идет цивилизация...

Мне кажется, что брошюра, по предварительному сговору изданная работниками окружного Центра по профилактике и борьбе со СПИДом, полностью подпадает под действие данной статьи. Учебное пособие, способствующее легализации, расширению и укреплению аморального и преступного бизнеса, является ничем иным, как вовлечением в занятие проституцией. Не так ли?

2009

Послесловие

Сразу после выхода в свет этого фельетона руководство Центра медпрофилактики было вызвано «на ковер» в правительство округа. Ходят упорные слухи, что вышло оно из дома №5 по улице Мира совершенно поседевшим...

Рекламой интим-услуг до сих пор забиты местные газеты бесплатных объявлений, полиция время от времени разгоняет проституток, но они тут же появляются вновь.

По распространению СПИДа наш округ тоже занимает одно из лидирующих мест в стране...

О ЧИСТОТЕ РУК, НОГ И ПОГОН

У жизни в глубинке есть свои преимущества: спокойно в провинции, благостно, выхлопных газов – поменьше, грибов – побольше. Но, с другой стороны, тысячеверстные расстояния не лучшим образом влияют на характер некоторых руководителей. Привыкают они к собственному величию и непогрешимости: «до Бога высоко, до царя далеко». А такие настроения приводят подчас к трагикомическим и весьма поучительным ситуациям...

Так вот, в одном муниципальном царстве – коммунальном государстве приключилась забавная история. Началась она с того, что пришел в городскую больницу начальник местной милиции. А надо сказать, что в больнице той чистота и порядок, стерильность и сплошная дезинфекция. Все как положено: при входе надо верхнюю одежду сдавать в гардероб, а на обувку натягивать бахилы, дабы не занести в храм здравоохранения микробы с миазмами.

Следить за порядком приставлены сторожа-охранники. Молодые парни в униформе и пьяного внутрь не пустят, и носилки с больным помогут занести, и посетителям переодеться посоветуют. Так вот, один из сторожей на свою беду и порекомендовал нашему полковнику надеть бахилы. Мол, положено так, чтоб без миазмов.

Не осознавал парнишка, что все условия, правила и порядки предназначены для нас, простых смертных. А полковник – это ведь без пятнадцати минут генерал, по старорежимному к нему «ваше высокоблагородие» обращаться положено. У него, полковника, звезд больших на погонах немеряно, форма с иголочки, шапка каракулевая. Оно и понятно: под шапкой той кроются шибко извилистые извилины, не то что, скажем, у майора или там капитана. И остальные части полковничьего тела гораздо ценнее, чем у простых смертных. Представьте себе, какие документы эта рука подписывает, какие секреты эти уши слышат!

И вот на эти-то высокородные ноги покусился какой-то сторож! Негодованию господина полковника не было предела. Он настолько обиделся на негостеприимность работников здравоохранения, что тут же развернулся и ушел восвояси, предварительно пообещав охраннику: «Погоди уж!»

Это «ужо» пришло в 17.00 в виде двух мужчин, одного в штатском, другого в самой заправдашной форме старшего лейтенанта милиции. «...И предложили мне проехать с ними в кабинет начальника ГОВД, пояснив, что в случае отказа применят физическую силу» – это цитата из докладной злополучного сторожа. Ошарашенного парня и его непосредственного начальника доставили в милицию, где продержали аж до 19.30. Потом, правда, отпустили – все-таки не 37-й на дворе, для кого – к счастью, для кого – к сожалению.

Но история на этом не закончилась. После того, как руководство больницы попыталось вступить за своего работника, на врачей вдруг посыпались дальнейшие неприятности вроде внеплановых проверок из ГАИ или паспортно-визовой службы. Только вмешательство местной администрации предотвратило дальнейшую эскалацию напряженности в виде «маски-шоу» в роддоме и обысков в реанимации.

Я связался с господином полковником по телефону и попросил изложить свою версию «бахильного» конфликта. В ответ, естественно, рассчитывал услышать убедительную

историю о недостойном поведении сторожа, из-за чего возникла необходимость доставлять его в милицию. Но вместо этого господин полковник заявил, что в нашу редакцию уже должны были позвонить из мэрии и «утрясти вопрос»...

...Почему здесь не указан город, в котором разворачивался этот конфликт право- и здравоохранения? Да просто очень уж просили добрые люди не бросать тень на все муниципальное образование. Может быть, это и правильно. Наверняка наш господин полковник широко прославился на другом поприще – как неугомонный борец с преступностью, верный заветам Феликса Эдмундовича. Помните его знаменитую фразу о «горячем сердце, холодной голове и чистых руках»? О чистоте ног там не было сказано ни слова...

2003

Послесловие

После данной публикации конфликт все-таки удалось урегулировать. Полковник впоследствии еще не раз становился объектом сатирических выступлений журналистов разных изданий, но тем не менее долго сидел в кресле начальника городской милиции. До тех пор, пока новый руководитель окружного УВД Василий Романица не сменил всех муниципальных начальников – дураков и умных, честных и беспринципных, правых и виноватых.

Наступили другие времена...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
Штрихи к портрету	5
Баба Варя.....	5
Такой ты была, Советская армия.....	8
Столичный житель.....	11
Живущие вопреки.....	13
«Наградили нас потом: кто живые – тех медалями, а кто мертвые – крестом...».....	15
«Кто мечом убивает, тому самому надлежит быть убиту мечом...».....	18
Кум.....	21
Сибирская косточка.....	23
«Это наша с тобой биография»	26
Россия, которой уже не будет.....	26
Уходящий поселок Рыбный.....	29
Любовь моя – Ханты-Мансийск.....	33
Шестая пуля капитана Безноскова.....	35
Эпоха видео: «совковая» романтика с капелькой эротики.....	40
Первая «ласточка» в небе Югры.....	42
Забавы молодых.....	44
Времена не выбирают, в них живут и умирают.....	47
Новейшая алкогольная история.....	52
«За тех, кто в МУРе, никто не пьет...»	55
«Черный ворон, я не твой...».....	55
Смертный грех.....	60
Огонь на поражение.....	64
Чечня: камо грядеши?.....	67
«Прививка» от бешенства.....	77
Такой у них МЕНТалитет.....	80
«А мы пошли за так на четвертак...»	83
Зона: взгляд изнутри.....	83
Зона-2. Бунт, которого не было.....	89
О людях хороших	93
Сорокалетним посвящается.....	93
Счастливые люди – и Ксюша Собчак.....	95
Ненужные люди.....	97
Неспешные люди.....	100
К вопросу о национальной самоидентификации.....	101
Точка на карте	103
...И подмывает Обь высокий берег.....	103
Жизнь «под запись».....	109
Деревня в графе «убытки».....	112
По следам доктора Ватсона	116
Квартиру – за «пузырь»?.....	116
Тайга на вынос.....	119
Собаке – собачья смерть?.....	122
«Да здравствует самый гуманный!»	125
К вопросу о юридической половозрелости.....	125
Поймите совесть, господа!.....	127
Обыкновенный садизм.....	130
Вольному – воля, спасенному – рай?.....	133
Тяжесть материнской нежности.....	135
Трагедия белой ночи.....	137
Кровавая арифметика.....	140
Это было бы смешно, если б не было так грустно	143
Идол в рядах мажореток.....	143
«Маркитанты» от литературного маркетинга.....	145
«Техника безопасности» для проституток.....	148
О чистоте рук, ног и погон.....	149

Андрей Рябов

**СИБИРСКАЯ
КОСТОЧКА**

Корректор Т.Н. Назырова

Подписано в печать 19.09.2014 г.

Формат 60x90/16

Печать офсетная. Бумага ВХИ. Объём 9 усл. печ. л.

Заказ 1966. Тираж 500 экз.

ОАО «Тюменский издательский дом»

625031, г. Тюмень, ул. Шишкова, 6.

тел./факс 8(3452) 75-20-00

1-00

